

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 4(35) 2019

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 4(35) 2019

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Л.М. Кольцова – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.А. Акелькина** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия.

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2019

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

L.M. Koltsova – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **Tomtogtokh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.A. Akelkina** – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **N.V. Tsybalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia.
Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора.....	8
<i>Лингвистика</i>	
Кирчанов М.В. «Северо-западные» деконструктивистские интерпретации «восточно-славянских» языков.....	10
Ковалев Г.Ф. Имя собственное в жизни и творчестве Ю. Олеши.....	18
<i>Методика преподавания языков</i>	
Суслова О.В., Белокаменцева А.П. Формирующее оценивание: ключевые особенности и опыт применения в обучении английскому языку.....	25
Сычева Л.В. К вопросу о коммуникативной компетенции иностранных студентов и некоторых способах ее формирования на занятиях по РКИ	33
<i>Аспекты изучения художественного текста</i>	
Качалова Л.Е. Спектр языковых инструментов воздействия в речи адресанта, репрезентированной в англо- и русскоязычных художественных текстах.....	41
Овсянникова А.Е., Шевченко Е.А. Специфика изображения женских образов на примере словесных портретов героинь Дж. Фаулза «Daniel Martin».....	48
Гребнева М.П., Николаева О.Е. Динамика образа главного героя в редакциях (первой, третьей и шестой) поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон».....	56
<i>Лингвокультурология</i>	
Андрианова Д.В. Фразеологизмы с именами собственными в нижнепечерских говорах (по материалам «Фразеологического словаря русских говоров Нижней Печоры» Н.А. Ставшиной).....	61
Мифтахова О.В., Хромова А.С. Гендерно симметричная лексика в современном немецком языке.....	67
Василевская А.С. Трехцветная модель картины мира в цикле стихотворений С. Есенина «Персидские мотивы».....	74
<i>Межкультурная коммуникация</i>	
Гудкова О.А., Никитина О.А. К вопросу об эмотивной составляющей значения новой немецкой идиомы ETWAS IST FÜR JMDN. EIN INNERES BLUMENPFLÜCKEN.....	82

Язык СМИ

Васильева Н.А. Функции медицинских терминов в медиатекстах..... 89

События, обзоры, рецензии

Обухова Е.С. Конференция «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее и будущее» - научные связи России и С. Македонии..... 95

Правила оформления статей..... 99

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
<i>Linguistics</i>	
Kyrchanoff Maksym V. «North-Western» deconstructivistic interpretations of «East-Slavonic» languages.....	10
Kovalev G.F. Proper name in life and creativity of Y. Olesha.....	18
<i>Methods of teaching languages</i>	
Suslova O.V., Belokamentseva A.P. Formative assessment: key features of the methodology and practise.....	25
Sycheva L.V. To the question of communicative competence of foreign students and some methods of its formation at the lessons of Russian as a foreign language.....	33
<i>Literary text: aspects of study</i>	
Kachalova L.E. Linguistic means of pedagogical impact in the speech of the addresser in English and Russian fiction.....	41
Ovsyannikova A.E., Shevchenko E.A. Specific features of portraying female characters shown by the examples of women's verbal portraits in the novel «Daniel Martin» by J. Fowles.....	48
Grebneva M.P., Nikolaeva O.E. The dynamics of the image of the protagonist in the editions (first, third and sixth) of the poem by M. Lermontov «Demon».....	56
<i>Language and culture studies</i>	
Andrianova D.V. Idioms and proverbs with onyms in the Nizhnaja Pechora dialects (based on the «Phraseological dictionary of the Russian dialects of Nizhnaja Pechora» by N.A. Stavshina.....	61
Miftakhova O.V., Khromova A.S. Gender symmetrical lexis in modern German language	67
Vasilevskaya A.S. Three-colored picture of the world in the cycle of verses by S. Esenin «Persian Motives».....	74

Intercultural communication

Gudkova O.A., Nikitina O.A. To the question of the emotive component in the meaning of a new German idiom ETWAS IST FÜR JMDN. EIN INNERES BLUMENPFLÜCKEN.....	82
---	----

Language of mass media

Vasiljeva N.A. Functions of medical terms in media texts.....	89
---	----

Events and reviews

Obukhova E.S. Conference Russian language, literature and culture: past, present and future – scientific relations of Russia and N. Macedonia.....	95
Layout of the articles.....	99

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей тридцать пятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из семи разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Язык СМИ», VII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 13 научных работ.

В раздел «Лингвистика» входит работа, посвященная анализу ревизионистских точек зрения на историю восточнославянских языков (Кирчанов М.В.), а также статья, рассматривающая особенности восприятия Ю. Олшей своего имени и фамилии, а также имен окружающих его друзей и знакомых (Ковалев Г.Ф.).

Раздел «Методика преподавания языков» представлен работой, обращающейся к анализу такого метода оценивания, как формирующее оценивание, с успехом применяемого в зарубежной практике, но не пользующегося широкой известностью в российском образовании (Суслова О.В., Белокаменцева А.П.), и статьей, посвященной рассмотрению круга компетенций (лингвистической, речевой, социальной, социокультурной, стратегической, дискурсивной, профессиональной), которые вырабатываются у студентов на занятиях по русскому языку как иностранному и ведут к формированию базовой коммуникативной компетенции (Сычева Л.В.).

Раздел «Аспекты изучения художественного текста» включает статью, раскрывающую спектр языковых инструментов воздействия в речи ведущего участника коммуникации в англо- и русскоязычных художественных текстах (Качалова Л.Е.), работу, рассматривающую стилистические особенности изображения женских портретов в романе Дж. Фаулза «Daniel Martin» (Овсянникова А.Е., Шевченко Е.А.), а также исследование, представляющее творческую историю поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» с точки зрения формирования ее замысла и эволюции образа главного героя (Гребнева М.П., Николаева О.Е.).

Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые посвящены анализу фразеологизированных устойчивых оборотов, включающих имена собственные, в нижепечерских говорах (Андрианова Д.В.), и процессу феминизации и нейтрализации со-

временной немецкой лексики (Мифтахова О.В., Хромова А.С.), а также исследование, представляющее трехцветную модель картины мира С. Есенина (Василевская А.С.).

Раздел «Межкультурная коммуникация» включает работу, содержащую описание эмотивного компонента новой идиомы немецкого языка *etwas ist für jmdn. ein inneres Blumenpflücken*» (Гудкова О.А., Никитина О.А.).

Раздел «Язык СМИ» представлен исследованием функционирования медицинских терминов в современных медиатекстах (Васильева Н.А.).

Завершает выпуск раздел «События, обзоры, рецензии», в котором дан отчет о II Международной конференции «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее и будущее», организованной Русским центром при УКИМ (при поддержке фонда «Русский мир»).

Содержащиеся в выпуске 4(35) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГГУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК811.161

*Воронежский государственный университет
доктор исторических наук,
доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран,
Кирчанов М.В.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University,
The chair of regional studies and economies
of foreign countries
Dr. of History, associate professor,
Kyrchanoff M.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

М.В. Кирчанов

«СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ» ДЕКОНСТРУКТИВИСТСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ» ЯЗЫКОВ

Автор анализирует ревизионистские точки зрения на историю восточнославянских языков. Мнение, что восточнославянские языки являются одной из трех групп славянских языков, доминирует в российской историографии среди историков и филологов, но некоторые российские авторы предлагают альтернативную точку зрения. Историки и филологи ревизионистской ориентации полагают, что концепты «восточнославянские языки», «древнерусский язык» и «древнерусская народность» стали политическими и идеологическими конструкциями. Отвергая точку зрения официальной историографии, ревизионисты считают, что восточные славяне были гетерогенными сообществами, единого древнерусского языка не существовало, жители регионов Киевской Руси могли иметь западное или южное славянское происхождение, и поэтому не все языки, ранее определяемые как «восточнославянские», принадлежали к этой группе. Ревизионисты указывают на то, что отдельные западнославянские племена участвовали в генезисе «восточных» славян и только политические и идеологические мотивы вынуждали историков и филологов воображать их как «восточных славян».

Ключевые слова: восточнославянские языки, западнославянские языки, ревизионизм, древненовгородский язык, история идей.

M.V. Kyrchanoff

«NORTH-WESTERN» DECONSTRUCTIVISTIC INTERPRETATIONS OF «EAST-SLAVONIC» LANGUAGES

The author analyses the revisionist viewpoints on the history of East-Slavonic languages. The opinion that East-Slavonic languages form one of the three groups of Slavonic languages dominates Russian historiography among historians and philologists, but some Russian intellectuals suggest an alternative idea. Historians and philologists of the revisionist orientation believe that the concepts of “East-Slavonic languages”, “Old Russian language” and “Old Russian people” have become political and ideological constructs. Rejecting the viewpoint of official historiography, revisionists presume that east Slavs were heterogeneous communities, single Russian language did not exist, residents of regions of Kiev Rus could have had western or southern Slavonic roots and, therefore, not all languages defined as “east Slavonic” previously belonged to this group. Revisionists state that certain West-Slavonic tribes participated in the genesis of the “eastern” Slavs and political and ideological motives only forced historians and philologists to imagine them as “eastern Slavs”.

Key words: East-Slavonic languages, West-Slavonic languages, revisionism, Old Novgorod language, history of

ideas.

Языковая история восточных славян, как и политическая история, на протяжении длительного времени была пространством последовательной политизации, мифологизации и идеологизации, инициированной правящими политическими элитами и лояльными к ним интеллектуалами, которые последовательно производили и формировали нарративы, призванные культивировать лояльность и не допускать появления альтернативных точек зрения. Русские дореволюционные историки полагали, что существует единый русский язык, и рассматривали украинский и белорусский как его диалекты. Советские лингвисты внесли корректировку в эту схему, признав независимый статус украинского и белорусского языков, но включив их предков в состав так называемой древнерусской народности, а сами языки – в число восточнославянских языков.

Эта стройная, на первый взгляд, концепция начала разрушаться в 1980-е годы, когда некоторые советские филологи усомнились в незыблемости выводов и положений работ их предшественников, предложив фактически ревизионистскую точку зрения, основанную на пересмотре самой концепции истории древнерусского языка и, как следствие, существования древнерусской народности и восточнославянских языков как ее исторических наследников.

Поэтому, целью автора этой статьи является анализ ревизионистских концепций относительно истории древнерусского языка и восточнославянских языков как его прямых продолжений, которые, начиная с 1980-х годов, причиной дискуссий в академическом сообществе.

Американский историк Джэймс МакФерсон, комментируя роль ревизионизма в развитии гуманитарных наук, подчеркивает, что «ревизия является жизненной основой... науки. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным... Не существует единой, вечной и неизменной истины о событиях прошлого... Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути «ревизионизм», как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» [1]. Ревизионистские концепции играют особую роль в современном языкознании, представляя радикальное течение эпистемологии лингвистических исследований. Ревизионизм в филологии отличается от ревизионизма в истории тем, что ревизионистские штудии менее политизированы, будучи направленными преимущественно на пересмотр более ранних концепций, а не на смену политических или идеологических предпочтений того или иного общества.

Несмотря на такой формально «мирный» характер лингвистического ревизионизма, проблемы истории древнерусского языка и связанные с ним проблемы типологизации восточнославянских языков, являются источником идеологизации и политизации науки.

В современной отечественной историографии и филологии доминирует концепция, согласно которой, во-первых, территория Киевской Руси была населена единой древнерусской народностью; во-вторых, предками древнерусской народности были восточнославянские племена; в-третьих, потомками древнерусского языка стали русский, украинский и белорусский, которые определяются как восточнославянские языки [2; 3]. Эта точка зрения, которая в научной литературе описана лучше других [4], в современной ситуации не является формально доминирующей (она преобладает фактически) в силу того, что некоторые исследователи указывают на необходимость ее ревизии и пересмотра.

Каковы основные положения ревизионизма в изучении восточнославянской лингвистической проблематики? Какие интеллектуалы внесли наибольший вклад в актуализацию альтернативных точек зрения и в попытки деконструкции официального канона?

Ревизионистская точка зрения, которая ставила под сомнение существование восточнославянской группы языков, была представлена в работах нескольких авторов, суммируя

предположения которых, мы можем сформулировать несколько идей, составляющих основные постулаты ревизионистского подхода к истории восточнославянских языков.

Во-первых, ревизионистские точки зрения в интерпретации восточнославянских языков органически связаны с попытками предложить альтернативный подход к изучению истории древнерусской народности и, как результат, восточного славянства. Российский историк Игорь Данилевский полагает, что «в этническом плане – сегодня это уже достаточно ясно – население Киевской Руси нельзя представить в виде единой древнерусской народности. Жители Древней Руси достаточно четко делились на несколько этнических групп – с разной внешностью, языком, материальной и духовной культурой» [5]. Историки стали первыми, кто усомнился в существовании древнерусской народности, актуализировав проблемы и возможности пересмотра истории восточнославянских языков, осознав, что население региона было гетерогенным, а прародины предков его обитателей были различны [6; 7].

Во-вторых, сторонники ревизионистского восприятия и деконструкции официального историографического канона полагают, что идея о существовании восточно-славянских языков и древнерусской народности как той общности, которая положила начало их истории, стала не более чем изобретенной.

В-третьих, сторонники ревизионистской точки зрения на историю восточнославянских языков полагают, что при типологизации языков следует отказаться от географического принципа, выбрав для классификации другие критерии, которые актуализировали бы не пространственное размещение носителей языков, а учитывали бы грамматические особенности самих языков. Сторонники пересмотра канонической версии истории восточнославянских языков указывают на значительные особенности и отличия диалектов того языка, который традиционно определяется как «древнерусский». По мнению ряда авторов, древненовгородский диалект не только значительно отличался от других диалектов, но и генетически восходил не к правосточнославянскому, а к праславянскому этапу [8].

Сторонники ревизионистской точки зрения в связи с этим полагают, что те говоры, которые легли в основу древненовгородского диалекта, исторически формировались и эволюционировали самостоятельно по отношению к восточнославянскому языковому ареалу [9]. Таким образом, новгородский диалект развивался отлично от южных диалектов, что позволяет сторонникам этой точки зрения полагать, что восточнославянские языки не более чем политический и идеологический конструкт. Пребывание древненовгородского диалекта в восточнославянском контексте стало следствием политических процессов, но не результатом развития самого языка.

Поэтому, сторонники ревизионистской точки зрения настаивают на том, что особенности древненовгородского диалекта стали, с одной стороны, следствием его исторической, точнее – хорологической, архаичности [10] в сравнении с диалектами, которые выделились позднее, и, с другой, генетическими связями с диалектами, относимыми к западным пралехитским, прасерболужицким [11; 12] и балканским праюжнославянским [13]. Поэтому, сторонниками этого альтернативного подхода использовался для обозначения древненовгородского, древнепсковского и кривического языков другой термин – «северо-западные славянские языки» [14], что разрушало традиционное для советской филологии и историографии деление славянских языков на западные, восточные и южные.

В связи с чем сторонники радикально ревизионистской эпистемологии полагают, что древненовгородский язык принадлежал к западнославянским языкам [15]. Развивая это предположение и пересматривая точки зрения и стереотипы, которые доминировали в более ранней литературе, последователи ревизионистских концепций исключают из числа восточных славян ильменских словен (как предков средневекового населения Новгорода и Пскова) и кривичей [16; 17] (как предков современных белорусов) [18; 19]. Советский и российский балтист В.В. Топоров также связывал генезис кривичей с зоной расселения западных славян

[20], а А.А. Зализняк считал возможным констатировать, что древненовгородский язык был близок к западославянским (севернолехитскими) и южнославянским (словенским) языкам и диалектам [21].

В конце 1980-х годов А.А.Зализняк [22] несколько модифицировал доводы сторонников ревизионистского подхода, предположив, что, во-первых, диалект кривичей входил в особую северо-западную группу славянских языков вместе с польским, северно-лехитским и лужицкими языками; во-вторых, диалект словен ильменских принадлежал к другой группе славянских языков, определяемой как юго-восточная, куда также входили болгарский, сербский, хорватский и словенский. Сторонники этой точки зрения указывают на параллели новгородской топонимии с западославянскими языками [23; 24], позволяя локализовать новгородский диалект, определяемый как самостоятельный язык, среди не восточных, но западных славянских языков, что, с одной стороны, содействует деконструкции теории древнерусской народности и древнерусского языка, а, с другой, нивелирует роль концепции существования восточнославянских языков как, по их мнению, архаичной, политически мотивированной и поэтому необъективной и утратившей свое значение теории.

Анализ рассмотренных выше концептов в истории восточнославянской филологии, позволяет констатировать как значительную фрагментированность отечественного академического сообщества, так и гетерогенность точек зрения, предлагаемых его представителями. Обращаясь к сложившейся ситуации методологической и концептуальной гетерогенности в написании ранней истории славянских языков, во внимание необходимо принять ряд факторов, актуализирующих основные тенденции развития научного сообщества. Для описания современного научного российского сообщества лингвистов, вполне применима метафора, предложенная британским историком Джэфом Эли [25], который предположил, что любая наука сравнима с движущимся поездом: если в одних вагонах (а таковых большинство) едут сторонники традиционной позитивистской методологии знания, то в других следуют приверженцы радикальной эпистемологии: первых большинство и они бы с удовольствием избавились бы от вторых как покушающихся на сложившиеся нормы академической ортодоксии, но в этой ситуации позитивно хотя бы то, что поезд науки движется, предопределяя возможность изменений.

Комментируя предположение британского историка применительно к российской лингвистике, вероятно, следует принять, что сторонников консервативных подходов к описанию как предмета исследования, так и самого языка науки, с одной стороны, большинство. С другой стороны, формальные институции научного сообщества (периодические издания, научные учреждения, структурные подразделения НИИ и университетов) находятся под контролем представителей старшего поколения, которые склонны придерживаться традиционных парадигм и избегать радикальной эпистемологии. В этой ситуации нельзя исключать применение неформальных практик контроля научного сообщества, к которым относятся идеологические ограничения, непрозрачность института рецензирования и политически мотивированная цензура [26] в формально академических периодических изданиях, что содействует маргинализации тех авторов, которые склонны следовать методам радикальной эпистемологии, включая такие ее частные случаи как модернизм и конструктивизм.

Вероятно, достижение компромисса в современной российской лингвистике относительно проблем, проанализированных выше, представляется маловероятным и фактически недостижимым. Автор полагает, что научное сообщество и в будущем продолжит функционировать как фрагментированное и гетерогенное с теоретической и методологической точек зрения. Это усилит дифференциацию как исследовательских институтов и университетов, так и специализированных периодических изданий, которые на современном этапе неформально могут быть разделены на традиционные и радикально эпистемологические. Первые (факультеты и кафедры в региональных классических университетах, некоторые подразделения исследовательских институтов, а также периодические издания, связанные с государ-

ственными учреждениями) будут воспроизводить и транслировать канон идеологически и политически мотивированного знания, унаследованного от предыдущих поколений исследователей, что будет содействовать консервации сообщества, углублению методологических расхождений и, как результат, создаст условия для стагнации и кризиса. Вторые, как сторонники радикальной эпистемологии, конечно, будут маргинальны на фоне консервативного большинства, но их разнообразные активности, включая публикации, проблемно и тематически, не совпадающие с доминирующим дискурсом и альтернативные официальному канону, могут стать фактором гетерогенизации исследований проблемы, проанализированной автором в этой статье.

Прогнозируя вероятные пути развития лингвистических исследований в отечественном научном сообществе в том случае, если радикальная эпистемология перестанет быть маргинальной, возможен следующий сценарий в случае достижения институционального компромисса. Во-первых, следует признать, что позитивистские методы изучения лингвистических явлений устарели, став частью интеллектуальной истории, истории идей или археологии идей в истории отечественной или мировой лингвистики. Во-вторых, современные языки могут восприниматься как политические и идеологические конструкты, порожденные процессами социальной и культурной модернизации, которая институционализовала нацию и нацию-государство в качестве универсальных акторов. В-третьих, вероятно, консервативное большинство будет вынуждено осознать, что написанная история той науки, к которой они себя относят, и ее теоретические положения являются не более чем изобретенными традициями, которые могут и должны подвергаться ревизии – поэтому численность как исторических форм славянских языков, так и их современное количество является не более чем неформальным политическим компромиссом (украинский и белорусский языки были признаны отдельными только в начале 20 века, македонский – после второй мировой войны), достигнутым предыдущими поколениями ученых, что вовсе не означает невозможность количественной ревизии канона (процессы языковой фрагментации «сербо-хорватского» языка продолжаются и на современном этапе) с пересмотром более частных вопросов принадлежности или непринадлежности славянских языков к тем или иным группам, выделенным частично по географическому и отчасти политическому признаку. В-четвертых, необходимо признать, что история изучения тех или иных языков является не более чем частью истории идей и изобретенной интеллектуальной традицией, а ведущие лингвисты прошлого были не только авторами идей, но и фактически стали более поздними конструктами, созданными усилиями нескольких поколений представителей научного сообщества – поэтому нормальный режим функционирования современных гуманитарных наук состоит в постоянной реинтерпретации и ревизии более раннего академического наследия, но не в его канонизации.

Таким образом, подводя итоги статьи, во внимание следует принимать несколько факторов.

Во-первых, альтернативная или ревизионистская точки зрения на историю восточнославянских языков в современной российской историографии и филологии является маргинальной в силу ее невидимости и инерционной модели развития отечественных гуманитарных наук, которые существуют и развиваются в рамках инерционной модели, воспроизводя гранд-нарративы, унаследованные от более ранней историографии. Во-вторых, перспективы развития ревизионистского подхода являются неопределенными и туманными, потому что после смерти А.А. Зализняка практически не осталось активных и ярких ее популяризаторов и защитников.

В-третьих, альтернативная концепция, продвигаемая исследователями-ревизионистами, будет замалчиваться консервативным большинством, которое не заинтересовано в ревизии сложившихся подходов к описанию / написанию истории славянских языков. В-четвертых, гипотетическое превращение ревизионистского подхода в условный академический «мэйн-

стрим» в одинаковой степени невыгодно как историкам, так и филологам, потому что требует радикальной ревизии – от пересмотра истории Киевской Руси и концепции древнерусской народности в историографии до попыток выработать новую классификацию славянских языков в филологии.

В целом же, ревизионистские подходы к истории восточнославянских языков следует признать важным и позитивным фактором для развития отечественного научного сообщества в силу того, что ревизия и радикальный пересмотр сложившихся ранее теорий и концептов расширяет формы и горизонты возможных интерпретаций, содействуя междисциплинарному синтезу достижений историографии и филологии.

Библиографический список

1. McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History: Newsletter of American Historical Association. 2003. Vol. 41. No. 6. September 1. P. 1.
2. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.
3. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. М.: Наука, 1970. 160 с.
4. Юсова Н.М. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця: Консоль, 2005. 545 с.
5. Данилевский И.В. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). М.: Аспект пресс, 1998. 398 с.
6. Мядзведзеў А. Аб часе прыходу славян на тэрыторыю Беларусі (да пастаноўкі праблемы) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы). Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў (Мінск, 3 – 5 лютага 1993 г.). Мн.: Навука і тэхніка, 1994. Ч. 1. Гісторыя Беларусі. С. 20-24.
7. Емяльянчык В. Антрапалагічныя аспекты славянізацыі Беларускага Падзвіння (да пастаноўкі праблемы) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 21 – 23 кастрычніка 1997 г.). Полацк, 1998. С. 100-107.
8. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
9. Хабургаев Г.А. Восточнославянские языки. Древнерусский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 418-438.
10. Шустер-Шевц Х. К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 3-10.
11. Lehr-Spławiński T. Gramatyka połabska. Lwów: Nakładowłasność K. S. Jakubowskiego, 1929. 289 s.
12. Mańczak W. Język czy dialekt kaszubski? Czyli o wpływie polskim na kaszubszczyznę // Słowiańskie pogranicza językowe / red. K. Handke. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1992. S. 73-83.
13. Журавлев А.Ф. Лексико-семантическое моделирование системы славянского языкового родства. М.: Индрик. 1994. 254 с.
14. Шахматов А.А. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг.: Научное дело, 1916. 148 с.
15. Крысько В.Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74-93.
16. Штыхаў Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў ў паўночнай Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка. 1992. 191 с.
17. Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. Мн.: Мастацкая літэратура, 1990. 366 с.

18. Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов (Кривичский племенной язык) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 23-49.
19. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. 2011. № 6. С. 3-19.
20. Топоров В. Значение белорусского ареала в этногенетических исследованиях // Славяне: адзінства і мнагастайнасць: Міжнародная канферэнцыя (Мінск, 24 – 27 мая 1990 г.): Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Секцыя 2. Этнагенез славян. Мн.: Навука і тэхніка, 1990. С. 87-90.
21. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977 – 1983 гг.). М.: Наука, 1986. 310 с.
22. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 года) / ред. И.Н. Толстой. М.: Наука, 1988. С. 175-176.
23. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2005. 468 с.
24. Рогалеў А. Крывіцкія «сляды» ў тапаніміі Беларусі // Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. 1987. № 3. С. 109-115.
25. Eley G. Wilhelminismus, Nationalismus, Faschismus: Zur historischen Kontinuität in Deutschland. Münster: Verlag Westfälisches Dampfboot, 1991. 331 p.
26. Кирчанов М.В. Лингвистика как политическая наука, или об идеологической цензуре. URL.: <https://angry-hum.livejournal.com/284.html> (дата обращения - 01.11.2019).

References

1. McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History: Newsletter of American Historical Association. 2003. Vol. 41. No. 6. September 1. P. 1.
2. Sedov V.V. Slavs in the early Middle Ages. Moscow, 1995. 416 p.
3. Tret'jakov P.N. Roots of the ancient Russian people. Moscow, 1970. 160 p.
4. Jusova N.M. Genesis of the concept of ancient Russian people in the historical science of the USSR (1930s - first half of 1940s). Vinnitsa, 2005. 545 p.
5. Danilevsky I.V. Ancient Russia by the eyes of contemporaries and descendants (IX - XII centuries). Moscow, 1998. 398 p.
6. Mjadzvedzeŭ A. The time of the arrival of the Slavs on the territory of Belarus (to the formulation of problem) // Historical science and historical education in Belarus. Minsk, 1994. Vol. 1. History of Belarus. P. 20-24.
7. Jemialjančyk V. Anthropological aspects of the Slavization of Belarusian Padzvinia // History and archaeology of Polotsk and Polotsk land. Polotsk, 1998. P. 100-107.
8. Zaliznjak A.A. Old Novgorod dialect. Moscow, 2004. 872 p.
9. Haburgaev G.A. East-Slavonic languages. Old Russian language // The languages of the world. Slavic languages. Moscow, 2005. P. 418-438.
10. Shuster-Shevts H. To the question of so-called pro-Slavonic archaisms in the ancient Novgorod dialect of the Russian language // Problems of linguistics. 1998. Vol. 6. P. 3-10.
11. Lehr-Splawiński T. Grammar of Polabian Slavonic language. Lvov, 1929. 289 p.
12. Mańczak W. Language or Kashub dialect? Or about the Polish influence on the Kashubian region // Slavic language frontier. Warsaw, 1992. P. 73-83.
13. Zhuravlev A.F. Lexical and semantic modelling of the system of Slavonic language kinship. Moscow, 1994. 254 p.

14. Shakhmatov A.A. Historical process of formation of Russian tribes and dialects. Petrograd, 1916. 148 p.
15. Krysko V.B. Ancient Novgorod and Pskov dialect in general Slavonic context // Problems of linguistics. 1998. Vol. 3. P. 74-93.
16. Shtyhaŭ H.V. Krivichs: excavations of burial mounds in the north of Belarus. Minsk, 1992. 191 p.
17. Jermalovich M. Ancient Belarus in Polotsk and Novgorod periods. Minsk, 1990. 366 p.
18. Nikolaev S.L. Early dialectal division and external relations of East Slaviv dialects (Krivich tribal language) // Issues of linguistics. 1994. No 3. P. 23-49.
19. Nikolaev S.L. The traces of East Slavic tribal dialects features in modern Russian dialects. Upper Volga (Tver) krivichs // Slavonic studies. 2011. Vol. 6. P. 3-19.
20. Toporov V. The value of Belarusian areal in ethnical and genetic studies // Slavs: unity and heterogeneity. Minsk, 1990. P. 87-90.
21. Janin V.L., Zaliznjak A.A. Novgorod letters on birch bark (from the excavations of 1977 - 1983). Moscow, 1986. 310 p.
22. Zaliznjak A.A. Old Novgorod dialect and dialectal division problems of late Proto-Slavonic language // Slavonic linguistics. Sofia, 1988. Moscow, 1988. P. 175-176.
23. Vasiliev V.L. Archaic toponymy of Novgorod land (Old Slavonic deantroponym formations). Great Novgorod, 2005. 468 p.
24. Rohaleŭ A. Krivich "traces" in the toponymy of Belarus // Annals of Academy of Sciences of BSSR. Humanities. 1987. Vol. 3. P. 109-115.
27. Eley G. Wilhelminismus, Nationalismus, Faschismus: Zur historischen Kontinuität in Deutschland. Münster: Verlag Westfälisches Dampfboot, 1991. 331 p.
28. Кирчанов М.В. Linguistics as a political science, or about ideological censorship. URL.: <https://angry-hum.livejournal.com/284.html> (date of application - 01.11.2019).

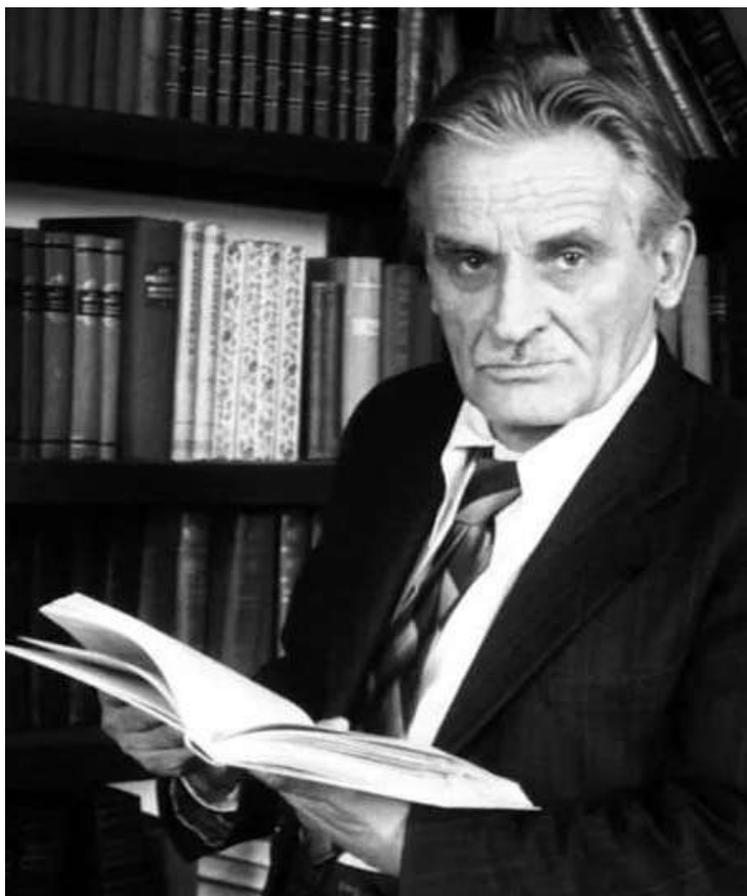
УДК 811. 161. 1'282. 2 (470324)

Воронежский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
славянской филологии
Ковалев Г.Ф.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Voronezh State University
The chair of Slavonic Philology,
Doctor of Philology,
The head of the chair
Kovalev G.F.
Russia, Voronezh, tel. (473) 2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Г.Ф. Ковалев

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ю. ОЛЕШИ
К 120-летию со дня рождения писателя (1899-1960)

В статье на обширном биографическом материале рассматривается отношение Ю. Олеши к имени собственному. Автор работы отмечает особенности восприятия Ю. Олешей своего имени и фамилии, а также имен окружающих его друзей и знакомых. Ю. Олеше была известна история своего рода, имеющего польские корни, в связи с чем, по его мнению, семантика фамилии восходит к апеллятиву *олеша* ‘оленок, молодой олень.’ Особое отношение к имени писатель переносил в художественные тексты, где имя собственное – это лаконичный способ емкой характеристики персонажа. В настоящей работе представлена специфика ономастической

лаборатории Ю.Олеша: 1) автобиографичность; 2) использование семантически значимых онимов; 3) стремление к фонетически необычным именам, семантика которых обусловлена восприятием их звукового облика; 4) словотворчество; 5) языковая игра на ономастическом уровне. Игра звуков в имени заинтересовала Ю. Олешу не только в собственных сочинениях, но и в произведениях классиков, а также современных писателей, о чем свидетельствуют его воспоминания. Среди особенностей рецепции имени собственного Ю. Олеша следует отметить важность графического (буквенного) оформления имени, что, во-первых, обусловлено восприятием художественного текста «с листа» (визуальная информация), а во-вторых, со стремлением к точной, неискаженной передаче значимого звукового состава имени.

Ключевые слова: Ю.Олеша, «Три толстяка», ономастика, антропоним, имя собственное, автобиографизм, словотворчество, ономастическая лаборатория.

G.F. Kovalev

PROPER NAME IN LIFE AND CREATIVITY OF Y. OLESHA

In the article on the extensive biographical material the relation of Y. Olesha to his own name is considered. The author of the work notes the peculiarities of Y. Olesha's perception of his name and surname, as well as the names of his friends and acquaintances. Y. Olesha was known for the history of his family, having Polish roots, in connection with which, in his opinion, the semantics of the surname goes back to the appellative *olesha* 'fawn, young deer.' The writer transferred the special relation to the name to literary texts where the proper name is a laconic way of capacious characterization. This paper presents the specificity of Y. Olesha's onomastic laboratory: 1) autobiography; 2) the use of semantically significant onyms; 3) the tendency to use phonetically unusual names, the semantics of which is due to the perception of their sound appearance; 4) word-making; 5) language game on the onomastic level. The game of sounds in the name interested Y. Olesha not only in his own compositions, but also in the works of classics, as well as modern writers, as evidenced by his memories. Among the features of Y. Olesha's reception of own name, we should note the importance of graphic (letter) design of the name, which, firstly, is due to the perception of the literary text "from the sheet" (visual information), and secondly, to the desire for accurate, undistorted transmission of the significant sound composition of the name.

Key words: Y. Olesha, "Three fat men", onomastics, anthroponym, proper name, autobiography, word-making, onomastic laboratory.

Крупный советский писатель Юрий Карлович Олеша показал себя прекрасным знатоком русского языка и литературы. Однако родным языком его детства был польский язык. К сожалению, за время жизни талант писателя так и не раскрылся полностью. Помешали идеолого-бюрократические придирки к его творениям, а также приверженность к бичу русского народа – спиртному. Сталинский режим, царивший в стране и в культуре, оказывал на Ю. Олешу уничтожающее действие. Ведь в 1930-е годы многие друзья и знакомые писателя были репрессированы, а произведения самого Юрия Карловича совершенно не печатались уже с 1936 года, да и сам писатель, начиная с середины тридцатых годов, практически перестал заниматься литературным творчеством. Несомненно, является большой проблемой то, что в настоящее время творчество Юрия Олеша не желают включать в школьные программы, практически не издают, не ставят в театрах. Фамилия Ю.Олеша должна была бы стоять между В.А. Озеровым и М.С. Ольминским в двухтомном справочнике «Русские писатели. Биобиблиографический словарь» [1], однако ее там нет. И, тем не менее, произведения его известны и любимы как детским, так взрослым населением России.

Несколько слов о происхождении рода Ю.К. Олеша. Юрий Олеша родился в семье обедневших польских дворян. Род Олеша вел начало от боярина Олеша Петровича, получившего в 1508 году от князя Федора Ивановича Ярославича-Пинского село Бережное на Украине.

Ю. Олеша учился в Одессе, прекрасно окончил самую престижную Ришельевскую гимназию, прилично играл в футбол и даже сотрудничал в качестве карикатуриста в журнале «Бомба». Будущий писатель поступил на юридический факультет, но отучился только два курса. Вслед за друзьями-писателями он устремился в Москву, где продолжительное вре-

мя работал в газете «Гудок». Здесь он создавал свои «зубастые» фельетоны, а затем и более серьезные вещи.

В годы войны писатель Ю. Олеша часто подходил к карте Родины, отмечая названия освобожденных от фашистов населенных пунктов: «Несколько раньше Юрий Карлович заинтересовался неожиданно наименованиями селений в Галиции, Южной Польше, освобожденных Советской Армией от немецких захватчиков. Указывал на газетную полосу, где он подчеркнул карандашом множество населенных пунктов.

– Смотрите – Олешаны, Олеси и масса таких же производных от оленя. Узнаете? Мое имя! Мое происхождение. Олененок, молодой олень» [2, с. 200-201].

Сам Ю. Олеша признавался: «И по происхождению я поляк – славянин, но католик» [3, с. 26]. Однажды писатель вспоминал случай из своего детства, связанный с его обучением русскому языку: «Я помню, как отец однажды пожелал проверить мои успехи в чтении по-русски. (Учила меня бабушка, отец выступал в данном случае как верховный судья).

– Иван! – кричит отец, рассердившись. – Иван!

Я произношу Иван, с ударением на первом слоге, по-польски, в каком языке не может быть ударения на последнем слоге.

– Ив́ан!

– И'ван! – повторяю я.

– Ив́ан! Ив́ан! Ив́ан!

Нет, я все же произношу – И'ван. Боясь, как бы во гневе не ударить меня, отец прекращает экзамен, я плачу. Я был еще маленький поляк, и мне было трудно повернуть в себе на новый лад то, что я воспринял с кровью» [3, с. 87].

Однако исследователь О.А. Сетько по литературоведческой традиции, считал сведения о польском происхождении Ю. Олеси чистым мифом: «Один из символов литературного творчества русской литературы рубежа XIX-XX вв. – автобиографический миф, сопряженный у ряда авторов (Ю. Олеша, В. Ходасевич, М. Цветаева) с польской темой. Особенность автобиографического мифа, понимаемого как художественная самопрезентация автора, заключалась в стремлении мифологизировать жизнь, преобразовать ее по законам искусства» [4].

И далее: «Одним из пунктов автомифа Ю. Олеси является вхождение в литературу под польским знаком: первая пьеса («Маленькое сердце») была написана в подражание С. Пшибышевскому. Ключевые герои Олеси также отмечены «польским» знаком: образ девочки-куклы Суок выстроен по схеме польских народных верований о кукле Аглае; фамилия Кавалерова, героя романа «Зависть», имеет польские корни (одинокий, бесплодный), а сам образ можно рассматривать как символ старого мира, связанный с культурным (рыцарским) наследием Европы, с которой писатель отождествлял в первую очередь Польшу. В романе «Три толстяка» присутствует скрытая метафора – ностальгия по никогда не виденной вживую родине: в описании сказочного города узнается Краков. Символично, что первым иллюстратором сказки стал Мстислав Добужинский, русский художник, потомок древнего литовского рода – это творческое сотрудничество могло символизировать культурную связь с утраченной прародиной» [4, с. 228].

Согласиться с таким мнением очень трудно. Это всего лишь призрачные образы против жестких фактов. Вот что писал об образе Кавалерова Юрий Олеша: «Мне говорили, что в Кавалерове есть много моего, что этот тип является автобиографическим, что Кавалеров – это я сам.

Да, Кавалеров смотрел на мир моими глазами. Краски, цвета, образы, сравнения, метафоры и умозаключения Кавалерова принадлежали мне. <...> Как художник проявил в Кавалерове наиболее чистую силу, силу первой вещи, силу пересказа первых впечатлений. И тут сказали, что Кавалеров пошляк и ничтожество. Зная, что много в Кавалерове есть моего лич-

ного, я принял на себя это обвинение в ничтожестве и пошлости, и оно меня потрясло» [5, с. 4-5].

Да, Ю. Олеша очень дорожил своим именем и даже подшучивал над ним. С. Довлатов вспоминал: «Юрий Олеша подписывал договор с филармонией. Договор был составлен традиционно:

«Юрий Карлович Олеша, именуемый в дальнейшем «автор»... Московская государственная филармония, именуемая в дальнейшем «заказчик»... Заключают настоящий договор в том, что автор обязуется...» И так далее.

Олеша сказал:

– Меня такая форма не устраивает.

– Что именно вас не устраивает, Юрий Карлович?

– Меня не устраивает такая форма: «Юрий Карлович Олеша, именуемый в дальнейшем «автор».

– А как же вы хотите?

– Я хочу по-другому.

– Ну так как же?

– Я хочу так: «Юрий Карлович Олеша, именуемый в дальнейшем – «Юра» [6, с. 108].

Фельетоны Ю. Олеша эпохи работы в газете «Гудок» могли конкурировать с агитками самого Демьяна Бедного. Юрий Карлович писал тогда под псевдонимом *Зубило*. Популярность его героя была так велика, что по стране даже разъезжали лже-Зубила – практически двоюродные братья «детей лейтенанта Шмидта». А вот И. Овчинников, в бытность свою заведующий отделом газеты «Гудок», где сотрудничал Ю. Олеша, вспоминал о том, как возник псевдоним *Зубило*: «Фельетон начинался так:

Бисером сыплют фонарики,

Тужится, прет пароход,

На берегу у Москва-реки

Края-матаня живет...

Под стихами подпись: «Касьян Агапов».

Фельетон мне понравился.

– А вот подпись, – говорю, – мне не нравится. Нашему читателю хорошо бы что-нибудь деповское, железнодорожное, с металлом!

– А вы что предлагаете?

Предлагать я ничего не собирался. Вопрос застал меня врасплох. Но чтобы поддержать разговор, я все же начал прикидывать вслух:

– Есть у наших слесарей универсальный инструмент – зубило: им рубят железо, зачищают на литье раковины и заусеницы, срубуют головки и гайки болтов, когда они не поддаются ключу.

Не дослушав до конца моей тирады, Олеша взял ручку, пропахал жирную черту по Касьяну Агапову, а сверху крупно и четко вывел: «Зубило».

Бывший заведующий отделом Григорович наше Зубило одобрил.

Так родился псевдоним, который почти на десять лет стал своего рода знаменем «четвертой полосы», да, пожалуй, и всего «Гудка» [7, с. 44-45].

На автобиографичность имени *Суок* указывает артист юмористического жанра В. Ардов: «Наверное, для многих будет новостью, что прелестное имя девочки-циркачки из «Трех толстяков» – Суок – есть фамилия жены Юрия Карловича. Да, Ольга Густавовна Суок была верной спутницей жизни для нашего друга. <...> Нужно чуткое ухо поэта, чтобы в двух необычайных слогах фамилии близкого человека уловить романтическое имя почти феи: полуробенка-полудевочки из сказки» [8, с. 69]. Действительно, в Одессе, в семье австрийского эмигранта Густава Суок родились и выросли три девочки: Лидия, Ольга и Серафима. Лидия

стала женой Эдуарда Багрицкого, а Серафима в первом браке - жена Владимира Нарбута, во втором – Виктора Шкловского.

Юрий Олеша женился на средней из сестер Суок – Ольге, но его знаменитая сказка посвящена Валентине Грюнзайд. Для всех, знавших ее, было очевидным: это она – циркачка Суок и кукла наследника Тутти. Это не было тайной и для Ольги Суок. Сам Ю. Олеша говорил ей: «Вы две половинки моей души». Действительно, образ циркачки Суок, как и образ куклы, Ю. Олеша создавал, влюбившись в тринадцатилетнюю Валу Грюнзайд – красивую девочку, жившую в соседнем доме, буквально окно в окно, и часто сидевшую на подоконнике вместе с куклой. Другьям Ю. Олеша говорил, что растит себе жену. Но, к сожалению для писателя, Валентина Грюнзайд стала впоследствии женой Евгения Петрова, с которым однажды ее познакомил сам Ю. Олеша. Фамилия будущей жены Ольги Суок, с которой у него чуть позже завязались отношения, превратилась в имя куклы в романе «Три толстяка».

Но подросшая Валя (уже Петрова) все равно попала в роман «Зависть», доказательством чего является черновой вариант, где Ю. Олеша называет ее *Валентина Леонтьевна*, а это и есть истинное отчество Вали Грюнзайд.

Ю. Олеша вспоминал о шутке В. Маяковского, которого он буквально боготворил: «Однажды он сел за столиком неподалеку от меня и, читая «Вечерку», вдруг кинул в мою сторону:

– Олеша пишет роман «Ницше»!

Это он прочел заметку в отделе литературной хроники. Нет, знаю я, там напечатано не про роман «Ницше», а про роман «Нищий».

– «Нищий», Владимир Владимирович, – поправляю я, чувствуя, как мне радостно, что он общается со мной. – Роман «Нищий».

– Это все равно, – гениально отвечает он мне.

В самом деле, пишущий роман о нищем – причем надо учесть и эпоху, и мои способности как писателя – разве не начитался Ницше?» [3, с. 145-146].

На бережное отношение Ю.Олеша к имени, а шире – к слову, указывает М. Горюнов, вспоминая о резкой реакции Ю.К. Олеша на небрежную подготовку текста инсценировки «Трех толстяков»: «Помню, как выгнали Вы меня с моей инсценировкой «Трех толстяков», прочтя первые полторы страницы, где по небрежности машинистки имя Просперо было написано через два «р». Это было похоже на взрыв ручной гранаты, и Вы в носках, как в ботфортах, воинственно насупив усы, учтиво выставили меня за дверь»[9, с. 130].

Ю. Олеша всегда тщательно вчитывался в чужие тексты. В свое время он очень тонко подметил крайне интригующую игру звуков в именах у Пушкина: «При одном счастливым прочтении строчек

Там упоительный Россини

Европы баловень, Орфей!

я заметил, что слово «Орфей» есть в довольно сильной степени обратное чтение слова «Европы». В самом деле, «евро», прочитанное с конца, даст «орве», а ведь это почти «орфе»!

Таким образом, в строчку, начинающуюся со слова «Европы» и кончающуюся словом «Орфей», как бы вставлено зеркало!»[3, с.361]. И уж если дать транскрипцию, то не совпадут только *В* и *Ф*: *jevro*><*orfej*, так что это действительно повтор начала в конце, да еще зеркальный!

А так, по-своему, трактовал имена персонажей А.Н. Островского Юрий Олеша: «Вот маленький человек, влюбленный в актрису, похищаемую богатыми. Зовут – Мелузов. Тут и мелочь, и мелодия. Вот купец – хоть и хам, но обходительный, деликатный, нравящийся женщинам. Фамилия – Великатов. Тут и великан, и деликатность. <...> Вдове из «Последней жертвы» зовут Тугина. Туга – это многие печали. Она и печалится, эта вдова. Она могла бы

быть Печалиной. Но Тугина лучше. Обольстителя ее фамилия Дульчин. Здесь и дуля (он обманщик), и «дульче» – сладкий (он ведь сладок ей!)[10, с. 524].

И о персонажах романа А. Белого «Маски» Ю. Олеша имел собственное мнение: «Прочитанные отдельные главки все приняли хорошо и даже горячо. Юрий Олеша говорил, что «Маски» – это не русская и не европейская проза, а что-то новое. Б. Пастернак вспомнил Голя и отметил связь «масок» с его прозой. Мейерхольд согласился. В частности, восхищались фамилиями персонажей, сценой «Бар-Пэар» с неграми» [11].

Интересно наблюдение Н. Елисеева о выборе антропонимов Ю. Олешей, для которого фонетический рисунок имени предопределял его семантику: «Так, Юрий Олеша назвал капитана дворцовой гвардии Бонавентурой, канатоходца – Тибулом и старую домоправительницу – тетушкой Ганимед, не обращая внимания на то, что Бонавентура был католическим святым, Тибул – латинским поэтом, а Ганимед – любовником Зевса. Олеше нужно было звучание, и только. Бонавентура, в самом деле, воинственное, шпорами бречащее имя»[12].

Л. Славин писал о прототипе героя «Зависти» Ю. Олеша: «Двери «Коллектива поэтов» были широко открыты. Сюда приходили художники, артисты, ученые и просто странные люди. У одного из них через много лет Олеша взял имя для героев «Зависти» – Бабичев.

Имя и некоторые черты. И для Андрея, и для Ивана. Ибо в странном посетителе «Коллектива поэтов» дивным образом соединялись черты обоих братьев. <...> Иногда его встречали на рынке, где он самым прозаическим образом торговал слесарным и столярным инструментом, ибо с безумием Ивана Бабичева он соединял практичность Андрея Бабичева»[13].

Известно, что красотой и неразгаданностью многих поэтов и писателей заколдовывало ночное звездное небо [14]. Конечно же, и это интересовало Ю. Олешу, и он душевно написал о звездном небе: «С достоверностью можно утверждать, что подавляющее большинство людей не уделяет какого-либо особого внимания звездному небу. Часто ли вы видите человека, который, подняв голову, смотрит на звезды? или бывало ли с вами так, чтобы в то время, когда вы сами смотрели на звезды, кто-либо подошел к вам и, догадавшись, какой звездой вы именно восхищаетесь, разделил с вами восхищение? ... Иногда и сам идешь, забыв о небе, и оно над тобой как надвинутая на лоб голубая шапка с блестками»[3, с. 298].

Как видим, специфика ономастической лаборатории Ю.Олеша состоит во введении в художественный текст автобиографических имен и фамилий, в использовании семантически значимых онимов, в стремлении к фонетически необычным именам, значение которых обусловлено восприятием их звукового облика, в стремлении к словотворчеству и языковой игре.

Библиографический список

1. Русские писатели. Библиографический словарь. М., Просвещение, 1990.
2. Аборский А. Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/ccc2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/ccc2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (дата обращения – 01.11.19.)
3. Олеша Ю. Книга прощания. М.: Вагриус, 1999. 478 с.
4. Сетько О.А. Польский текст в русской литературе первой половины XX века: мифологические аспекты // Уральский филологический вестник. Драфт: Молодая наука, 2015, № 5. С. 219-229.
5. Олеша Ю. Избранное. Москва: Гослитиздат, 1936. 254 с.
6. Довлатов С. Соло на Ундервуде. Соло на IBM. СПб., 2009. 243 с.
7. Овчинников И. Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1973. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/ccc2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/ccc2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (дата обращения – 01.11.19.)

8. Ардов В.Е. Этюды к портретам. М., 1983. 360 с. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (дата обращения – 01.11.19).
9. Горюнов М. Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (дата обращения – 01.11.19).
10. Олеша Ю. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1965. 552 с.
11. Зайцев П. Московские встречи (Из воспоминаний об Андрее Белом) // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 381.
12. Елисеев Н. Загадка «Фро» // Новый мир. 1997. №3. С. 214.
13. Славин Л. Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1973. С. 6-7. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (дата обращения – 01.11.19).
14. Ковалев Г.Ф. Небеса поэтов. Астрономы в русской литературе // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2003. № 1. С. 109-131.

References

1. Russian writers. Bio-bibliographic dictionary. Moscow, 1990.
2. Aborski A. // Memories about Yuri Olesha. М., 1975. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (date of application – 01.11.19).
3. Olesha Y. Farewell book. Moscow, 1999. 478 p.
4. Setko O. A. Polish text in Russian literature in the first half of the 20th century: mythological aspects // Ural philological bulletin. 2015. Vol. 5. P. 219-229.
5. Olesha Y. Selected works. Moscow, 1936. 254 p.
6. Dovlatov S. Solo on Underwood. Solo on IBM. St.-Petersburg, 2009. 243 p.
7. Ovchinnikov I. Memories about Yuri Olesha. М., 1973. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (date of application – 01.11.19).
8. Ardiv V.E. Sketches to portraits. Moscow, 1983. 360 p. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (date of application – 01.11.19).
9. Goryunov M. Memories of Yuri Olesha. М., 1975. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (date of application – 01.11.19).
10. Olesha Y. Stories and short stories. Moscow, 1965. 552 p.
11. Zaitsev P. Moscow meetings (From the memoirs of Andrew Bely) // Memories about Andrew Bely. Moscow, 1995. P. 381.
12. Eliseev N. The riddle of "Fro" // New world. 1997. Vol. 3. P. 214.
13. Slavin L. Memories of Yuri Olesha. М., 1973. С. 6-7. URL: [http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/\[Olesha_YUry\]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe\(BookFi\).fb2.zip](http://dl.lux.bookfi.net/mygenesis/16/c3c2b1392828e8a1f1c832d250b53c0d.fb2.zip/_as/[Olesha_YUry]_Vospominaniya_o_YUrii_Oleshe(BookFi).fb2.zip) (date of application – 01.11.19).
14. Kovalev G.F. The sky of poets. Astronomy in Russian literature // The Bulletin of VSU. Series "Humanities". 2003. Vol. 1. P. 109-131.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 37.013

*Челябинский государственный
университет
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры английского языка
факультета лингвистики и перевода
Суслова О.В.
Россия, г. Челябинск,
тел. +7-351-799-71-72,
e-mail: suslovaoksana@yandex.ru*

*Chelyabinsk State University
The department of linguistics
and translation
The chair of English language
PhD, associate professor
Suslova O.V.
Russia, Chelyabinsk,
tel. +7-351-799-71-72
e-mail: suslovaoksana@yandex.ru*

*Челябинский государственный
университет
факультет лингвистики и перевода
магистрант
Белокаменцева А.П.
Россия, г. Челябинск,
тел. +7-908-050-2375,
e-mail: anechka_gor@mail.ru*

*Chelyabinsk State University
The department of linguistics
and translation
Master student
Belocamentseva A.P.
Russia, Chelyabinsk
tel. +7-908-050-2375
e-mail: anechka_gor@mail.ru*

О.В. Суслова, А.П. Белокаменцева

ФОРМИРУЮЩЕЕ ОЦЕНИВАНИЕ: КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Одной из ключевых и в то же время наиболее сложных задач, решаемых в рамках образовательного процесса, является оценивание, ввиду значительных различий в уровне подготовки обучающихся, их мотивации и скорости усвоения материала. Использование только традиционной системы оценивания в современных условиях уже не позволяет достигать комплексных результатов уровня качества, требуемого современными стандартами. В настоящей работе проведен анализ метода оценивания, с успехом применяемого в зарубежной практике, но не пользующегося широкой известностью в российском образовании – формирующего оценивания, рекомендуемого к внедрению федеральным государственным образовательным стандартом. Рассмотрены основные положения нового подхода, его ключевые отличия от традиционных инструментов, приведен обзор рекомендуемых методов и видов работы. Особый акцент сделан на практике внедрения формирующего оценивания в российских школах – систематизированы основные трудности, возникающие при переходе к комплексной системе оценивания, включающей в себя как традиционные, так и новые методы. Обобщены рекомендации по внедрению формирующего оценивания в российских школах. Выполнен анализ практики применения формирующего оценивания в обучении английскому языку и развитии коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: формирующее оценивание, коммуникативные компетенции, процесс обучения, методы оценивания.

О.В. Suslova, A.P. Belokamentseva

FORMATIVE ASSESSMENT: KEY FEATURES OF THE METHODOLOGY

AND PRACTICE

Assessment is one of the most crucial points of the educational process, due to significant differences in the level of language of students, their motivation. The traditional assessment system does not allow to achieve results required by modern standards. In the paper, we analyze formative assessment which is successfully used in the world and is recommended for implementation by the federal state educational standard but still is not in the wide use in Russian educational system. The article studies the main features of the new approach, the difference between traditional approach to assessment and formative assessment, provides an overview of the main methods. Particular emphasis is made on the practice of formative assessment implementing in Russian schools where a school teacher can face the major problems when using the assessment system consisting of both traditional and new methods of assessment are systematized. Recommendations on the implementation of formative assessment in Russian schools are summarized. The analysis of the practice of the application of formative assessment in teaching English and the development of communicative competence is carried out.

Key words: formative assessment, communicative competence, education process, methods of evaluation.

В настоящее время деятельность педагогов в современных российских школах претерпевает значительные изменения, в первую очередь – благодаря внедрению нового государственного образовательного стандарта. Новые, более высокие и комплексные требования к результатам освоения обучающимися образовательных программ требуют поиска, изучения и применения новых методов, подходов и лучших практик, касающихся большинства сторон многогранного процесса обучения, в частности – оценивания.

Важность оценивания сложно переоценить, но стоит понимать: его целью может быть не только измерение или фиксация результатов обучения за период. Не менее важно применять оценивание для формирования навыков и умений, повышения качества знаний и процесса образования, развития индивидуального подхода к работе с обучающимися на основе совместной работы – как с педагогом, так и в коллективе.

Процесс оценивания должен быть разнообразным – по форме, методам, шкале оценок. Только так может быть реализован индивидуальный подход, учитывающий и особенности каждого обучающегося, и цели оценивания в контексте целей конкретного урока, и особенности навыка, развиваемого в упражнении.

Оценка – это, в первую очередь, сравнение реальных результатов обучения, уровня знаний и развития навыков с запланированными целями. Можно выделить три функции, которые должна выполнять оценка: регулирующая, контролирующая и информационная.

На текущий момент, в российских школах наиболее распространена количественная оценка, которая выполняет необходимые функции не в достаточной степени. Такая система отличается довольно низкой частотой оценивания, применяется эпизодически, фрагментарно, и, как следствие, не позволяет вовремя корректировать подход как к конкретному обучающемуся, так и к группе в целом. Составить целостный прогноз развития личности, оценить динамику развития предметных и метапредметных навыков, личные успехи с должным уровнем качества в принятой системе оценивания очень сложно, если вообще возможно. Низкая периодичность оценивания, к тому же, вступает в противоречие с непрерывностью образовательного процесса.

Для решения перечисленных проблем необходимо освоение и внедрение другой системы оценивания, которая позволила бы не только измерять фактический уровень освоения материалов и развития предметных навыков, но и формировала процесс обучения, управляла его динамикой, мотивировала обучающегося и педагога на продуктивную совместную работу, способствовала развитию метапредметных навыков и позитивного отношения к процессу обучения. Общее название такого подхода – формирующее оценивание, или оценивание для обучения.

Цель настоящей работы – изучить цели, подходы, методы и практику применения формирующего оценивания при обучении английскому языку.

Проведен анализ теоретических исследований российских и зарубежных авторов, изучена практика применения методов формирующего оценивания при обучении английскому языку в образовательных учреждениях, обобщены сведения об основных трудностях и препятствиях при внедрении формирующего оценивания в российских школах.

Суть формирующего оценивания заключается в том, что учебный процесс строится на основе сотрудничества между всеми его участниками. При этом меняется роль педагога. Оценивается не только результат, но и процесс обучения, часть полномочий и ответственности за который переходит к самому обучающемуся, предоставляя ему возможность для самооценки и самоконтроля. Влияние на процесс, в свою очередь, способствует повышению заинтересованности и мотивации у обучающегося – ведь он сам, хотя бы отчасти, управляет процессом собственного обучения.

Одна из ключевых особенностей формирующего оценивания – нацеленность на повышение качества знаний обучающихся [1], которая реализуется путем применения широкого набора методик и инструментов.

Суть формирующего оценивания – постоянная, двунаправленная обратная связь между участниками процесса обучения, которая реализуется через мгновенные оценки уровня знаний, результаты которых используются сразу по получению.

Формирующее оценивание включает в себя множество конкретных методов и практик, что делает его применимым для самых разных ситуаций и предметов.

Например, краткие выводы, обобщения, рефлексия – подобные задания приводят к тому, что обучающиеся начинают размышлять над пройденным материалом, вникают в то, что услышали, прочитали или в чем поучаствовали, и делают выводы в контексте понимания собственного процесса обучения.

Представление информации, например, в виде картинок позволяет максимально качественно донести информацию до обучающихся с разным типом восприятия – аудиалов, визуалов. Использование списков, графиков, схем позволяет систематизировать знания, увидеть взаимосвязи между разными темами и упражнениями, понять степень освоения темы по сравнению с общим объемом материала.

Групповые виды деятельности, когда обучающиеся пересаживаются друг к другу и выполняют разные задания, позволяют развивать коммуникативные навыки, учиться друг у друга, в том числе командной работе, в которой недостатки и пробелы в знаниях одного компенсируются знаниями других [2].

Главное, что делает оценивание формирующим – цель применения конкретного метода, а не сам метод. Для определения принадлежности конкретного метода оценивания к формирующему можно применить несколько критериев:

- содержание оцениваемых заданий должно соответствовать изученному материалу;
- форма заданий, используемых при проведении оценивания, должна быть знакома обучающимся;
- при выполнении заданий должен демонстрироваться не только результат, но и процесс его получения;
- оценка должна быть доступна сразу, чтобы ее можно было использовать для корректировки процесса обучения.

Формирующее оценивание является не процессом для контроля обучения, а неотъемлемой частью процесса обучения, с высокой частотой применения – в противовес традиционному подходу к оцениванию, используемому в небольшом количестве контрольных точек по окончании определенных этапов прохождения материала. Такой подход позволяет достаточно быстро оценить динамику освоения материала, т.к. результаты сравниваются не с аб-

страктной нормой, а с предыдущими результатами того же обучающегося, и показывают индивидуальный прогресс.

На данном этапе уже очевидно отличие формирующего оценивания от традиционного, принятого в школе. В настоящее время оценивание – это определение соответствия знаний внешним нормам и требованиям, которое проводится с определенной (не слишком высокой) периодичностью, и выдает факт – знает обучающийся материал, или нет, и на какую отметку. При формирующем оценивании нет требований и норм, внешних по отношению к процессу – и задания, и частота, и шкала оценок выбираются совместно, и постоянно корректируются, исходя из реальной ситуации и ее развития.

Известно несколько подходов к организации формирующего оценивания. Например, в работах Дилана Вилиама и Пола Блэка предлагается начать с выявления намерений обучающихся и определения критериев успеха – т.е., по сути своей, с провозглашения целей обучения и способа измерения достижения этой цели [3]. После чего предлагается переходить к организации эффективной работы в классе, создания атмосферы сотрудничества, механизмов и форм постоянной обратной связи для обеспечения движения к цели. В том числе – внедрения принципов взаимооценки, когда обучающиеся, по сути, сами участвуют в организации своего обучения и управлении этим процессом, помня цель и критерии ее достижения.

Российские авторы, И.С. Фишман и Г.Б. Голуб, предлагают аналогичный подход – начинать работу с определения результатов, к которым нужно прийти в итоге [4]. После определения цели – организовать процесс таким образом, чтобы он способствовал достижению нужных результатов. Третий этап – сопровождение организованного процесса обучения, отслеживание результатов, корректировка планов и адаптация в случае, если промежуточные результаты перестанут соответствовать цели.

Другой российский автор, М.А. Пинская, уточняет этап определения цели обучения – предлагает сделать его измеримым, создать шкалу, понятную обеим сторонам образовательного процесса, выбрать на этой шкале необходимый уровень и, уже исходя из цели, подбирать и применять конкретные методы, практики, способ оценивания, частоту обратной связи и т.д.[5]

Соответственно, после определения подхода к внедрению формирующего оценивания необходимо выбрать конкретные методы и приемы, помогающие достичь поставленных целей.

Методы и приемы формирующего оценивания, условно, подразделяются на группы:

- с точки зрения цели – на оценивание результата и оценивание процесса;
- по моменту использования – применяемые после прохождения темы, или в процессе ее изучения;
- предметные и универсальные (оценивающие и как предметные, так и метапредметные результаты);
- по применимости к предметам обучения – частные (для конкретных предметов) и универсальные (подходящие для множества предметов);
- по участникам оценивания – только педагог, или сам обучающийся, взаимное и комбинированное оценивание.

Также, существует значительная – если не принципиальная – разница в объекте оценивания. Традиционно принято считать, что оценивается обучающийся и результат приобретения им знаний. Однако, существует и другой подход – оценивать процесс передачи, а не получения знаний. Соответственно, в таком случае оценивается работа и педагога, и обучающегося одновременно, стимулируя обе стороны к улучшению качества процесса обучения.

Применению формирующего оценивания зачастую препятствуют особенности традиционного, суммативного оценивания, и его влияние на учебный процесс. Если результаты формирующего оценивания нужны и используются для повышения качества обучения, то

результаты традиционного оценивания, в числе прочего, применяются для оценки педагогов и образовательного учреждения. В результате, учитывая особенности интерпретации результатов суммативного оценивания – например, санкции к образовательному учреждению и конкретным педагогам – имеет место не формирование предметных и метапредметных навыков, не стремление к качественному образованию, а целенаправленная подготовка обучающихся к сдаче экзаменов и тестов, правила и программу которых определяют внешние организации.

На внедрение формирующего оценивания также влияют некоторые реалии современной жизни, в частности – повсеместное распространение Интернета, огромные массивы информации на цифровых носителях, а также широкий спектр компаний, предоставляющих школьникам услуги по подготовке работ. Если педагог использует такие методы формирующего оценивания, как создание проектов, разработка и реализация кейсов, то, к сожалению, зачастую такие работы либо выполняются третьими лицами, либо состоят из готовых примеров и заданий. В результате цель выполнения задания не достигается – обучающийся не анализировал и не систематизировал информацию, не проводил никаких проектных работ, и практически никаких полезных навыков не развил, а знаний не приобрел.

Чтобы подобные методы работали для целей формирующего оценивания, необходимо учитывать некоторые особенности и ограничения. Во-первых, крайне желательно, чтобы такие работы проводились в школе, в присутствии педагога. Во-вторых, согласно рекомендациям формирующего оценивания, в процессе выполнения работы нужно периодически «сверять часы» – анализировать, что сделано, каковы результаты, правильно ли развивается процесс или проект, какие встретились трудности при реализации. В-третьих, обучающиеся должны использовать самооценку и взаимооценку, что вряд ли возможно в домашних условиях.

К трудностям внедрения формирующего оценивания стоит также отнести нечеткость определений, имеющую место быть в настоящее время. Речь, в первую очередь, о понятии промежуточной аттестации. Итоговая аттестация – это ГИА и ЕГЭ, а в промежуточную попадают как результаты формирующего оценивания, так и традиционные оценки за четверти и год, по итогам контрольных и аттестационных работ. При внедрении формирующего оценивания желательно максимально четко определить место для каждого вида аттестации.

Внедрение таких методов, как самооценка и взаимооценка, может вызвать у российских педагогов отторжение и сопротивление, ввиду отсутствия практики разделения полномочий и ответственности с обучающимися, особенно – в сфере оценивания.

Также стоит отметить достаточно типичную ошибку, встречающуюся при внедрении формирующего оценивания – стремление сравнивать его результаты со среднестатистическими, в рамках класса или всей параллели. Подход же формирующего оценивания разительно отличается – текущие результаты обучающегося сравниваются с его предыдущими успехами, мотивируя его на улучшение индивидуальных оценок.

Ввиду сильного акцента на развитие метапредметных навыков в формирующем оценивании, для понимания промежуточных результатов высокое значение приобретает единая, универсальная система видов работ (в том числе – кросспредметных) и способов их оценивания. Чем понятнее будет учебная деятельность и критерии ее оценки, независимо от конкретного предмета, тем выше будут ожидаемые результаты в развитии метапредметных навыков и синергетический эффект от выполнения схожих по сути работ на разных уроках.

Также, стоит постоянно помнить, что оцениванию подлежит не только результат, но и процесс выполнения этой работы, путь и развитие мысли, успехи, ошибки и их понимание самим обучающимся. Иначе есть риск получить значительное количество либо случайных успехов, либо работ, выполненных третьими лицами.

Обзор источников показал, что определенный положительный опыт применения методов формирующего оценивания в российских школах уже накоплен. В том числе – в преподавании английского языка.

Основное назначение обучения иностранным языкам, в том числе и английскому – формирование коммуникативной компетенции, т.е. способности осуществлять межличностное и межкультурное общение с носителями языка. Иностранный язык – максимально прикладная компетенция, не являющаяся самоцелью, и рассматривается, как способ решения конкретных задач, возникающих у обучаемого в течение всей жизни.

Коммуникативная компетенция многогранна, и в современных стандартах предусмотрено обучение всем основным компетенциям, ее составляющим: речевой, дискурсивной, языковой, социокультурной, компенсаторной и учебно-познавательной компетенциям. Структурная сложность коммуникативной компетенции, естественным образом, приводит к необходимости поиска и применения новых методов и подходов, обеспечивающих повышение качества знаний и соответствие современным стандартам образования.

Использование методов формирующего оценивания, как показывает практика, отражает более широкий круг знаний и вопросов, чем традиционные тесты и опросы [6]. При апробации методов формирующего оценивания на уроках английского языка было зафиксировано повышение уровня владения коммуникативной компетенцией [7]. В частности, увеличились показатели оценок по социокультурной компетенции, благодаря выполнению творческих заданий, требовавших поиска и использования значительных объемов дополнительного материала.

Отмечается повышение успеваемости, связанное с развитием коммуникативной компетенции, увеличение количества обучающихся, принимающих активное участие в творческих работах на уроках, повышение мотивации к изучению английского языка, ввиду появления возможности участия, сопричастности к оценочному процессу [7].

Использование такого метода формирующего оценивания, как рубрики, позволяет, с одной стороны, экономить время педагога, а с другой – помогает обучающимся правильно интерпретировать задание и его структуру, что, в свою очередь, повышает скорость и качество усвоения материала [8]. Отмечается повышение уровня метапредметных и личностных навыков при использовании методов рефлексии, самооценки и взаимооценки [9].

Спектр методов формирующего оценивания, применяемых в обучении английскому языку, достаточно широк: многошаговые технологии (трехцветный опрос) [10], приемы активизации самомониторинга и обратной связи («клеящие заметки», «пропуск на выход»), методы наглядной оценки разного уровня освоения материала («регистрационные карточки», «руки вверх», «минутные заметки»), графические организаторы (ментальные карты, KWL-таблицы, адаптивное тестирование), методы ассоциаций, сортировки, выполнение работ в группах, рубрики и т.д. Инструментарий формирующего оценивания содержит методы, способные помочь в повышении качества знаний в каждом компоненте коммуникативной компетенции.

Таким образом, учитывая положительный опыт как российских, так и зарубежных педагогов, можно констатировать: формирующее оценивание – перспективный подход, предлагающий широкий спектр практических методов, приводящий к увеличению качества и знаний, и образовательного процесса в целом, повышающий мотивацию к обучению и достаточно несложный, с технической и методической точек зрения, в применении.

Основные сложности, возникающие при внедрении формирующего оценивания на уроках английского языка, связаны либо с неготовностью педагогов к изменению собственных методов обучения [10], либо с недостаточной поддержкой администрации образовательного учреждения [7].

Подводя итог, отметим, что для эффективного внедрения формирующего оценивания в работу конкретного образовательного учреждения необходимо создание, по сути, собственной методики, не выходящей за общие рамки формирующего оценивания. Каждая школа может сформировать свой набор методов, практик, видов работ, критериев оценки, методических рекомендаций для педагогов и лучших практик. При таком подходе будут учтены не только требования стандартов, рекомендации идеологов формирующего оценивания, но и, главное – реалии, особенности и ограничения, присутствующие в конкретном образовательном учреждении.

Таким образом, с учетом реалий, будет создана комплексная система оценивания, содержащая не только новые методы формирующего оценивания, но и часть традиционных – в частности, суммативное оценивание. В систему будут включены требования внешних организаций, стандартов и нормативных актов, подготовка обучающихся выпускных классов к итоговой аттестации, а также все виды промежуточных аттестаций. В итоге, система оценивания будет комплексной, сбалансированной, и поможет достичь целей всех участников процесса образования.

Библиографический список

1. Black, P. and Wiliam, D. Inside the black box: Raising standards through classroom assessment. 1998. P. 139-148.
2. Dodge J. 25 Quick Formative Assessments for a Differentiated Classroom: Easy, Low-Prep Assessments That Help You Pinpoint Students' Needs and Reach All Learners. 2009. URL: <http://store.scholastic.com/content/stores/media/products/samples/21/9780545087421.pdf> (дата обращения - 01.11.2019).
3. Black, P., & Wiliam, D. Seven Strategies of Assessment for Learning. Oxford, 2008.
4. Фишман И.С., Голуб Г.Б. Формирующая оценка образовательных результатов учащихся: метод. пособие. Самара: Учебная литература, 2007. 244 с.
5. Пинская М. А. Формирующее оценивание: оценивание в классе: учеб. пособие. М.: Логос, 2010. 264 с.
6. Машкова Р.Е. К вопросу о применении формирующего оценивания на уроках иностранного языка // Образовательная среда сегодня: теория и практика: материалы III Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 15 окт. 2017 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 82-85.
7. Вилкова Л.В. Качество учебных достижений учащихся: программа реализации формирующего оценивания // Мир науки. 2016. Т. 4. № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/39PDMN216.pdf> (дата обращения - 02.11.2019).
8. Жданова Е.В. Современные инструменты оценки работы студентов на занятиях по английскому языку // Сибирский педагогический журнал. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-instrumenty-otsenki-raboty-studentov-na-zanyatiyah-ro-angliyskomu-yazyku-1> (дата обращения - 24.09.2019).
9. Боголепова С.В. Навстречу ФГОС: формирующая оценка // Сообщество учителей английского языка. 2013. № 4. URL: <http://www.tea4er.ru/home/volume4> (дата обращения - 24.09.2019).
10. Землянская Е.Н. Формирующее оценивание (оценка для обучения) образовательных достижений обучающихся // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 3. С. 50-58.

References

1. Black, P. and Wiliam, D. Inside the black box: Raising standards through classroom assessment. 1998. P.139-148.

2. Dodge J. 25 Quick Formative Assessments for a Differentiated Classroom: Easy, Low-Prep Assessments That Help You Pinpoint Students' Needs and Reach All Learners. 2009. URL: <http://store.scholastic.com/content/stores/media/products/samples/21/9780545087421.pdf> (date of application - 01.11.2019).
3. Black, P., & Wiliam, D. Seven Strategies of Assessment for Learning. Oxford, 2008.
4. Fishman I.S., Golub G.B. Formative assessment of students' learning achievements. Samara, 2007. 244 p.
5. Pinskaya M.A. Formative assessment: classroom assessment. Moscow, 2010. 264 p.
6. Mashkova R. E. To the question of the use of formative assessment at foreign language lessons // Educational environment today: theory and practice. Cheboksary, 2017. P. 82-85.
7. Vilkoval L.V. Student's achievements quality: formative assessment implementation program // World of science. 2016. Vol. 4. No. 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/39PDMN216.pdf> (date of application - 02.11.2019).
8. Zhdanova E.V. Modern tools for assessing the work of students in English classes // Siberian Pedagogical Journal. 2012. Vol. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-instrumenty-otsenki-raboty-studentov-na-zanyatiyah-po-angliyskomu-yazyku-1> (date of the application - 24.09.2019).
9. Bogolepova S.V. Towards FSES: formative assessment // English teachers' community. 2013. Vol. 4. URL: <http://www.tea4er.ru/home/volume4>, free (date of the application - 24.09.2019).
10. Zemlyanskaya E.N. Formative assessment (grade for study) of students' educational achievements // Modern foreign psychology. 2016. Vol. 5.No. 3. P. 50-58.

УДК 811

*Воронежский государственный
технический университет
старший преподаватель
кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Сычева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7 (919)183-58-77
e-mail: luvvas@inbox.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Senior lecturer
Sycheva L.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7 (919)183-58-77
e-mail: luvvas@inbox.ru*

Л.В. Сычева

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ И НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Данная статья посвящена рассмотрению круга компетенций (лингвистической, речевой, социальной, социокультурной, стратегической, дискурсивной, профессиональной), которые вырабатываются у студентов на занятиях по русскому языку как иностранному и ведут к формированию базовой коммуникативной компетенции, овладение которой и является конечной целью обучения языку. Эта «компетентностная» система образования всё больше популяризируется в современных вузах. Коммуникативная компетенция студентов представляет собой продуктивную гибкую и динамичную систему, которая постоянно должна совершенствоваться с помощью использования преподавателем различных речевых ресурсов и коммуникативных программ, помогающих обслуживать все сферы общения. В статье представлены некоторые методы работы со студентами (ролевые игры, дискуссионные клубы, создание проблемных ситуаций, маршрутные листы и т.д.), благодаря которым можно наиболее эффективно достичь успехов в овладении иностранным языком. В формировании у иностранных студентов в процессе обучения коммуникативной компетенции, желании и умении вести общение на русском языке и заключается практическая цель обучения. Коммуникативная компетенция считается сформированной, если иностранные учащиеся способны построить самостоятельные высказывания на основе изученного грамматического и лексического материала, свободно владея всем языковым инструментарием, что и является показателем результативности обучения. В результате анализа различных приёмов работы со студентами автор приходит к выводу о том, что содержание и объём коммуникативной компетенции зависят от целей изучения языка, интересов и мотивации студентов, сфер и ситуаций общения, видов коммуникативной деятельности, выполняемых в процессе обучения и после его завершения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, речевая деятельность, языковой инструментарий, монологическая и диалогическая речь.

L.V. Sycheva

TO THE QUESTION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS AND SOME METHODS OF ITS FORMATION AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The given article considers the circle of competences (linguistic, speaking, social, social and cultural, strategy, discourse, professional ones) which are worked out at the lessons of Russian as a foreign language and lead to the formation of basic communicative competence as the main purpose of learning a language. This 'competence' system of education is getting more and more popular at modern universities. Communicative competence of the students is understood as an efficient, flexible and dynamic system which must be constantly improved by various speech resources

and communicative programs used by the teacher and referring to all the communicative spheres. The article presents some methods of teaching (role-play, discussion clubs, problem situations, road maps etc.) which are efficient in learning a language. The formation of communicative competence, as well as the wish and ability to socialize in Russian, is the chief practical purpose of teaching foreign students. Communicative competence is formed if foreign students are able to make phrases based on grammar and lexical material studied by them. Complete language fluency is also considered as the indicator of efficient study. As a result of analysis of different teaching methods it is concluded that contents and extent of communicative competence depend on the purposes of education, interests and motivation of students, spheres and situations of communication, types of communicative activities carried out in the process of study and after its completion.

Key words: Russian as a foreign language, communicative competence, speaking activity, language fluency, monologue and dialogue.

Во время интенсивно развивающейся интеграции российского образования в международную образовательную систему от современного специалиста требуется как владение профессиональными знаниями и умениями, так и повышение уровня общей коммуникативной культуры, в связи с чем формирование коммуникативной компетентности становится важным аспектом процесса обучения в вузе и неотъемлемой составляющей коммуникативной культуры личности. Поэтому в современных вузах всё больше получает распространение новая, «компетентностная» система образования.

Цель данной статьи – очертить круг компетенций, которые формируются на занятиях по русскому языку как иностранному, и представить некоторые методы работы, благодаря которым преподаватель может наиболее эффективно помочь студентам нефилологических вузов достичь успехов в овладении языком.

А.В. Хуторской определяет компетенцию как заранее спланированное обязательное условие, необходимое для успешной образовательной подготовки студента, а компетентность как уже сформировавшееся его личное качество, основанное на минимально полученном опыте по отношению к тому или иному виду деятельности. По мнению учёного, «компетентность – это обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней» [4]. Таким образом, компетенция – это круг вопросов, в которых кто-либо хорошо разбирается, обладает знанием, опытом. Компетентность же – это свойство личности, базирующееся на компетенции.

Понятия «коммуникативная компетентность» и «коммуникативная компетенция» в научной литературе иногда объединяются, а иногда разграничиваются. Современная трактовка коммуникативной компетенции представляет её в виде сложного целого, не поддающегося описанию в рамках исключительно одной теории.

По мнению О.Ф. Васильевой, проблемы коммуникативной компетенции могут быть разделены на методические, лингвистические, психологические и социолингвистические [2]. Очевидно, что при таком подходе в содержательный объём «коммуникативной компетенции» входит методически, лингвистически, психологически и социолингвистически взаимосвязанная совокупность всех компонентов, формирующих основные составляющие коммуникации, которые оказывают влияние на успешную реализацию ситуации общения, а также знания и умения, необходимые учащимся для понимания и продуцирования собственных программ речевого поведения и взаимодействия.

Коммуникативную компетенцию как сложный комплекс проблем описывает в своих статьях и А.Н. Щукин: это способность средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности [3, с. 42].

В настоящее время выделяется следующий круг компетенций, формирование которых должно происходить на занятиях по русскому языку как иностранному:

- языковая компетенция, суть которой заключается в знании системы изучаемого языка, его основных законов и умении применить эти знания на практике;

- речевая компетенция, выражающаяся в знании способов формулирования мыслей на чужом языке и умелом использовании их при построении собственных высказываний в различных сферах общения, а также в способности адекватно понимать высказывания других участников речевого взаимодействия;

- социальная компетенция, проявляющаяся в умении продуктивно контактировать и включаться в активную коммуникацию со всеми представителями данного общества;

- социокультурная компетенция, заключающаяся в понимании национально-культурного своеобразия страны носителей языка, осведомлённости о её истории, традициях, особенностях делового и речевого этикета и умении использовать свои познания в процессе межкультурного общения;

- стратегическая компетенция, под которой понимается способность заранее планировать свои речевые действия и ожидаемый от акта общения результат;

- дискурсивная компетенция, выражающаяся в умении вести беседу на основе построения связных и логичных высказываний и в правильном выборе лексических средств в соответствии с ситуацией общения и поставленными коммуникативными задачами;

- предметная компетенция, предполагающая осведомлённость о предмете речи, содержании и объёме различных понятий;

- профессиональная компетенция, формирующаяся в процессе обучения языку будущей специальности и проявляющаяся в дальнейшем в способности ведения продуктивной профессиональной деятельности.

Представления обо всей сумме компетенций (лингвистической, фонетической, лексикологической, морфологической и синтаксической), которыми должны овладеть иностранные студенты нефилологических специальностей, являются определяющими компонентами правил и законов вербального и невербального взаимодействия социолингвистического целеполагания и содержательного общения, складывающихся в процессе обучения, и анализируются в данной статье.

Безусловно, важными компонентами коммуникативной компетенции иностранного студента являются:

- правильность речи, то есть соблюдение норм русского литературного языка (орфоэпических, лексических, морфологических синтаксических и т.д.), умение строить высказывание в устной и письменной форме в соответствии с этими нормами;

- точность речи, которая часто бывает связана с точностью словоупотребления, т.е. корректным использованием синонимов, омонимов, многозначных слов;

- ясность и понятность речи, которая часто зависит от умелого употребления в речи терминов, неологизмов, заимствованных слов;

- выразительность речи, то есть владение изобразительными средствами языка (эпитетами, метафорами, сравнениями и т.д.);

- лексическое богатство речи, которое заключается прежде всего в богатстве и разнообразии словаря говорящего и реализации в ней хотя бы одной группы парадигматических отношений (отношений общности и противопоставленности лексических ресурсов языка);

- логичность речи, которая базируется на соблюдении четырёх законов логического мышления, знании приёмов убеждения и правил построения системы аргументации; качественное и уместное употребление профессиональной речи во всех её жанрах;

- умение эффективно вести деловое общение во всех его видах, равно как и интернет-переписку; умение слушать и слышать партнера по общению;

- способность правильно конструировать тактику речевого поведения в различных ситуациях речевого взаимодействия.

«Динамика развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов осуществляется в следующей последовательности: от формирования лингвистической, речевой и социокультурной компетенций к развитию иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности и далее к этапу становления и утверждения профессионализма языковой личности» [1, с. 7].

Все составляющие системы обучения взаимосвязаны, зависят друг от друга и от целей обучения, складывающихся под воздействием языковой среды, влияющей на выбор тактик обучения, методов, принципов и средств организации учебного процесса.

Ожидаемые продуктивные результаты совместной деятельности преподавателя и учащихся и являются целями обучения, которые влияют на выбор содержания, принципов, форм, методов и средств учебного процесса. Как правило, выделяются три основные цели: практическая, общеобразовательная и воспитательная.

В формировании у иностранных учащихся коммуникативной компетенции, желании и умении вести общение на русском языке заключается практическая цель обучения. От целей овладения языком, которые ставят перед собой учащиеся, их интересов и мотиваций, избираемых ролей, видов коммуникативной деятельности, выполняемых в процессе обучения и после его окончания, зависят особенности и содержание коммуникативной компетенции.

Конечной целью обучения, а также конечной целью изучения языка, является овладение каждым учащимся коммуникативной компетенцией. Для достижения этой цели очень важно обучить студентов-иностранцев устной монологической речи. Это один из основных и труднодостижимых практических навыков при формировании коммуникативной компетенции.

Обучение устной иностранной монологической и диалогической речи имеют в основе следующие принципы:

- принцип последовательного складывания умений устной иноязычной монологической и диалогической речи,
- принцип профессионально направленного обучения, взаимосвязи со специальными дисциплинами, проблемной презентации изучаемого материала,
- принцип адекватности предлагаемых заданий характеру речевого действия, нуждающегося в формировании,
- принцип разнообразия учебного материала, представленный в качестве образца для формирования необходимых навыков,
- принцип автономности, предполагающий возможность самостоятельного ознакомления с учебным контентом.

Все эти принципы призваны способствовать формированию навыков устной и письменной речи у студентов-иностранцев.

В течение длительного времени устной речью считалось любое высказывание на иностранном языке, но главной задачей обучения коммуникативной компетенции является выработка умения «создавать» или «творить» высказывания.

Все виды речевой деятельности (говорение, слушание, письмо, чтение) осуществляются с помощью мыслительной деятельности. В процессе этой деятельности человек выступает как говорящий и как слушающий. Стройная и правильная устная речь учащихся складывается в процессе освоения ими навыков и умений понимания и выражения мысли. Для развития речевых механизмов необходима работа над устной речью.

Преподаватель должен умело поддерживать и направлять речевую инициативу учащихся, стимулировать их стремление строить неподготовленную речь, учить важности осмысленного подхода к содержанию речи, развивать способности устного опережения. Чтобы общаться на иностранном языке, необходимо обязательно развивать навыки устной речи. Тема должна быть близка к реальной обстановке общения, вызывать интерес и эмоции у всех

студентов. Задания должны носить творческий характер и способствовать развитию речевой инициативы. Как диалогу, так и монологу следует обучать.

На занятиях как можно больше времени следует уделять слушанию и говорению, чтобы учащиеся быстрее «вышли в речь». Для этого очень продуктивно использовать разнообразные игровые ситуации. Система упражнений, как правило, строится от простых заданий к более сложным. Наиболее простыми, но приносящими желаемый эффект, на наш взгляд, являются задания на отработку грамматических навыков по усвоению такой темы, как «Родительный падеж существительных единственного и множественного числа». Это может быть игра в лексико-грамматическое домино. Студентам выдаются карточки с изображением различных бытовых предметов и указанием на их количество (тарелки, салфетки, полотенца, ножи и т.д.), и перед ними во время игровой ситуации ставится задача правильно использовать в речи количественные конструкции. Азарт и желание выиграть дают стимул к успешному овладению достаточно сложной грамматической темой.

Другим примером игры, но уже направленной на интенсивное и качественное запоминание лексики иностранного языка, может служить игра на убывание «Остаться в живых», цель которой - запомнить как можно больше слов, находящихся в парадигматических отношениях антонимии. Из игры постепенно выходят студенты, не способные подобрать нужный антоним к слову, предложенному преподавателем.

Ещё одно продуктивное средство для овладения разнообразными лексическими ресурсами – наиболее востребованная сегодня групповая квест-игра «В лабиринте слов». Студенты получают маршрутный лист, который содержит номера ходов и различные задания около каждого (например, назвать пять предметов мебели или посуды, элементы здания, строительные материалы или конструкции и т.д.), фишки и игральные кости, с помощью которых они продвигаются по полю игры, преодолевая различные препятствия в виде этих самых заданий. Побеждает тот, кому первым удастся выбраться из словесного «лабиринта» и сделать минимальное количество ошибок. Лексическое наполнение заданий может зависеть от профессиональной специфики вуза и от необходимости изучения терминов профилирующей специальности (строительство, архитектура, медицина, искусство и т.п.). Цель подобного рода игр – освоить как можно больше единиц бытовой и (или) специальной лексики. Безусловно, для этого вида задания нужна предварительная подготовка: изучение и запоминание новых лексических единиц.

В качестве образца заданий на среднем этапе обучения могут служить ролевые игры, где студентам предлагается «примерить» на себя разные роли участников общения, например: врач – пациент, работник – работодатель, продавец – покупатель, менеджер туристической фирмы – клиент и т.д. Можно предложить задание «Угадай, что это?/ кто это?», когда учащиеся описывают задуманное слово путём перечисления его характерных свойств.

При изучении темы «Глаголы движения» можно порекомендовать использовать маршрутную карту или схему, с помощью которой нужно рассказать, как пройти или доехать до определённого места (например, в городе – до вокзала, музея, торгового центра; в университете – до деканата, библиотеки или кафе).

Тема «Прямая и косвенная речь» может найти выход в коммуникацию в игре «Записка от преподавателя», когда один студент, получивший сообщение, должен передать его содержание, используя грамматические конструкции косвенной речи, другим учащимся. Содержанием записки может быть любой вопрос или просьба (например, «Возьми в библиотеке учебник» или «Принеси в аудиторию карту»). Своё высказывание учащиеся начинают так: «Преподаватель попросил меня, чтобы я...» или «Преподаватель спросил меня, знаю ли я...».

Знакомство с темой «Условные отношения в сложном предложении» хорошо закрепляется такой игрой, как «Я президент ... (декан, миллионер и т.д.)», когда студенты должны рассказать о своих действиях в предложенных обстоятельствах.

На более продвинутом этапе изучения иностранного языка очень продуктивна работа с неразвернутой ситуацией, когда студенты должны домыслить конец рассказа, предложить несколько вариантов развития той или иной жизненной ситуации или разрешить проблему, посоветовав действенный метод выхода из неё.

Очень важным аспектом является комплексное развитие навыков (диалогические цепочки, диалог – расспрос, диалог – беседа, диалог – спор, диспут, круглый стол). Работа начинается с этапа подготовленной речи на основе определенной темы, затем следуют более разнообразные задания: пересказ, парная работа, имитирующая общение, высказывание своего отношения к сообщению.

В качестве примера такого рода заданий можно предложить игру «Дискуссионный клуб». Студенты разбиваются на две группы, каждая из которых должна аргументированно доказать своё противоположное мнение по спорным вопросам или актуальным для обсуждения темам, например: «Общение через интернет или живое общение?», «Учёба за границей или в родной стране?», «Эвтаназия... Добро или зло?», «Освоение космоса... Необходимость или бессмысленная трата средств?», «Выйти замуж (жениться) за иностранца (на иностранке)... Плюсы и минусы.» и т.д. Эти темы всегда вызывают живой интерес, заставляют активно мыслить, вступать в спор с целью донести до других свою точку зрения.

Некоторые примеры игровых ситуаций, а также креативные методы способствующие формированию коммуникативной компетенции и прошедшие апробацию в аудитории иностранных студентов, представлены в наших работах и работах наших коллег [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12].

Подобные приёмы и методы работы призваны заинтересовать всех студентов и задействовать их в процесс порождения собственной речи. Речевые ситуации должны быть эмоционально понятны и близки учащимся, тогда их стремление высказаться на иностранном языке будет острее, а мотивации для общения глубже в психологическом плане.

Коммуникативная компетенция считается сформированной, если студенты создают свои высказывания на основе изученного грамматического и лексического материала, свободно владея всем языковым инструментарием, что и является показателем результативности обучения.

В результате исследования было выявлено следующие факты, влияющие на успешный процесс коммуникации: контент и наполнение языковых компетенций зависят от целеполагающих намерений практического овладения иностранным языком учащимися, их мотивированности к изучению языка и интереса к нему, возникающими в процессе осуществления игровой деятельности, направленной на речевое взаимодействие, и видов выбираемых речевых упражнений, способствующих приносить наиболее продуктивный результат в процессе общения на иностранном языке, что и является конечной целью освоения иностранного языка.

Библиографический список

1. Андриенко А.С. Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза (на основе кредитно-модульной технологии обучения): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.
2. Васильева О.Ф. Лекции по методике преподавания РКИ [Электронный ресурс] URL: <http://www.mng.rs.gov.ru/node/733> (дата обращения - 15.11.2019).
3. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб.пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.
4. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на отделении философии образования и теории педагогики РАО 23 апреля 2002. Центр «Эйдос»

[Электронный ресурс]. URL: <http://wwwA.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>(дата обращения - 15.11.2019).

5. Новикова О.В., Сычева Л.В. Некоторые приемы оптимизации процесса обучения иностранцев русскому языку (из опыта работы на подготовительном факультете) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 12 (12). С. 36-44.

6. Сычёва Л.В. Русские глаголы движения и особенности их преподавания иностранным учащимся // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2 (25). С. 16-20.

7. Сычёва Л.В. Особенности работы с лексикой при изучении РКИ // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2 (25). С. 25-29.

8. Новикова О.В. Система упражнений по обучению говорению // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 8 (8). С. 26-30.

9. Новикова О.В. Роль диалога в профессиональноориентированном обучении иностранных студентов // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 10 (10). С. 51-59.

10. Скуридина С.А. Игра как средство оптимизации обучения иностранцев русскому языку (из опыта работы) // Интернационализация современного российского образования: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Воронежский государственный университет инженерных технологий, 2015. С. 40-47.

11. Скуридина С.А. Театральная студия как средство актуализации коммуникативной деятельности иностранных студентов (проект создания) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2 (16). С. 45-49.

12. Безатосная О.М., Воронова Т.А. Произведения для детей на занятиях по русскому языку как иностранному // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3 (17). С. 46-52.

References

1. Andrienko A.S. The development of foreign-language professional communicative competence of the students at technical university (based on the credit and module system of education): abstract of thesis ... Ph.D. in pedagogy. Rostov-on-Don, 2007. 26 p.

2. Vasilieva O.F. Lectures on methods of teaching Russian as a foreign language [Electronic resource]. URL: <http://www.mng.rs.gov.ru/node/733> (date of application - 15.11.2019).

3. Shchukin A.N. Methods of teaching Russian as a foreign language: a course book. Moscow, 2003. 334 p.

4. Khutorskoy A.V. Major competences and educational standards: a report. April 23d, 2002. Center 'Eidos' [Electronic resource]. URL: <http://wwwA.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (date of application - 15.11.2019).

5. Novikova O.V., Sycheva L.V. Some ways to optimize the process of teaching foreign students Russian language // Scientific bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and cross-cultural communication. 2014. Vol. 12 (12). P. 36-44.

6. Sycheva L.V. Russian verbs of motion and the specificity of explanation them to foreign students // Scientific bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguisticsandcross-culturalcommunication. 2017. Vol. 2 (25). P. 16-20.
7. Sycheva L.V. The specificity of teaching vocabulary at the lessons of Russian as a foreign language // Scientific bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguisticsandcross-culturalcommunication. 2017. Vol. 2 (25). P. 25-29.
8. Novikova O.V. Teaching speaking: a system of exercises // Scientific bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguisticsandcross-culturalcommunication. 2012. Vol. 8 (8). P. 26-30.
9. Novikova O.V. The function of dialogue in professionally targeted education of foreign students // Scientific bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguisticsandcross-culturalcommunication. 2013. Vol. 10 (10). P. 51-59.
10. Skuridina S.A. Game as a way to optimize teaching foreign students Russian language // Internationalization of modern Russian education. Voronezh State University of Engineering Technologies, 2015. P. 40-47.
11. Skuridina S.A. Theatre studio as a way to activate communication with foreign students (a project) // Scientific bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguisticsandcross-culturalcommunication. 2015. Vol. 2 (16). P. 45-49.
12. Bezatosnaya O.M., Voronova T.A. Literary works for children at the lessons of Russian as a foreign language // Scientific bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguisticsandcross-culturalcommunication. 2015. Vol. 3 (17). P. 46-52.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 811.111-26+811.161.1-26

*Белорусский государственный
экономический университет
старший преподаватель кафедры
профессионально ориентированной
английской речи
Качалова Л.Е.
Республика Беларусь, г. Минск
тел. +37529-5209645
e-mail: lkachalava@gmail.com*

*Belarus State Economic University
The chair of English speech
for professional purposes
Senior lecturer
Kachalava L.E.
Republic of Belarus, Minsk
tel. +37529-5209645
e-mail: lkachalava@gmail.com*

Л.Е. Качалова

СПЕКТР ЯЗЫКОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕЧИ АДРЕСАНТА, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННОЙ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается реализация педагогического дискурса через призму языковых инструментов воздействия в речи адресанта при сопоставлении моделей коммуникативных ситуаций (*учитель (родитель) → ученик и директор школы (учитель) → учитель*) в художественном тексте на английском и русском языках. Спектр языковых инструментов воздействия в речи ведущего участника коммуникации на обоих языках представлен речевыми приемами, составляющими лексические средства воздействия, грамматические средства воздействия и элементы синтаксиса языка, стилистические средства воздействия. Результаты проведенного исследования представлены графически в виде диаграмм, что наглядно демонстрирует градацию речевых приемов воздействия в речи адресанта каждой из рассматриваемых коммуникативных моделей на двух языках в сопоставлении. Количественная составляющая речевых приемов воздействия, представленная в процентном отношении в речи адресанта на обоих языках, с одной стороны, и их качественная составляющая или принадлежность к соответствующей группе языковых средств воздействия, с другой стороны, позволили выявить тенденцию к использованию в речи главным образом лексических и грамматических средств воздействия, а также элементов синтаксиса языка. Зафиксированные сходства и различия в специфике и частоте употребления в речи языковых инструментов воздействия иллюстрируют способы реализации коммуникативной интенции педагогического воздействия на адресата речи в материале исследования на сопоставляемых языках.

Ключевые слова: педагогический дискурс, коммуникативная модель, речевое воздействие, коммуникативная ситуация, адресант речи, коммуникативная интенция, языковые средства, речевой прием.

L.E. Kachalova

LINGUISTIC MEANS OF PEDAGOGICAL IMPACT IN THE SPEECH OF THE ADDRESSER IN ENGLISH AND RUSSIAN FICTION

The article under consideration deals with the issue of pedagogical discourse realization through the behaviour of the addresser within the framework of communicative models (*teacher (parent) → pupil and headmaster (teacher) → teacher*) in English and Russian fiction. Linguistic means of pedagogical impact in the speech of the addresser are re-

sented by lexical, grammatical and stylistic means of speech impact as well as syntactical structure of the language. The outcome of the research presented in the paper graphically in the form of diagrams shows the gradation of the linguistic means of pedagogical impact in the speech of the addresser within the framework of the communicative models under consideration. The results of the research are produced percentagewise measuring the quantity and ratio of different types of linguistic means of pedagogical impact. Subsequently a tendency towards the usage of lexical and grammatical means of speech impact as well as particular elements of syntactical structure of the language is shown in the paper. Similarities and differences as for frequency and specific character of their usage in speech illustrate the means through which communicative intention of pedagogical impact is achieved in English and Russian fiction.

Key words: pedagogical discourse, communicative model, communicative situation, addresser, communicative intention, linguistic means of pedagogical impact

Данная статья предполагает выявление общего и частного в реализации педагогического дискурса через призму языковых инструментов воздействия в речи адресанта коммуникативных моделей, построенных на базе частотных речевых ситуаций в художественных произведениях конца XX - начала XXI вв. на английском и русском языках, что послужило материалом для исследования. Рассматриваемые в статье модели коммуникативных ситуаций (*директор школы (учитель) → учитель* и *учитель (родитель) → ученик*) образованы на базе речевых ситуаций (*директор школы → учитель* и *учитель → учитель*, с одной стороны, и *учитель → ученик* и *родитель → ученик*, с другой стороны) в материале исследования с учетом следующих факторов: преимущественно институциональный характер коммуникации между адресантом и адресатом речи, наличие одного и того же адресата в ситуациях общения соответствующих типов, в рамках которых реализуется коммуникативная интенция педагогического воздействия на адресата речи.

Следует отметить, что институциональный дискурс предполагает собой «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума...» [1, с. 292], поскольку данная форма взаимодействия свойственна общественным институтам, «...общение в которых является составной частью их организации...» [2, с. 43]. Ввиду того, что каждое общество вырабатывает свои нормы и паттерны поведения, а также свои стандарты строгости при их нарушении, определенные нормы и модели поведения закреплены за каждым социальным институтом. Это позволяет говорить о специфике данного типа коммуникации: статусноориентированное общение предполагает собой речевое взаимодействие коммуникантов, реализующих свои социальные роли согласно своему статусу и всегда с учетом принятых социокультурных и институциональных норм. Социальная роль, в свою очередь, определяется рядом ученых как «шаблонный вид поведения, направленный на выполнение прав и обязанностей, предписанных конкретному статусу» [3, с. 81], с одной стороны, и как «комплекс стандартных общепринятых ожиданий» общества в рамках определенного социального института [4, с. 183], с другой стороны, что подчеркивает культурно обусловленный феномен коммуникации институционального характера [5]. Подчеркнем, однако, опираясь на слова В.И. Карасика, что институциональная коммуникация характеризуется неравноправием или асимметричностью речевого взаимодействия [1], поскольку коммуникативная инициатива, как правило, принадлежит ведущему участнику коммуникации (адресанту), каковым в рассматриваемых моделях коммуникативных ситуаций выступают *директор школы / учитель* и *учитель / родитель* соответственно.

Для достижения поставленной цели обратимся к матрице речевых приемов, используемых адресантом, коммуникативной интенцией которого является педагогическое воздействие на адресата речи. Опираясь на результаты исследования, построим диаграммы, в которых отразим процентное соотношение наиболее частотных речевых приемов воздействия в речи адресанта на английском и русском языках в сопоставлении. Обратимся к коммуникативной модели *учитель (родитель) → ученик* (рис. 1 и 2).

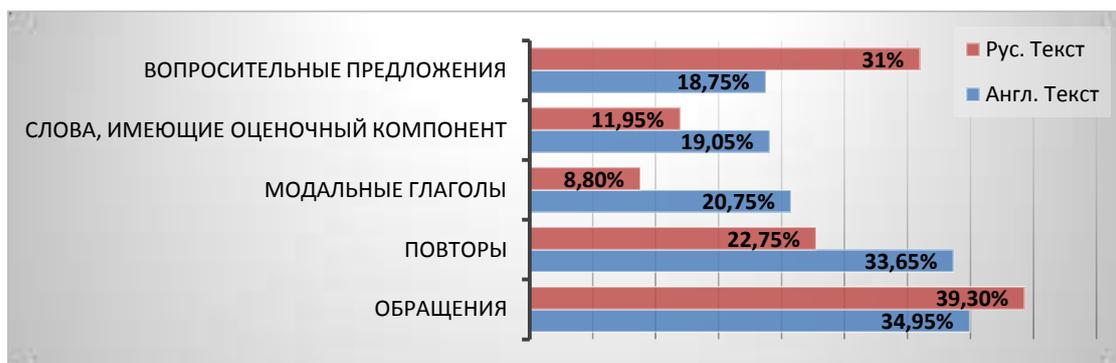

Рис. 1. Частотные речевые приемы воздействия в речи адресанта коммуникативной модели *учитель (родитель) → ученик на английском языке* (в сопоставлении с русским языком)

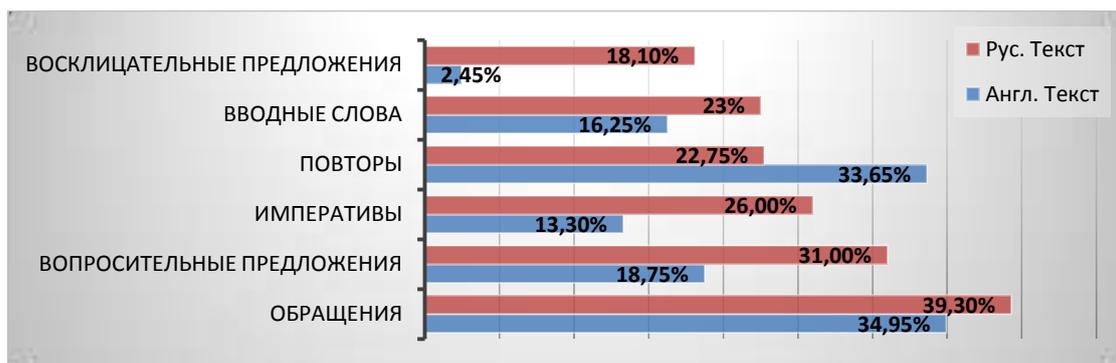

Рис. 2. Частотные речевые приемы воздействия в речи адресанта коммуникативной модели *учитель (родитель) → ученик на русском языке* (в сопоставлении с английским языком)

Рис. 1 иллюстрирует спектр частотных речевых приемов воздействия в речи адресанта на английском языке в сопоставлении с соответствующей процентной составляющей данных речевых приемов на русском языке. В свою очередь рис. 2 показывает спектр частотных речевых приемов воздействия в речи адресанта на русском языке в сравнении с соответствующими показателями в речи ведущего участника коммуникации на английском языке. Через диаграммы наглядно представлена градация речевых приемов воздействия по восходящему принципу в речи адресанта на английском и русском языках (рис. 1 и 2 соответственно).

Как видим, совпадения в способах реализации коммуникативной интенции воздействия на адресата речи прослеживаются через употребление в речи адресанта речевых приемов в следующем соотношении: *обращения* (39,3% против 34,95% на русском и английском языках соответственно), *повторы* (33,65% против 22,75% на английском и русском языках соответственно), *вопросительные предложения* (31% против 18,75% на русском и английском языках соответственно). Отличия, в свою очередь, зафиксированы в следующем: если в речи адресанта на английском языке преобладают *модальные глаголы* (20,75% против 8,8%) и *слова, имеющие оценочный компонент* (19,05% против 11,95%), то в речи адресанта на русском языке присутствуют *императивы* (26% против 13,3%), *вводные слова* (22,5% против 16,25%) и *восклицательные предложения* (18,1% против 2,45%). Проиллюстрируем сказанное следующими примерами из материала исследования на обоих языках: *Spoken beautifully, Jessica. I couldn't have said it any better myself... And I definitely couldn't have showed you what to do any better than Peter did. Thank you, Peter...* [6, с. 404-405]; *Many, many men have been just as troubled morally and spiritually as you are right now. And remember, all of you, if you must play these dirty games, play them in your homes, but not in my classroom...* [7, с. 70]; *Здравствуйте, девочки!.. Ну, девочки, как идёт у вас учёбе? Отметки были? Ну, Галя, вспомни-ка, что ты по-*

лучила по арифметике? А у тебя, **Вера**? А у тебя, **Маруся**, сколько? Что с вами, **девочки**? Почему это вы сегодня на себя не похожи?.. [8, с. 121-122]; *You can't just lash out and attack others... It could cost you – big-time... You need to learn to handle those situations civilly. You need to always keep control, because to lose it could result in something you don't intend...* [6, с. 159]; *What do you think would have happened if everyone had behaved like you and had all turned on Mr. Bell like a pack of mad wolves?.. Are you going to resort to clubs and knives every time you're upset or angry?.. Do you think you are big enough to make an apology to him?..* [7, с. 159-163].

В рамках коммуникативной модели *учитель (родитель) → ученик* в речи адресанта на обоих языках присутствуют речевые приемы, составляющие, главным образом, лексические и грамматические средства воздействия, а также элементы синтаксиса языка; в свою очередь, стилистические средства воздействия выражены слабо (рис. 1 и 2). Следует подчеркнуть, однако, что речевые приемы, составляющие грамматические средства воздействия и элементы синтаксиса языка, в речи адресанта на русском языке имеют высокую процентную составляющую в сравнении с соответствующими показателями в речи адресанта на английском языке, что свидетельствует о яркой выраженности грамматической составляющей спектра речевых приемов воздействия в художественном тексте на русском языке. Приведем следующие примеры: *Я знаю, вы считаете, что я не педагог, материал плохо объясняю, уроки плохо провожу... А вы? Ну вы-то кто такие, а?! Откуда в вас столько наглой жестокости? Откуда вы знаете, что из вас-то выйдет?..* [9, с. 151-152]; *Я запишу тебя в школу, но ты не пугай больше бабушку и слушайся маму. Помни – с этой минуты ты уже почти что школьница. Веди себя хорошо...* [8, с. 11-12].

Далее обратимся к коммуникативной модели *директор школы (учитель) → учитель* и проследим сходства и различия в реализации речевых приемов воздействия в речи адресанта на сопоставляемых языках. Построим соответствующие диаграммы (рис. 3 и 4).

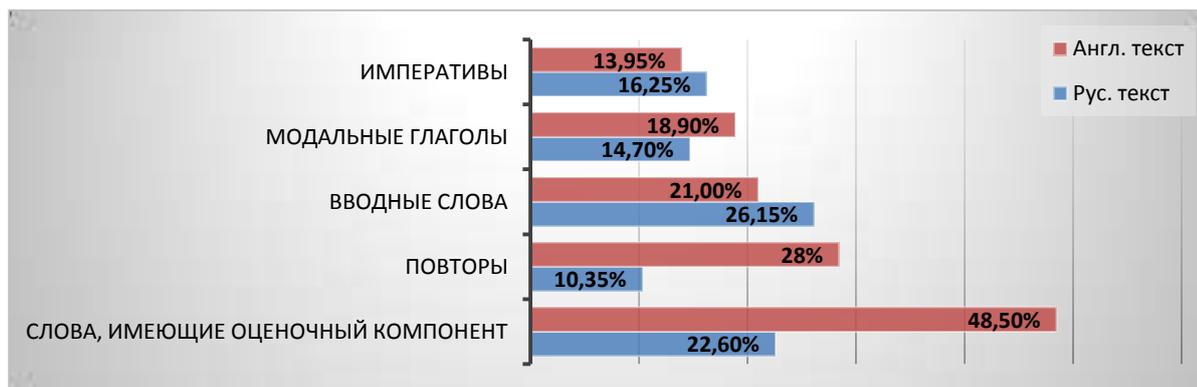

Рис. 3. Частотные речевые приемы воздействия в речи адресанта коммуникативной модели *директор школы (учитель) → учитель на английском языке* (в сопоставлении с русским языком)

Рис. 4. Частотные речевые приемы воздействия в речи адресанта коммуникативной модели *директор школы (учитель) → учитель на русском языке* (в сопоставлении с английским языком)

Построенные диаграммы наглядно иллюстрируют градацию речевых приемов воздействия по восходящему принципу в речи ведущего участника коммуникации на английском и русском языках в сопоставлении. Реализация коммуникативной интенции воздействия прослеживается в речи адресанта на английском языке через следующие речевые приемы (см. рис. 3): *слова, имеющие оценочный компонент* (48,5% против 22,6%), *повторы* (28% против 10,35%), *вводные слова* (21% против 26,15%), *модальные глаголы* (18,9% против 14,7%), *императивы* (13,95% против 16,25%) в сопоставлении с русским языком. Спектр речевых приемов воздействия, используемых адресантом речи на русском языке, представлен в следующем соотношении (рис. 4): *риторический вопрос* (24% против 4%), *жаргонная лексика/сленг* (21,3% против 2,05%), *обращения* (19,2% против 12,4%), *восклицательные предложения* (15,8% против 4,1%) в сопоставлении с английским языком.

В рамках коммуникативной модели *директор школы (учитель) → учитель* речевые приемы воздействия представлены неравномерно на сопоставляемых языках (рис. 3 и 4): в речи адресанта на русском языке зафиксирована более широкая палитра речевых приемов воздействия, составляющих лексические средства воздействия в сравнении с соответствующими показателями в речи адресанта на английском языке. Следует отметить, однако, что *слова, имеющие оценочный компонент*, в речи адресанта на английском языке встречаются более, чем в два раза чаще, в то время как процентная составляющая *жаргонной лексики (сленга)* незначительна в сравнении с соответствующим показателем в речи адресанта на русском языке: *В конце концов, у вас же не алгебра – почти сказки. Раз в месяц один пункт из параграфа можно кого угодно заставить **вызубрить**...*[10, с. 41-42]; *Я сама уж как-нибудь **умаслю** ваше сердитое начальство. Скажу, что человек, совладавший с нашим б-м "Б", – это учитель...*[11, с. 6-7]. Данное различие обусловлено фактом интимизации речевого взаимодействия между его участниками, что в свою очередь подтверждает наличие элементов личностно ориентированного общения в речи адресанта на русском языке.

Следующие примеры из материала исследования подтверждают высокий процент выборки *слов, имеющих оценочный компонент*, в речи адресанта на обоих языках: *Your education has been planned and geared to arm and prepare you to function as **mature and thinking citizens capable of shouldering the burdens and responsibilities**... It is through you and others like you that the forward march of democracy, spurred and fortified by **a thorough and well-rounded education**, will move on to **greater triumphs and victories**. We have no doubt that **our aims and efforts in this direction will bear fruit**... you are proving yourselves **worthy and deserving of our trust and expectations**...* [12, с. 181-182]; *Естественно, что подобное поведение учителя провоцирует и учеников. Следствие того – **катастрофическое падение дисциплины и очень***

слабая успеваемость... У вас интересный подход к оценкам. Боюсь только, что он идет вразрез с традиционным... [13, с. 29-30].

Стилистические средства воздействия в речи адресанта на английском языке представлены через *повторы* (28% против 10,35% соответственно), как частотный речевой прием, а в речи адресанта на русском языке – через *риторический вопрос* (24% против 4% соответственно): *Well, Mr. Chipping, the suggestion is there for you to consider... It won't do, Mr. Chipping, and you must ascribe it to my forbearance that I have put up with it so long... Well, there you are, Mr. Chipping – that's just an example of what I complain of...* [14, с. 56-60]; *А в пятницу мне сообщили, что в ближайшем будущем Виктор Сергеевич планирует еще и туристический поход с девятым "бэ". Причем посоветоваться с администрацией он не счел нужным. Но как можно допустить этот поход?..* [13, с. 29-30]. Речевые приемы, составляющие грамматические средства воздействия и элементы синтаксиса языка, выявили среднюю степень выраженности в материале исследования на сопоставляемых языках.

Таким образом, можно заключить, что цель педагогического воздействия на адресата речи в рамках коммуникативных моделей *учитель (родитель) → ученик* и *директор школы (учитель) → учитель* достигается через реализацию в речи адресанта схожих речевых приемов воздействия. Различия состоят, с одной стороны, в количественной составляющей используемых приемов воздействия на сопоставляемых языках и, с другой стороны, в их качественном наполнении или принадлежности речевых приемов к лексическим, грамматическим и стилистическим средствам воздействия, а также элементам синтаксиса языка, что позволяет говорить об определенной тенденции адресанта к употреблению в речи определенного спектра языковых инструментов воздействия на обоих языках.

Полученные данные позволили сопоставить модели коммуникативных ситуаций на английском и русском языках на базе художественного текста на двух языках и проследить сходства и различия в способах достижения коммуникативной интенции воздействия на адресата речи. Представленные в виде диаграмм результаты исследования позволяют наглядно проследить соотношение речевых приемов воздействия в речи адресанта, репрезентированной в художественных текстах на обоих языках. Графическое изображение результатов проведенного исследования (рис. 1-2, 3-4) показывает, что спектр языковых инструментов воздействия в речи адресанта представлен, главным образом, лексическими и грамматическими средствами воздействия, а также элементами синтаксиса языка пропорционально спектру соответствующих речевых приемов воздействия в речи ведущего участника коммуникации сопоставляемых языках.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., Волгоград: Перемена, 2000. 368с.
3. Кравченко А.И. Общая социология: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2001. 479 с.
4. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: Рос.гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.
5. Бабаева Е.В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 171 с.
6. Buyea, R. Mr. Terupt Falls Again. [Electronic resource] URL: http://robbuyea.com/books/mr_terupt_falls_again (date of application: 20.10.2014).

7. Braithwaite, E.R. To Sir, With Love. New English Library. Mill Road, Dunton Green, Sevenoaks, Kent. Editorial office: 47 Bedford Square, London WC1B 3 DP, 1959. 173 p.
8. Шварц Е.Л. Первоклассница. [Электронный ресурс] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/64784/Shvarc_-_Pervoklassnica.html(дата обращения: 17.10.2014).
9. Рубина Д.И. Астральный полет души на уроке физики // Рубина Д.И. Школа беглости пальцев: Повести. Рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 144–154.
10. Камаева О. Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litres.ru/olga-kamaeva/elka-iz-shkoly-s-lubovu-ili-dnevnik-uchitelnicy-2/> (дата обращения: 17.10.2014).
11. Полонский Г. Перевод с английского. [Электронный ресурс] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/103203/Polonskiii_-_Perevod_s_angliiskogo.html(дата обращения: 17.10.2014).
12. Kaufman, B. Up the Down Staircase. [Electronic resource]. URL: <http://avidreaders.ru/book/up-the-down-staircase.html>(date of application: 15.10.2015).
13. Иванова В. Географ глобус пропил. [Электронный ресурс] URL: <http://www.litres.ru/aleksey-ivanov/geograf-globus-propil/>(дата обращения: 17.10.2014).
14. Hilton, J. Goodbye, Mr. Chips. [Electronic resource] URL: <http://freeread.com.au/@rglibrary/JamesHilton/JamesHilton.html> (date of application: 03.10.2014).

References

1. Karasik V.I. Linguistic sphere: personality, concepts, discourse. Volgograd, 2002. 477 p.
2. Sheigal E.I. Semiotics of the political discourse. Moscow, Volgograd, 2000. 368 p.
3. Kravchenko A.I. General sociology: textbook for institutes of higher education. Moscow, 2001. 479p.
4. Belikov V.I., Krysin L.P. Social linguistics: textbook for institutes of higher education. Moscow, 2001. 439 p.
5. Babaeva E.V. Conceptual characteristics of social norms in German and Russian cultures: a monograph. Volgograd, 2003.171 p.
6. Buyea, R. Mr. Terupt Falls Again. [Electronic resource] URL: http://robbuyea.com/books/mr_terupt_falls_again(date of application: 20.10.2014).
7. Braithwaite, E. R. To Sir, With Love. New English Library. Mill Road, Dunton Green, Sevenoaks, Kent. Editorial office: 47 Bedford Square, London WC1B 3 DP, 1959. 173 p.
8. Shvarts E.L. The first-former. [Electronic resource] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/64784/Shvarc_-_Pervoklassnica.html(date of application: 17.10.2014).
9. Rubina D.I. Spiritual soul flight at the physics lesson //Rubina D.I. The school for flexibility of fingers: Short novels and stories. Moscow, 2008. P. 144-154.
10. Kamaeva O. Christmas tree. From school with love, or Teacher's diary. URL: <http://www.litres.ru/olga-kamaeva/elka-iz-shkoly-s-lubovu-ili-dnevnik-uchitelnicy-2/>(date of application: 17.10.2014).
11. Polonsky G. Translation from English. [Electronic resource] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/103203/Polonskiii_-_Perevod_s_angliiskogo.html(date of application: 17.10.2014).
12. Kaufman, B. Up the Down Staircase. [Electronic resource] URL: <http://avidreaders.ru/book/up-the-down-staircase.html> (date of application: 15.10.2015).
13. Ivanov A.V. The geographer drank away the globe. [Electronic resource] URL: <http://www.litres.ru/aleksey-ivanov/geograf-globus-propil/> (date of application: 17.10.2014).
14. Hilton, J. Goodbye, Mr. Chips. [Electronic resource] URL: <http://freeread.com.au/@rglibrary/JamesHilton/JamesHilton.html> (date of application: 03.10.2014).

УДК 821.111.09-31+929 Фаулз

*Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
кандидат филологических наук
Овсянникова А.Е.
Россия, г. Саратов, тел. +79093346388;
e-mail: ae_ovsyannikova@rambler.ru*

*Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky
PhD
Ovsyannikova A.E.
Russia, Saratov,
tel. +79093346388;
e-mail: ae_ovsyannikova@rambler.ru*

*Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
магистрант 2 курса Шевченко Е.А.
Россия, г. Саратов, тел. +79198375982
e-mail: evjenka15@gmail.com*

*Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky
2nd-year master student
Shevchenko E.A.
Russia, Saratov, tel. +79198375982
e-mail: evjenka15@gmail.com*

А.Е. Овсянникова, Е.А. Шевченко

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ НА ПРИМЕРЕ СЛОВЕСНЫХ ПОРТРЕТОВ ГЕРОИНЬ РОМАНА ДЖ. ФАУЛЗА “DANIEL MARTIN”

В данной статье рассматриваются стилистические особенности изображения женских портретов в романе Дж. Фаулза «Daniel Martin». Проблема создания образа персонажа была и остаётся центральной в литературном творчестве. Портрет персонажа является одним из основных средств, используемых автором для создания уникального произведения. С помощью портрета писатель описывает не только внешние признаки, но и внутренний мир своих героев, а также выражает свое отношение к ним. Недостаточное изучение лингвистических особенностей словесного портрета как элемента композиции литературного произведения делает данное исследование актуальным. Научная новизна работы заключается в том, что впервые была предпринята попытка рассмотреть специфику женских словесных портретных описаний именно на материале данного романа с привлечением сразу нескольких классификаций словесных портретных описаний, разработанных О.А. Мальцевой, Е.А. Гончаровой и И.А. Быковой. В статье представлены характерные и общие черты не только главных, но и второстепенных героинь романа. При анализе всех женских словесных портретов в исследуемом романе учитывались следующие аспекты: содержательный, структурный и функциональный. Кроме того, при рассмотрении женских портретных описаний было уделено внимание важной роли тропов и стилистических приемов в повышении выразительности описания.

Ключевые слова: стилистика, словесно-художественный портрет, женский портрет, деконцентрированный портрет, функциональный портрет, динамический портрет, психологический портрет.

А.Е. Ovsyannikova, E.A. Shevchenko

SPECIFIC FEATURES OF PORTRAYING FEMALE CHARACTERS SHOWN BY THE EXAMPLES OF WOMEN’S VERBAL PORTRAITS IN THE NOVEL “DANIEL MARTIN” BY J.FOWLES

This article deals with stylistic features of portraying female characters in the novel “Daniel Martin” by John Fowles. The problem of creating character’s image remains the central one in literature. Character’s portrait is one of the main means to create a unique literature work. Portrait describes not only external, but also inner features of characters. In addition, it shows the author’s attitude towards the characters. Insufficient study of linguistic features of verbal

portrait as an element of literature work composition makes this article relevant. Scientific novelty is based on the first attempt to analyze specific features of portraying female characters exactly in this novel through the classifications by Maltseva, Goncharova, Bykova. The article shows not only the main ones, but supportive characters too. The content and structural and functional aspects were considered in the analysis of this novel. The important role of tropes and stylistics devices was emphasized to increase the expressiveness of description.

Key words: stylistics, verbal and fictional portrait, female portrait, deconcentrated portrait, functional portrait, dynamic portrait, psychological portrait.

Интерес к структуре и особенностям словесно-художественного портрета наблюдается в работах таких исследователей, как О.А. Мальцева, В.А. Кухаренко, О.А. Малетина, Е.А. Гончарова и других. Актуальность исследования на материале романа Дж. Фаулза обусловливается недостаточной изученностью словесного портрета как элемента композиции литературного произведения. Целью данной работы является анализ специфики представления женских образов романа.

Существует множество типологий словесно-художественных портретов. В своей работе мы придерживались классификаций О.А. Мальцевой, Е.А. Гончаровой и И.А. Быковой, так как они наиболее полно отражают специфику портретного изображения персонажей.

Несмотря на то, что главным героем произведения является мужчина – Д.М., в данном романе женские образы играют важную роль, т.к. они более полно раскрывают образ главного героя. Поэтому очень часто в одном портретном описании содержатся портреты сразу двух героев. Например, дается статический, динамический или психологический портрет героини, и сразу же описывается внутреннее состояние Дэниеля, то есть дается его психологический портрет. Автору важно показать, как главный герой оценивает внешность, характер и поступки другого персонажа.

Perhaps it was partly embarrassment at having, at home, her read what he wrote; but even with the play... she was always hovering over it, wanting to see each scene the moment it came off the typewriter. That began to irritate Dan unfairly, she was trying to cling to the joint existence.

(Возможно, это было отчасти смущением из-за того, что дома она прочитала то, что он написал; но даже с пьесой Едва текст сходил с печатной машинки, она словно коршун парила над ним, пытаясь прочитать каждую сцену. Ее попытки цепляться за совместное существование начало ужасно раздражать Дэна).

В данном примере мы видим начинающийся крах семейной жизни Дэниеля и Нелл, видим, какие чувства и негативные эмоции вызывало у Дэниеля поведение героини.

Если в мужском портрете преобладают психологические черты, то женский представлен всеми типами по классификациям Мальцевой и Гончаровой. Наиболее частотными являются функциональные портреты. Черты функциональности (глаголы и наречные определения, которые усиливают экспрессивность описания, представлены и в динамических, и в психологических портретах [1; с. 40-41].

Nell was sitting on a stool, her back against a settee in which Andrew lay sprawled and already very nearly asleep. Jane had kicked off her shoes and was curled up in an armchair on the other side of the fireplace. Now she received a look from her sister.

(Нелл сидела на табуретке, прислонившись спиной к дивану, на котором лежал почти уснувший Эндрю. Джейн сбросила туфли и свернулась калачиком в кресле по другую сторону камина. Сейчас она поймала взгляд сестры.)

Здесь представлен типичный динамический портрет, мы видим действия героев.

Однако гораздо чаще мы сталкиваемся с портретами смешанного типа, они дополняют действия героев. Вряд ли случайные чувства персонажей выражены эксплицитно.

She gave him a scrutiny, a moment, then she silently stretched out a hand and gave his wrist, beneath the sleeve of his coat, a squeeze of encouragement, sympathy, tacit appeal, he didn't know, except that this time it was not meant to say more than affection and friendship.

(Она мгновение внимательно посмотрела на него, затем молча протянула руку и сжала его запястье под рукавом пальто. Он не знал, был ли это жест ободрения, сочувствия или молчаливый призыв. Одно было ясно точно - на этот раз это ничего больше привязанности и дружбы не подразумевалось.)

Героиня протягивает руку герою, и сразу же автор поясняет, что это не жест любви, а просто знак привязанности или дружбы.

Но в романе присутствует и имплицитное выражение чувств персонажей. Через поступки и высказывания героинь мы узнаем об их внутреннем состоянии.

She didn't move, she had only the smallest smile as I came to her. At the last moment she lowered her eyes. There was a bizarre moment when neither of us seemed to know what to do. She still had her hands in her pockets. Then she took them both out and reached them to me.

(Она не двигалась, только улыбнулась едва заметно, когда я подошел к ней. В последний момент она опустила глаза. Настал неловкий момент, когда никто из нас, казалось, не знал, что делать. Она все еще держала руки в карманах. Затем она протянула мне их обе.)

В данном примере практически не дана трактовка действий героини. Однако исходя из контекста, мы понимаем, что оба персонажа чувствуют неловкость. Когда-то их связывали романтические отношения, а сейчас, не общавшись много лет, они снова встретились и не знают, как себя вести. На это нам и указывают действия героини: то, как она опустила глаза или спрятала руки в карманы.

Практически все женские портреты представлены в романе от 3 лица. Однако 25 глава представляет собой письмо Дженни Дэниелю, в котором она описывает свои романтические отношения с другим человеком. Письмо написано очень эмоционально, поэтому изобилует психологическими автопортретами героини.

And you didn't know what those two days meant to me, because I was thinking all the time, this is what being married to him would be like, on our own, and I knew I'd never want to travel with anyone else, and the nature thing, honestly I was beginning to learn, at least not to want to fight you over it, at least to begin to understand what it was to you... you don't realize how close to you I'd felt all that second day, the first as well. That's why I wanted sex, but not just sex. That's why I laughed at your ravens. You understand so many outer things about women, but I sometimes think none of the inner ones at all. Or perhaps it's even worse, you know them and pretend you don't. You know I don't really know what I think, who I am, where I'm going. That girls like me do really, deep down, need protection societies.

(И ты не знаешь, что эти два дня значили для меня, потому что я все время думала, на что будет похожа свадьба с ним. И я знала, что никогда не захочу путешествовать с кем-то еще, и то, что случилось тогда на природе, правда, я начала учиться, по крайней мере, не злиться на тебя за это и я, по крайней мере, начинаю понимать, что тогда с тобой произошло... Ты не осознаешь, каким близким ты мне казался весь второй день, да и первый тоже. Вот почему я хотела секса, но не просто секса. Вот почему я смеялась над твоими воронами. Ты хорошо разбираешься в женской внешности, но я иногда думаю, что ты ничего не смыслишь в нашем внутреннем мире. Или, может быть, еще хуже, ты понимаешь женщин изнутри, но делаешь вид, что нет. Знаешь, я действительно не знаю, о чем я думаю, кто я, куда я иду. Такие девушки, как я, глубоко внутри действительно нуждаются в защите.)

Данный пример построен так, что видно, какое волнение испытывала героиня, когда писала. Понять это нам помогают повторы, многоточие, глаголы, выражающие эмоции.

Статические и качественные портреты представлены в текстах произведения намного меньше. Автору важнее показать внутренний мир героя, а не внешний. Однако при первом знакомстве с каким-либо персонажем чаще всего дается описание его внешности, то есть именно статическое портретное описание.

Barney's wife was still an unimpressive little woman, tired and faded under the set smile and the makeup. She had not aged well; but then she had always seemed to me anomalous, suburban to Barney's urban.

(Жена Барни была все такой же невыразительной маленькой женщиной, уставшей и бледной под улыбкой и макияжем. Старость не была ей к лицу; но тогда она всегда казалась мне неподходящей, слишком деревенской для городского жителя Барни.)

В таком портрете доминируют имена существительные (*woman, smile, makeup*), прилагательные (*unimpressive, little, anomalous*) и причастия прошедшего времени (*tired, faded*).

Большинство женских портретов в романе относятся к деконцентрированному типу, то есть портретные единства неоднократно воспроизводятся в тексте произведения, образуя цепочку словесных описаний [2; с. 4-5].

Так, на протяжении всего романа присутствуют портретные описания Джейн – главной героини и возлюбленной Дэниела. Действие романа разворачивается на протяжении не одного десятилетия, поэтому в каждом временном промежутке автор описывает героиню, и читатель может наблюдать за внешней и внутренней эволюцией образа девушки.

She had such fine eyes, soul; sometimes she looked young, she did at that moment, staring into the fire, younger than Nell.

(У нее были такие прекрасные глаза. И душа. Иногда она выглядела такой молодой, моложе, чем Нелл, как например, когда она смотрела на огонь в тот момент.)

Это пример из начала романа, когда мы только знакомимся с героиней.

In close-up she looked her age. There were lines of tiredness as well as of natural years. She wore no makeup. I sensed too a hidden fear. She was very uncertain of who I was. We both smiled, the way strangers do at their own stiffness.

(Вблизи она выглядела на свой возраст. Были видны морщинки от усталости, да и от возраста. Она не пользовалась косметикой. Я чувствовал слишком скрытый страх. Она не понимала, кем я был на самом деле. Мы оба улыбались, как незнакомцы, не знающие, как себя вести.)

Здесь же представлено описание Джейн, которое дается ближе к середине романа, когда Дэниель встречается с ней через несколько лет разлуки. Герой описывает, как она изменилась, а также догадывается о ее душевном состоянии.

Концентрированные портретные описания практически отсутствуют в тексте произведения, так как в романе представлено очень небольшое количество женских персонажей, которые больше не будут появляться в тексте хотя бы еще один раз. Одним из примеров является описание жены египетского режиссера Асада. В романе этот женский персонаж появляется только в одной сцене. В ее портретном описании дается краткая характеристика героини, черты ее внешности и некоторые факты о ее жизни.

Assad's wife was a plump but still quite attractive Lebanese woman in her late thirties; apparently one of the best-known translators in the Arab world from the French. According to Jane she spoke the language flawlessly, though her English was much poorer than her husband's.

(Жена Асада была пухлой, но все еще довольно привлекательной ливанской женщиной под сорок. По всей видимости, она была одной из самых известных переводчиц с французского в арабском мире. По словам Джейн, она говорила на этом языке безупречно, хотя ее английский был намного хуже, чем у ее мужа.)

Речевой портрет представлен в романе намного меньше, чем статический, динамический или психологический. Это объясняется жанровой направленностью произведения: роман “*Daniel Martin*” является постмодернистским и изобилует скрытыми смыслами и подтекстом, и речь персонажей важна не в такой степени, как их поведение и поступки. В основном в речевых портретах автор показывает эмоциональное состояние персонажей, их принадлежность к определенному социальному классу [3].

'Honest, Dan, I couldn't tell you... course, 'ewas always 'alfpissed.' Then she said shyly, 'I don't mean whatcha mercallit. You know. Jus'... you know.'

(«Я не могу сказать тебе, Дэн, правда... Он был мертвецки пьян.» Затем она застенчиво сказала «Я не хотела... Понимаешь... Просто... так получилось.»)

Данный пример очень ярко иллюстрирует недалекость героини, деревенской девушки по имени Ненси, в которую влюбился главный герой в подростковом возрасте. Использование просторечных вариантов языка свидетельствует о проживании в сельской местности и отсутствии должного образования. Наличие многоточия указывает нам на применение такого синтаксического приема как умолчание. Автор использует умолчание, чтобы показать растерянность, даже отчаянность девушки, переполненной чувствами.

Помимо умолчания, автор использует и другие синтаксические средства выразительности. Самым частотным являются повторы. В следующем примере есть и лексический повтор, и повтор синтаксической конструкции

*I was finding Andrea quite exceptionally pleasant to live with: we had no rows, but enough friendly arguments to stop existence becoming saccharine. She cooked **well**, she made love **well**, she had a perfect tact about my work, went out to do her own in the morning and came back every evening to help me with mine if I wanted or to tell me the latest gossip, if I wanted that...*

(Мне было очень приятно жить с Андреа: у нас не было скандалов, но было достаточно дружеских споров, благодаря которым наша жизнь не была приторно-идеальной. Она хорошо готовила, хорошо занималась любовью, у нее была отличная тактика в отношении моей работы, она уходила утром по своим делам, и возвращалась каждый вечер, чтобы помочь мне с моими, если я хотел, или рассказать мне последние сплетни, если я хотел этого...)

Благодаря повторам слова *well* видно, что Дэниель положительно относится к своей возлюбленной Андрее, работавшей у него секретарем. Создается некий образ идеальной женщины.

Помимо повторов автор часто использует и номинативные предложения. Так, в следующем примере отсутствие сказуемого во втором предложении создает эффект некой фрагментарности, делает восприятие более живым, показывает страсть героя по отношению к девушке.

*She stared up at him a moment, then let him pull her up, and raised her arms as he peeled off her shirt and the tangled bra. **The sweetness of those bare arms, that neck, the firm breasts pressing against his own, her surrender to it.***

(Она пристально посмотрела на него, затем позволила ему обнять ее и подняла руки, когда он снимал ее рубашку и бюстгальтер. Сладость этих обнаженных рук, этой шеи, упругих грудей, прижимающихся к его собственной, ее покорность ему.)

Однако лексические средствами выразительности преобладают над синтаксическими. Прежде всего в романе используется экспрессивная и оценочная лексика, что позволяет сделать описания ярче, а также выразить эмоции и отношения персонажей друг к другу.

*I know she can be a **bitch**, I know you can be at least half the **selfish bastard** she thinks you are. It's not just you two.*

(Я знаю, что она может быть сукой, я знаю, что ты можешь быть хотя бы наполовину эгоистичным ублюдком, которым она себя считает. Это не только вы двое.)

Как и в других своих романах, автор больше всего использует эпитеты, причем разнообразные: и сравнительные, и метафорические, и с использованием экспрессивной лексики. Подтверждение этому мы можем увидеть в следующем примере, где автор использует слова *girlish*, *squirrelishly inquisitive* для ироничного сравнения любопытства героини с белкой.

*She was gossiping with another old girl at the front gate of their tiny cottage as we pulled up and insisted I came in for a cup of tea, a typically **Devon-faced little** woman, younger than him, still **faintly girlish, squirrelishly inquisitive**, in spite of the grey hair.*

(Когда мы подошли, она сплетничала с другой старухой у входных ворот их крошечного коттеджа и настояла, чтобы я зашел на чашечку чая. Она была типичной девонской женщиной, моложе его, сохранившей в себе юношескую любознательность, несмотря на седые волосы.)

Некоторые эпитеты повторяются на протяжении всего произведения. Так, в портретах Джейн преобладает лексика, семантика которой связана с понятием детскости, непосредственности.

*She looked up into my eyes then, with a serious, almost **childlike, candour** she sometimes had in private. **Is** miled, **sinc**eshedidnot.*

(Затем она посмотрела мне в глаза с серьезной, почти детской искренностью, которую я иногда видел в ней в те моменты, когда мы были наедине. Я улынулся, а она нет.)

*She stares at him, and her eyes show two kinds of hurt **honesty, both a childlike and an adult**. If he tells her a lie then, it is also partly to himself.*

(Она пристально смотрит на него, и в ее глазах отображается оскорбленная честность и ребенка, и взрослого. Если он соврет, то не только ей, но и себе.)

Как видно из этих двух примеров, подчеркивается не только детскость героини, но и ее искренность (*candour, honesty*) Слова с такой семантикой также повторяются на протяжении произведения. Кроме того, во втором примере эпитет *childlike* противопоставлен существительному *adult*. Это указывает на использование автором такого приема, как оксюморон.

Контраст может проявляться и имплицитно. Если мы обратимся к двум следующим примерам, мы увидим, что сначала герой идеализирует свою возлюбленную, восхищается ею. Но через какое-то время (как видно во втором примере) он уже начинает видеть ее как будто с другой стороны: более чужую, более взрослую и не такую естественную.

There was only Nancy, Nancy, Nancy; her mouth, her breasts, her arms slipping round his back, clinging as well, until she pulled her head away without warning and buried it against his shirt. How small she was, how much more understanding touch was than sight, how all faults of size, curve, visual appearance disappeared before touch and pressure.

(Была только Нэнси, Нэнси, Нэнси; ее рот, ее грудь, ее руки скользили вокруг его спины. Затем она неожиданно положила голову на его грудь. Она была такой маленькой, ее прикосновение говорило больше, чем взгляд. Все ее внешние недостатки растворились от ее прикосновения.)

Nancy stood from behind it as he came near, in a short-sleeved yellow shirt, a dark green skirt and wellingtons, her milking 'clompers'. She had a brown cardigan over her arm, and her cheeks were a high pink, perhaps because there was a redness about the mouth that was not natural indeed, rather startlingly unnatural. Not that he felt like criticizing it. To his eyes she looked frighteningly aloof and adult, two years older at least.

(Нэнси стояла позади, когда он подошел. На ней была желтая рубашка с короткими рукавами, темно-зеленая юбка и сапоги, ее «калоши для доения»). В руке она держала коричневый свитер, и ее щеки были ярко-розовыми, возможно, потому что рот как-то неестественно покраснел. Он не хотел думать об этом. Для него она выглядела пугающе отчужденной и взрослой, как минимум, на два года старше.)

Кроме того, контраст может проявляться не только в изображении какого-то одного персонажа, но и в сравнении персонажей. Неудовлетворенность от брака с собственной женой Нелл, сожаления о том, что он не смог жениться на ее сестре Джейн приводят к тому, что Дэниел неоднократно сравнивает этих двух героинь.

With Nell there was already flirtations with perversity or what passed as perversity in those days and we had become by dint of practice quite skilled in sex-manual terms. With Jane there was a physical naivety, a surprising innocence; she was passive, once the boats were burnt.

(С Нелл мы уже занимались чем-то извращенным, ну или тем, что в те дни считалось извращенным, и благодаря практике мы стали достаточно опытными в вопросах сексуального руководства. У Джейн была физическая наивность, удивительная невинность; она была пассивной, сразу же после финала.)

Еще одно частотное лексическое средство выразительности – аллюзии. Прежде всего, это аллюзии на мифических героев, персонажей античный мифов.

*I gave them a little money, a temporary haven, a few facts about life. In return I received, though I did not see it at the time, a lasting lesson on the limitations of my class, my education and my kind. I have called them 'Miriam' and 'Marjory' here, but I suspect better names could have been found among those of nine far more famous sisters: **Clio and Thalia, perhaps.***

(Я дал им немного денег, временное пристанище и несколько фактов о жизни. Взамен я получил, хотя тогда и не понимал этого, длительный урок об ограничениях моего класса, моего образования и моего рода. Я звал их «Мириам» и «Марджори», но я подозреваю, что лучшие имена можно было найти среди девяти гораздо более известных сестер. Клио и Талия, например.)

Дэниел какое-то время жил с двумя девушками, это период своей жизни он считает одним из самых счастливым, ему было комфортно и спокойно. Именно поэтому он называет их именами древнегреческих муз - Клио и Талия.

Метафоры и сравнения также присутствуют в портретных описаниях женских персонажей. В первом примере метафора указывает на то, как стильно одевалась Джейн по сравнению со своей старшей сестрой. Наличие в этом примере иронии и эпитета дает нам возможность говорить о присутствии такого типа выдвигания, как конвергенция. [4; с. 50-52].

*Her younger sister, for instance, dresses much better; wouldn't be seen **dead in a tatty old peasant skirt.***

(Ее младшая сестра одевается не в пример лучше. Уж ее-то никогда не увидишь в старой колхозной юбке.)

*She closes the directory, examines him **like a coper** before a doubtful horse, then suddenly points.*

(Она закрывает справочник, смотрит на него как торговец лошадьми на старую клячу и вдруг неожиданно показывает рукой.)

Второй пример – это динамический портрет. Сравнение с торговцем позволяет читателю ярче представить происходящие события, увидеть, как героиня смотрит на персонажа.

Таким образом, в данной работе была исследована специфика изображения образов женских персонажей в романе Дж. Фаулза “*Daniel Martin*”. Самыми частотными среди всех видов портрета оказались деконцентрированные, функциональные, динамические и психологические портреты. Самыми употребляемыми образными средствами являются эпитеты, аллюзии, повторы, экспрессивная и оценочная лексика, а также прием контраста. В дальнейших исследованиях мы планируем рассмотреть мужских портретные описания в романе и сравнить специфику их изображения.

Библиографический список

1. Быкова И.А. Типология портрета персонажа в художественной прозе А.П. Чехова // Языковое мастерство А.П. Чехова. Ростов-на-Дону, 1990. С. 38–46.

2. Мальцева О.А. Лингвостилистические особенности словесного художественного портрета в современном английском романе (на материале произведений Джона Фаулза): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 16 с.

3. Колокольцева Т.Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/97/88-94.pdf> (дата обращения: 06.05.2019).

4. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М.: Флинта: Наука. 2002. 384с.

References

1. Вукоча I.A. Typology of the portrait of a character in the prose of A.P. Chekhov. Rostov-on-Don, 1990. P. 38-46.

2. Maltseva O.A. Linguistic and stylistic peculiarities of verbal fictional portrait in modern English novel (based on the works by John Fowles). Leningrad, 1986. 16 p.

3. Kolokoltseva T.N. Speech portrait of the character: syntactic aspect. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/97/88-94.pdf> (date of application: 06.05.2019).

4. Arnold I.V. The stylistics. Modern English. Moscow, 2002. 384 p.

УДК 82-1

Алтайский государственный университет
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
общей и прикладной филологии,
литературы и русского языка
Гребнева М.П.
Россия, г. Барнаул, тел. 8(983)1863057
e-mail: grmarinagr@mail.ru

Altai State University
The chair of general and applied
philology, literature and Russian language
Doctor of Philology, full professor
Grebneva M.P.
Russia, Barnaul,
tel. 8(983)1863057
e-mai: grmarinagr@mail.ru

Алтайский государственный университет
Студентка 4 курса ФМКФУП
Николаева О.Е.
Россия, г. Барнаул, тел. 8(913)0887633
e-mail: olesya-emerald@mail.ru

Altai State University
The department of mass communication,
philology and political science
4th year student
Nikolaeva O.E.
Russia, Barnaul, tel. 8(913)0887633
e-mail: olesya-emerald@mail.ru

М.П. Гребнева, О.Е. Николаева

**ДИНАМИКА ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РЕДАКЦИЯХ
(ПЕРВОЙ, ТРЕТЬЕЙ И ШЕСТОЙ)
ПОЭМЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»**

Данная работа посвящена, прежде всего, исследованию творческой истории поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон», формированию ее замысла и эволюции образа главного героя. Исходя из того, что поэма М.Ю. Лермонтова «Демон» подвергалась изменениям в восьми редакциях, а позже и в различных списках поэмы, высказано предположение, что демонический образ главного героя приобретает определенную динамику и глубину, видоизменяется благодаря развитию тем любви и одиночества, свободы и воли, углублению богорборческого конфликта и внутреннего конфликта героя. Предпринята попытка проанализировать динамику образа Демона в первой, третьей и шестой редакциях поэмы – 1829 г., 1831 г. и от 8 сентября 1838 г., сопоставив их с каноническим вариантом поэмы. Выбор данных редакций обусловлен их яркими отличительными чертами в трактовке образа главного героя на фоне остальных редакций, что дает возможность отобразить динамику изменения внутреннего мира Демона и его превращение из фантастической фигуры в очеловеченную. Целью работы являются установление закономерностей динамики образа героя, выяснение характерных особенностей каждой редакции поэмы и их сопоставительный анализ. Уделяется внимание значению образа Демона в творчестве М.Ю. Лермонтова, рассматриваются основные темы и мотивы поэмы «Демон», их последовательное развитие. Затрагиваются особенности развития внутренней речи Демона. Учитывается значение главной героини и второстепенных персонажей, их влияние на образ главного героя. Отмечается философская проблематика произведения и масштабность в поэме конфликта добра и зла.

Ключевые слова: «Демон», Лермонтов, демонический образ, демонизм, редакции.

M.P. Grebneva, O.E. Nikolaeva

**THE DYNAMICS OF THE IMAGE OF THE PROTAGONIST IN THE EDITIONS
(FIRST, THIRD AND SIXTH ONES)
OF THE POEM «DEMON» BY M.Y. LERMONTOV**

This work is devoted primarily to the study of the creative history of the poem "Demon" by M.Y. Lermontov, the formation of its design and the evolution of the protagonist's image. Based on the fact that the poem "Demon" was changed in eight editions, and later in various copies of the poem, it was suggested that the demonic image of the protagonist acquires a certain dynamics and depth and modifies due to the development of themes of love and loneliness, freedom and will, deepening conflict with God and internal conflict of the hero. An attempt was made to analyze the dynamics of the image of the Demon in the first, third and sixth editions of the poem (1829, 1831 and on September 8, 1838) comparing them with the canonical version of the poem. The choice of these editions is due to their bright distinctive features in the interpretation of the image of the protagonist against the background of the rest of the editions, which makes it possible to display the dynamics of change in the inner world of the Demon and its transformation from a fantastic figure into a human one. The aim of the work is to establish patterns of dynamics of the image of the hero, to clear up the typical features of each edition of the poem and to conduct their comparative analysis. Special attention is paid to the significance of the image of the Demon in the piece by M. Lermontov, considering the main topics and motives of the poem "Demon" and their consistent development. The features of the development of the internal speech of the Demon are touched. The importance of the main character and secondary characters, their influence on the image of the main character are taken into account. The philosophical problems of the work and the scale of the conflict of good and evil in the poem are noted.

Key words: "Demon", Lermontov, a demonic image, demonism, editions.

Изучением поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» занимались выдающиеся отечественные исследователи: Д.А. Гиреев [1], Е.В. Логиновская [2], Ю.В. Манн [3], С.Н. Дурылин [4] и др. Они обращались к идейной составляющей поэмы, художественным особенностям ее языка и стиля, системе персонажей, истории создания и к месту в жизни автора. Однако особое место занимает тема редакций и списков «Демона», которую исследовали В.С. Любимова-Дороватовская [5], А.Н. Михайлова [6], В.Э. Вацуру [7] и др. Последовательное изучение редакций поэмы дает возможность более целостно толковать ее проблематику и замысел автора.

Романтическая поэма «Демон» – одно из центральных произведений М.Ю. Лермонтова, отражающее развитие главной, демонической темы в творчестве поэта. Замысел поэмы сопутствовал автору с начала творческого пути, с пятнадцатилетнего возраста, претерпев восемь редакций, а также найдя отражение в многообразии списков поэмы, которые появились в результате запрета на ее печать, и лирическом творчестве. Вся масштабность замысла и проблематики «Демона» выражается не только в космическом, богоборческом сюжете, но и в той роли, которую поэма играла в жизнетворчестве автора, так без малого десять лет – с 1829 и по 1839 гг. – динамично развивающийся сюжет «Демона» сосредоточивал оттенки умонастроений поэта и колебания в его мировоззрении.

Важно отметить, что Лермонтов никогда не считал «Демона» «достаточно» законченным для публикации [4; с. 12], а цензура, отреагировавшая на обращение к божественной теме, окончательно лишила его этой возможности, что проявилось в постоянных доработках поэмы.

Началом работы над поэмой считается 1829 год, им же датирована первая редакция «Демона», представляющая собой набросок и содержащая в себе 92 стиха и два прозаических конспекта.

Открывающие первую редакцию два похожих друг на друга посвящения отсылают к лирическому образу поэта из ранних стихотворений: «К другу» 1829 г., «Мой демон» 1829 г., «Отрывок» 1831 г. и др. Как и в юношеской лирике, автор во втором посвящении акцентирует испытываемые им скорбь и скуку среди людей: «Как солнце осени суровой, / Так пасмурна и жизнь моя» [8; с. 614-615].

Здесь Демон, в первую очередь, печален, и важно подчеркнуть, что строки «Печальный Демон, дух изгнанья...» [8; с. 615] присутствуют во всех редакциях поэмы как своеобразный лейтмотив. В I строфе первой редакции автор называет героя «злым». Стоит отметить, что данный эпитет по отношению к нему отсутствует в I строфе I части канонического варианта поэмы, которой соответствует данный фрагмент, и во всей поэме в целом, что не дает право толковать образ героя как отрицательный. Однако во II строфе становится ясно, что Демон не смеется своим злодеяниям и «Роняет посреди мученья / Свинцовы слезы иногда» [8; с. 615]. Слеза

героя появляется и позже, в V строфе, когда в обители он слышит: «...тихий и прекрасный звук, / Подобный звуку лютни...» [8; с. 617]. Мотив слезы чрезвычайно важен, так как Демон роняет свою «нечеловеческую слезу» в VII строфе II части канонического варианта перед входом в монастырь от испытываемой им любовной тоски и услышанной песни на чингуре [8; с. 569], это переломный момент поэмы.

Авторская характеристика героя в IV строфе первой редакции: «Все горько сделалось ему, / И все на свете презирая, / Он жил, не веря ничему, / И ничего не принимая» [8; с. 616] соотносится с X строфой II части канонического варианта, где Демон говорит Тамаре: «Какое горькое томленье / ... Всегда жалеть и не желать, / Все знать, все чувствовать, все видеть, / Стараться все возненавидеть / И все на свете презирать!..» [8; с. 572-573], открывая ей всю человечность своих страданий.

Текст первой редакции представляет собой наброски плана, «творческую лабораторию», по словам Д.А. Гиреева [1; с. 46]. И, несмотря на то, что Демон в ней более отрицательная и фантастическая фигура, чем в каноническом варианте – он «от зависти и ненависти решает погубить» Монахиню – Тамару в каноническом варианте [8; с. 616], уже здесь начинает проявляться психологическое и философское ядро замысла, автор показывает мучительность бытия Демона, тяжесть его страданий. Однако образ Демона из первой редакции в большей степени сопоставим с демоническими персонажами Байрона, выступающими против морали и божественных законов.

Третья редакция поэмы, датированная 1831 г., также открывается посвящением. Оно обращено к В.А. Лопухиной и пронизано радостным настроением «воскрешения». Поэт, как и в предыдущих редакциях, олицетворяет себя с героем: «Как демон, хладный и суровый, / Я в мире веселился злом» [8; с. 618]. Основной текст предваряет эпиграф, взятый из «Каина» Байрона, – диалог Каина и Люцифера. В связи с этим, Е.М. Пульхритудова писала: «По-видимому, Лермонтов задумал написать философскую поэму, перекликающуюся по сюжету с «Элоа» де Виньи, а по характеру главного героя – с байроновским Каином» [9; с. 76].

Первые строфы первой и третьей редакции практически полностью совпадают по тексту и духу, тогда как II строфа уже «объединяет» в себе фрагменты II и III строф из первой редакции: «И часто Демон молодой / Своим злодействам не смеялся»; «Уныло жизнь его текла / В пустыне Мира»; «Он жил, не веря ничему / И нечего не признавая» [8; с. 619].

В V строфе третьей редакции Лермонтов акцентирует внимание на чувствах Демона, нарушившего уединение Тамары: «Проникнул в келью дух смущенный. / Со страхом отвращает взор» [8; с. 620]. Испытываемые им стыдливость, робость, сожаление подчеркивают в тексте неоднозначность его образа. А строки из VII строфы, описывающие чувства Демона при виде Тамары: «Он искушать хотел, – не мог, / Не находил в себе искусства; / Забыть? – забвенья не дал бог; / Любить? – недоставало чувства!» [8; с. 621] позже найдут свое отражение в каноническом варианте в аналогичной ситуации в IX строфе I части: «Он слов коварных искушенья / Найти в уме своем не мог... / Забыть? – забвенья не дал бог: / Да он и не взял бы забвенья!» [8; с. 560].

Далее в VII строфе мы впервые встречаемся с обращением автора к своему герою на ты: «Так, Демон, слыша эти звуки, / Чудесно изменился ты», поскольку Демон, проникнувшись состраданием к Монахине и не желая сделать ее своей жертвой, решает покинуть келью, нарушив «клятвы неземные» и обратившись на время к добру [8; с. 622]. Во время второго посещения Демоном Монахини Лермонтов, характеризуя героя, отмечает, что: «Тайный страх / В ледяных светится глазах» [8; с. 623]. Примечательно, что такие чувства, как благоговение и страх, испытываемые при входе в обитель, не будут отражены в каноническом варианте поэмы, где герой воплощает идею бунта. По всей видимости, такая временная перемена в образе Демона показала Лермонтову невероятной, и в более поздних редакциях это неожиданное превращение в «праведника» было опущено.

В XIII строфе Демон, пожелавший «на путь спасенья возвратиться» [8; с. 626], видит ангела (в третьей редакции – не с заглавной буквы) рядом с Монахиней и, вновь проникнувшись злобой и ненавистью к несправедливому миру, решает отомстить им обоим. Любовь героя к Монахине мгновенно умирает, что также не характерно для канонического варианта поэмы. Строки, описывающие ангела: «Посланник рая, ангел нежный, / ...Стоял с блистающим челом / ...И от врага с улыбкой ясной / Приосенил ее крылом» [8; с. 625] будут частично процитированы в каноническом варианте в VIII строфе II части: «Хранитель грешницы прекрасной, / Стоит с блистающим челом / И от врага с улыбкой ясной / Приосенил ее крылом» [8; с. 570]. Это подчеркивает то обстоятельство, что образ ангела, в отличие от образов Демона и Монахини, не претерпевает значительных изменений.

Также в диалоге Демона и Монахини (в тексте – Незнакомец и Она) герой, желая соблазнить и погубить Монахиню, сознательно лжет ей: «Не расставлял я людям сети / С толпою грозной злых духов» [8; с. 627], тогда как его искренность в каноническом варианте не вызывает сомнений, что подтверждает и клятва, отсутствующая в редакции 1831 г.

Знаменитая клятва Демона, оформленная в виде отдельного монолога, отсутствует и в шестой редакции поэмы, датированной 8 сентября 1838 года. Рукопись, открывающаяся посвящением («Я кончил – и в груди невольное сомненье!»), также была подарена В.А. Лопухиной. Данная редакция уже имеет двухчастную форму, характерную для канонического варианта, и достаточно схожа с ним, но уступает и по содержанию, и по художественной выразительности, главным образом, благодаря трактовке образа главного героя.

В VIII строфе I части звучит такое описание Демона: «Что если б враг небес и рая, / В то время на нее взглянул» [8; с. 636]. Однако в каноническом варианте также в VIII строфе I части говорится: «Что если б Демон, пролетая, / В то время на нее взглянул» [8; с. 559], так как враждебность героя по отношению к небесам и Богу уже перестает быть основополагающей.

В шестой редакции действие перенесено в Грузию, чьи пейзажи играют значительную роль в создании панорамы чувств главных героев, в отличие от легендарной обстановки ранних редакций, значительно развита эпическая составляющая поэмы, а персонажи наделены именами.

Фрагменты из вышеупомянутой клятвы Демона присутствуют здесь как продолжение фразы «Так что ж? ты будешь там со мной» [8; с. 651], тогда как в каноническом варианте торжественная клятва героя, усиленная анафорой, звучит в ответ на просьбу Тамары и выражает его неподдельную страсть. Необходимо отметить, что в третьей и шестой редакциях столкновение Демона и Ангела за душу героини отсутствует, и после смерти Тамары герой, названный «царем порока», лишь: «...взор пронзительный кидая, / Посла потерянного рая / Улыбкой горькой упрекнул...» [8; с. 656]. В противоположность этому, в каноническом варианте оно играет важную роль, и мы расстаемся с Демоном, когда он проклял «мечты безумные свои» [8; с. 582], что придает большую выразительность его драматическому облику.

Несмотря на неоднозначное отношение автора к своему герою, невозможно отрицать автобиографическое начало и глубокую личную заинтересованность Лермонтова в образе Демона. В посвящении и эпилоге первой и третьей редакций поэмы Лермонтов сознательно проводит параллели с собственной судьбой, сочувствует своему герою. Однако в более поздних рукописях Демон обретает независимость от автора, исчезают обращения к герою «мой демон», «демон молодой» и «бедный демон». Своеобразие «Демона» заключается в том, что образ главного героя, взяв свое начало в западной литературе и продолжая ее традицию, стал у Лермонтова воистину уникальным, породив различные споры, мнения и интерпретации, отражая внутренние поиски своего создателя.

Таким образом, образ Демона из канонического варианта одноименной поэмы динамично развивался в предшествующих ему восьми редакциях: из мрачного и ненавидящего весь мир существа в борца за свободу, справедливость и вольнодумство, готового противостоять высшим силам, способного на высокие чувства и жаждущего духовного перерождения, не отвер-

гающего мир, а отвергнутого миром. Обретая человеческие черты, образ героя стал более противоречивым и глубоким, философичным и масштабным. Устойчивому символическому значению этого образа, заимствованному из мировой культуры, Лермонтов придал самобытный характер, воплотив в Демоне не только идею неприятия мира и гордыни, но и печали, одиночества, духа сомнения, искренней любви и подлинного трагизма.

Библиографический список

1. Гиреев Д.А. Поэма М.Ю. Лермонтова «Демон». Орджоникидзе, 1958. 208 с.
2. Логиновская Е.В. Поэма М.Ю. Лермонтова «Демон». М.:Худ. лит., 1977. 117 с.
3. Манн Ю.В. Завершение романтической традиции (поэмы «Мцыри» и «Демон») // Лермонтов и литература народов Советского Союза. Ереван: Ереванский ун-т, 1974. С. 32-62.
4. Дурьлин С.Н. Судьба Лермонтова. // С. Н. Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. 2. М., 2010. 512 с.
5. Любимова-Дороватовская В.С. Списки поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»: (По материалам Отдела рукописей) // М.Ю. Лермонтов: Статьи и материалы. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 74-82.
6. Михайлова А.Н. Последняя редакция «Демона» // Литературное наследство. М.Ю. Лермонтов. Т II. М: АН СССР, 1948. С. 11-22.
7. Вацуру В.Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М.: Новое издательство, 2008. 716 с.
8. Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т.1. М.: Правда, 1988. 720 с.
9. Пульхритудова Е.М. «Демон» как философская поэма // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814 – 1964. –М.: Наука, 1964. 510 с.

References

1. Gireyev D.A. The poem "Demon" by M.Y. Lermontov. Ordzhonikidze, 1958. 208 p.
2. Loginovskaya E.V. The poem "Demon" by M.Y. Lermontov. Moscow, 1977. 117 p.
3. Mann Y.V. The completion of the romantic tradition (the poems "Mtsyri" and "Demon") // Lermontov and literature of the peoples of the Soviet Union. Yerevan University, 1974. P. 32-62.
4. Durylin S.N. The fate of Lermontov. // S.N. Durylin and his time: Research. Texts. Bibliography. Part 2. Moscow, 2010. 512 p.
5. Lyubimova-Dorovatovskaya V.C. Lists of the poem "Demon" by M.Y. Lermontov: (Based on materials from the Manuscripts department) // M.Y. Lermontov: Articles and materials. Moscow, 1939. P. 74-82.
6. Mikhailova A.N. The latest edition of "Demon" // Literary heritage. M.Y. Lermontov. Vol. 2. Moscow, 1948. P. 11-22.
7. Vatsuro V.E. About Lermontov: Works of different years. Moscow, 2008. 716 p.
8. Lermontov M.Y. Compositions. Vol.1. Moscow, 1988. 720 p.
9. Pulkhritudova E. M. "Demon" as a philosophical poem // Creativity of M.Y. Lermontov: 150 years since the birth, 1814 – 1964. Moscow, 1964. 510 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'373.7/

*Институт лингвистических
исследований РАН
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Андрианова Д.В.
Россия, г. Санкт-Петербург,
тел. +7 999 205 75 93
e-mail: yakonukdar@yandex.ru*

*The Institute of linguistic studies (RAS)
PhD, Research assistant,
Andrianova D.V.
Russia, Saint-Petersburg
tel. +7 999 205 75 93
e-mail: yakonukdar@yandex.ru*

Д.В. Андрианова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ В НИЖНЕПЕЧЕРСКИХ ГОВОРАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ НИЖНЕЙ ПЕЧОРЫ» Н.А. СТАВШИНОЙ)

В статье анализируются фразеологизированные устойчивые обороты, включающими имена собственные. Материалом для исследования послужил «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры» Н.А. Ставшиной. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью более активного включения в научный обиход диалектной фразеологии, которая проясняет многие вопросы, решение которых невозможно в рамках фразеологии литературного языка. В статье ставится вопрос о роли имени собственного во фразеологизме, проводится классификация материала для выявления основных типов онимов. Наиболее подробно рассмотрены фразеологические хрононимы, библеизмы, антропонимы, окказионализмы, топонимы, а также онимы, роль которых сводится к роли асемантического вспомогательного компонента рифмопары для компонента фразеологизма, несущего основную смысловую нагрузку оборота. Проведенный анализ нижнепечерских устойчивых оборотов с именами собственными подтверждает общefразеологическую специфику диффузной оценочной характеристики, причем в большинстве случаев компонент - имя собственное является носителем этого фразеологического значения. Эти данные ставят сложный вопрос о том, приобретает ли это имя соответствующее переносное значение до момента фразеологизации или уже в рамках фразеологизированного оборота. Региональная специфика нижнепечерских фразеологизмов наиболее явственно прослеживается на примерах топонимов, которые фактически являются языковыми эндемиками этой местности, но сопоставление с известными устойчивыми оборотами показывает, что они обычно построены по распространенным фразеомоделям, и их значение соответствует общей фразеологической логике.

Ключевые слова: фразеология, диалектная фразеология русского языка, ономастика, библеизм, хрононим, антропоним, топоним.

D.V. Andrianova

IDIOMS AND PROVERBS WITH ONYMS IN THE NIZHNAJA PECHORA DIALECTS (BASED ON THE PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF THE RUSSIAN DIALECTS OF NIZHNAJA PECHORA BY N.A. STAVSHINA)

The article considers idioms and proverbs with onyms. The research is based on the "Phraseological dictionary of Russian dialects of Nizhnaja Pechora" by N.A. Stavshina. The subject of the article is supposed to be important for

more active inclusion of dialect phraseology in scientific usage, because there is plenty of issues that cannot be researched properly within the framework of the phraseology of the literary language. The article raises the question of the role of onyms in phraseology, classifies the material to identify the main types of onyms. The article presents phraseological chrononyms, biblicalisms, anthroponyms, occasionalisms, toponyms, and also onyms, the role of which is reduced to the role of the asemantic auxiliary component of the rhyme pair for the phraseological component that carries the main semantic point of the idiom. The analysis of the dialectal proverbs and idioms of Nizhnaja Pechora including onyms confirms the general phraseological specific, when the meaning is mostly generalized and evaluative. The point is that onym as a component is mainly the carrier of this phraseological meaning. These data leads to the difficult question, whether the name acquires the corresponding figurative meaning until the moment of phraseologization or it gains it within the framework of the phraseological unit. The regional specificity of Nizhnaja Pechera phraseology is most clearly traced on examples of toponyms, which are actually language endemics of this region, but comparison with well-known stable units shows that they are usually built on common phrase models, and their meaning corresponds to the general phraseological logic.

Key words: phraseology, dialect phraseology of the Russian language, onomastics, biblicalism, chrononym, anthroponym, toponym.

Имена собственные (далее ИС) в составе фразеологизмов и паремий, а также сами паремии и фразеологические единицы (далее ФЕ), включающие ИС, и даже ИС как ФЕ активно исследуются современными лингвистами (Л.П. Дядечко, М.Л. Ковшова, В.М. Мокиенко, Л.И. Ройзензон, В. Хлебда и мн. др.). Особое внимание ученые уделяют вопросам этимологии, статуса имени собственного в качестве компонента паремии, соотношения национального и интернационального во фразеологизмах с ИС и проч. Как отмечают исследователи, «значение отономастической фразеологии тем важнее, что она обычно отражает не только национальную самобытность именослова того или иного народа, но и через колоритные имена сообщает о своеобразных обычаях, способе мышления, истории и мифологии последнего» [1; 208]. В этой связи большое значение для получения более достоверных, полных и подробных данных об ИС в паремиологии и фразеологии имеет изучение этих единиц в русских диалектах, где они представлены во всей полноте своих вариантов.

Материалом настоящей работы являются обороты с ИС, включенные в «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры» в 2 томах, составленный Н.А. Ставшиной и изданный в 2008 году.

В круг исследуемых единиц автор словаря включает не только идиомы и фразеологизмы в строгом смысле слова [2; 5], но также и фразеологизмы в широком смысле (А.В. Кунин, С.И. Ожегов, А.Д. Соловьёва и др.). Включение в словник выражений, которые часто называют «иными устойчивыми словосочетаниями» и «сопредельными конструкциями» [3, т. 1; с. 6-7] обусловлено задачей наиболее полно зафиксировать все живые в нижнепечорских говорах обороты. Таким образом, вслед за автором словаря материалы для настоящего исследования включены как идиомы, так и пословицы, неоднословные профессионализмы, обозначения растений, бытовые наименования и проч.

Объемную и в достаточной степени однородную группу составляют так называемые хрононимы, то есть конструкции с ИС, которые в народном календаре обозначают тот или иной день в году. Например: *Аграфенины купальники* (Ст. 23/1¹), *Аксенья-полузимница* (Ст. 23/1). *Василий зимний* (Ст. 120/1), *Василий Летний* (Ст. 120/1), *Васильев день* (Ст. 120/1), *Вёшний Микола (Никола)* (Ст. 128/1), *Георгиев день* (Ст. 165/1), *Егорьев день* (Ст. 231/1), *Иван (Иванов) день* (Ст. 277/1), *Иван-Колдовник* (Ст. 277/1), *Иван-травник* (Ст. 277/1), *Иван Постный* (Ст. 278/1), *Ильин день* (Ст. 291/1), *Илья Пророк* (Ст. 291/1), *Касьян год* (Ст. 343/1), *Кузьмы-Демьяны* (Ст. 373/1), *Николин (Миколин) день* (Ст. 121/2), *Петров день* (Ст. 165/2), *Петр Солнцеворот* (Ст. 168/2), *Прасковья-грязниха* (Ст. 211/2), *Прокопьев день* (Ст. 219/2),

¹Здесь и далее в скобках после оборота следует указание номера страницы и через дробь номера тома словаря.

Спиридонов день (Ст. 306/2), *Фомино воскресенье* (Ст. 360/2) и др. Как видно из приведенного перечня, обычно ИС в этих сочетаниях представляет собой «обрусевший» вариант имени святого, часто имеющий коннотацию с народными приметами, обычаями, не всегда христианскими по своей сути. Так, *Прасковья-грязниха* отмечается 27 октября по новому стилю. Прасковья-грязниха – это Преподобная Параскева, «празднуется в самое грязное время, когда морозов больших еще нету, а снегом уже порошит, и снова тает, потому и такое название празднику» (Ст. 211/2). *Иванов день* иначе называют *Иван-Травник*, потому что «против Ивана-травника собирали лечебные травы», а также потому, что у борогодской травы «в Иванов день бывает самый хороший цвет» (Ст. 277/1). *Аграфенины купальники* – день мученицы Агриппины, отмечаемый 6 июля по новому стилю. «Считалось, что с этого дня можно в реке купаться» (Ст. 23/1). *Пётр Солнцеворот* – название дня апостолов Петра и Павла, который празднуется 12 июля по новому стилю, «а называется он так потому, что солнце поворачивается на зиму» (Ст. 168/2).

Подобным образом строятся наименования постов и связанных с ними обычаев: *Петрово говенье*, *Петров пост* (Ст. 165/2), *Варить/сварить (печь, справлять) Петровщину* – «отмечать наступление Петрова дня народным гуляньем с приготовлением ритуальных блюд – каши и блинов» (Ст. 166/2); *Филиппов пост* (Ст. 359/2), *Филиппово заговене(заговенье)* – «1. Последний день перед Рождественским (Филипповым) постом. 2. Рождественский пост» (Ст. 359/2).

Помимо обозначения дней и постов по имени святых христианское наследие проявляется во ФЕ *Открыть Иордан* – «прорубить прорубь для полоскания белья» (Ст. 292/2); *Запускной Иордан (Йордан)* – «прорубь, в которую опускают сеть при подледном лове рыбы» (Ст. 260/1); *Как за Петром Павел* – «следовать за кем-л., подражать кому-л.» (Ст. 307/1), *Что Павлу, что Петру, что брюху, что хребту; Что для Павла, то для Петра, что для брюха, то для горба* – «все равно, что будет, то и будет» (Ст. 394/2); *Христос ногой ступил* – «о густом, наваристом супе» (Ст. 374/2) и некоторые др. Эти немногочисленные фразеологизмы не являются кальками из Библии, но благодаря библейским коннотациям входящие в их состав «личные имена служат индексами (адресами) информации, которой владеет в той или иной степени носитель языка (участник коммуникации)» [4; с. 232]. Характерно также, что если образы-символы *Иордан* и *Христос* остаются в контексте фразеологизма носителями метафорических христианских смыслов, то пара *Пётр-Павел* вследствие фразеологической «обкатки» теряет свою библейскую семантическую составляющую и эта пара персонажей приобретает в паремиологическом дискурсе значение ‘подобные’, ‘что один, что другой’. Интересно также, что похожую смысловую «девальвацию» пара Пётр-Павел проживает не только в русском, но других славянских, германских, финно-угорских языках [5; с. 54-55].

Помимо ИС, которые отчетливо ощущаются как библейские, аппелятивации подвержены также условно русские имена. Например: *Акулина (Акулинова) немощь (немочь)* – «Ирон. Лень, нежелание работать» (Ст. 23/1), *Алёха (Ванька, Васька, Никитка) Сельский* «Хвастун» (Ст. 23/1), *Дождь дождит* – *Фома сено косит, дождь перестал* – *Фома под кустик стал* – «о бестолковом, неумелом человеке» (Ст. 219/1), *Как запечный Ивашика* – «Шутл., пренебр. О нелюдимом, избегающем общества человеке» (Ст. 308/1), *Тюха-Пантюха [да Иван]* – *ржаной сноп*, *Тюха-Пантюха да Иван-Колупай* – «Презр. Говорится о неумелых и ленивых людях» (Ст. 339-340/2), *У Ерёмы лодка с дыркой, у Фомы челнок без дна* – «Ирон. Об одинаково бесхозяйственных и ленивых людях» (Ст. 343/2), *В дому у Макара кошка, комар да мошка* – «Ничего нет» (Ст. 71/1), *Не мели Емеля, не твоя неделя* – «Не говори глупости» (Ст. 87/2). В подобных оборотах ИС становится обозначением человека, обладающего той или иной обычно отрицательной чертой характера, особенностью.

По наблюдениям М.И. Ковшовой, «в личных именах находит свое наивное завершение концептуализация этических понятий и типизация характеристик человека» [4; с. 233]. Как показывает анализ фразеологизмов и паремий с ИС в словаре Н.А. Ставшиной, за определенным

именем часто закрепляется не столько определенная семантика, сколько обобщенная положительная или отрицательная коннотация. Например, имя *Маланья* в говорах Нижней Печеры зафиксировано в целом ряде оборотов с разными значениями, но всегда в них присутствует семантика неуместности, глупости, а сами обороты имеют шутовскую, снисходительную окраску: *Маланья свадьба* – «прием нежеланных, нелюбимых гостей» (Ст. 392/2), *Поспеть на Маланьину свадьбу* – «Шутл. Опоздать» (Ст. 28/2), *Как Маланья слепая – куда люди, туда я* – «о человеке, который, не задумываясь, действует «как все»» (Ст. 316/1), *Носиться, как Маланья с ящиком* – «проявлять бурную и настойчивую радость по какому-л. поводу» (Ст. 316/1).

Любопытно, что не всегда узуальная употребительность и частотность ИС совпадает с их паремиологической частотностью. Так, О. Альдингер отмечает, что «самое распространенное с конца XVII века до 1917 года имя Иван наиболее популярно и в народных выражениях (в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» оно встречается 76 раз). А второе по употребительности в паремиях имя Фома (47 имяупотреблений) никогда не являлось частым в реальной жизни. Его частотность обусловлена различными факторами: нелестным отношением простого народа к купечеству, популярностью сказок о неудачниках Фоме и Ереме, а также известностью выражения о библейском Фоме, одном из учеников Христа (Фома неверующий)». [6; с. 65]. Это наблюдение коррелирует с мыслью В.М. Мокиенко, который отмечает, что ИС часто обрастает «различными экспрессивными ассоциациями [ещё] на лексическом уровне» и таким образом «как нельзя лучше «готовится» к фразеологизации» [1; с. 213]. Именно поэтому особый интерес представляет исследование процесса «формирования представлений, ставших основой семантики фразеологизма, т.е. установления роли намеков, аллюзий, которые образуют ассоциативные поля в словах свободного употребления и соответствующих компонентах фразеологических единиц» [7].

В качестве условий, способствующих аппелятивации ИС, В.В. Виноградов выделяет:

1) историческую и литературно-образную знаменательность имени, «его культурно-общественный смысл» (*Обломов, Фома неверный*) [8];

2) созвучие «морфологического состава имени с живыми формами и элементами данной языковой системы, возможностями его народной этимологизации (*Пантелей – Пентелей – Пеньтюх – пень*)» [Там же];

3) фонетический строй имени, экспрессивно-смысловые потенции, «заложенные в звуковом облике слова» (например, имена с «чуждым восточному славянству звуком *ф*, а также собственные имена, содержащие звук *х*, чаще всего получали презрительное, бранное значение» [8].

К двум последним категориям можно отнести обороты, в которых ИС выполняют функцию рифмопары к компоненту, который является смысловым стержнем всего устойчивого выражения: *Большая Федора, да дура, а мал, да удал* – «о взрослом, но бестолковом человеке» (Ст. 53/1), *Надея (надежда) на Авдея (тебя и т.д.) как на вёшний лёд* – «о человеке, на которого нельзя положиться» (Ст. 64/2) *Малай – куда хочешь помахай* – «о крупном неуклюжем человеке» (Ст. 393/1), *Как Герасим – на всё согласен* – «человек безынициативный, со всем согласный, все принимающий» (Ст. 305/1), *Марья-вралья* (Ст. 395/1), *Про тебя да про Федота говорить неохота* – «кто-л. не стоит того, чтобы о нем говорили» (Ст. 218/2), *С Нестором шестеро и без Нестора шестеро* – «Шутл. Так говорят, когда хотят пресечь разговоры о количестве детей в семье» (Ст. 260/2), *Севастьян не узнал своих крестьян* – «Шутл. Кто-л. не узнал кого-л.» (Ст. 267/2), *Филат тому и рад* – «Ирон. Лентяй рад возможности не работать» (Ст. 359/2), и др. Говоря о загадках и пословицах, М. Л. Ковшова отмечает, что в этих конструкциях ИС «можно признать семантически пустым техническим компонентом» [4; с. 232]. Материалы фразеологического словаря нижнепечерских говоров свидетельствуют о том, что это справедливо также и для ряда поговорок с ИС.

Противоположное асемантизации ИС во фразеологизмах явление наблюдается в примерах, где ИС является окказионализмом: *Авосьевы города не горожены, Авосьевы дети не рожены* –

«О том, что не пообещано твердо и потому не вызывает доверия» (Ст. 23/1), *Иван Гробов еще (пока) замуж не берёт*– «Шутл. Ответ пожилой женщины на вопрос о том, как она себя чувствует» (Ст. 227/1), *Один Задержиха, другой Неспустиха*– «Шутл. Неуступчивые, заносчивые люди, драчуны. Говорится чаще о детях» (Ст. 137/2). В этих случаях ИС, напротив, несет основную смысловую нагрузку оборота, определяет его значение.

Отдельную группу среди фразеологизмов с ИС в словаре Н. А. Ставшиной составляют обороты с топонимами. Обычно построенные по активным фразеологическим моделям, часто по своему лексическому наполнению они связаны с местными географическими реалиями и представлениями, которые выступают в качестве ориентиров для людей, живущих в Нижней Печоре: *[В Архангельске сруб (струб) рубят (струбят), а] на Печору щепки летят*– «1. Откуда-то издалека приходит письмо, а на Печоре его получают. 2. Любые известия доходят до самых глухих уголков страны» (Ст. 62/1), *В Нарьян-Мар поплыть*– «Шутл. Пролить какую-л. жидкость на столе» (Ст. 87/1), *[Скорее] Печора вверх пойдёт*– “О чем-л. маловероятном” (Ст. 167/2), *Как до Китая пешком [идти]*– «1. Далеко (идти куда-л.). 2. Нескоро еще что-л. произойдет» (Ст. 306).

Некоторые из этих оборотов отмечены местной спецификой. Например, носители диалекта так объясняют оборот *чай – Китай, вода – Печора*: «Чай-то возили из Китая, а вода только из реки, печорская. На чай колодезную воду никогда не брали, возили воду с Печоры, только на чай с Печоры возили» (Ст. 382/2).

Особый образ имеет во фразеологизмах исследуемой области топоним *Москва*. Обычно он выступает как символ большого, далекого, неприступного города: *Как до Москвы пешком [идти]* – «1. Далеко (идти куда-л.). 2. Нескоро еще что-л. произойдет» (Ст. 306/1), *Москву видно (видать)*– «говорится о много раз разбавлявшемся кипятком чае» (Ст. 411/1), *Старуха на Москву три года сердилась, а Москва и не знала* – “нет смысла обижаться” (Ст. 312/2), *Москву без весел переехать*– «Ирон. Скандальить, проявлять необычайную храбрость и ловкость в ругани» (Ст. 411/1).

Еще одним значимым топонимом во фразеологии Нижней Печоры является *Дунай*: *Как Дунай*– «большой объем работы» (Ст. 306/1); *Цельй (какой) Дунай*– «большая площадь земли» (Ст. 380/2). Представляется, что *Дунай* в нижнепечорских говорах выполняет ту же функцию, что и *Волга* в паремиях, зафиксированных В. И. Далем: «топоним Волга часто используется как указание на большое расстояние: *Этот нос – через Волгу мост; На словах Волгу переплывает, а на деле – ни через лужу*» [6; с. 60].

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на то, что «ИС делают текст живым, приближают его к читателю, превращая восприятие... поговорок, пословиц и идиом в диалог с их олицетворенными образами» [9; 7]. В числе наиболее характерных особенностей ИС во фразеологии и паремиологии нижнепечорских говоров отметим, что наиболее объемную группу единиц составляют фразеологизмы и паремии с антропонимами. Практически все эти имена хорошо знакомы фразеологии литературного языка и имеют в говорах Нижней Печоры те же или подобные стереотипические значения. Во многих случаях за тем или иным именем закрепляется не столько определенное значение, сколько обобщенная положительная или чаще отрицательная семантика. В ряде случаев ИС играет роль рифмопары для другого компонента, несущего основную смысловую нагрузку оборота. ИС окказиональной природы, наоборот, оказываются семантически определяющими компонентами ФЕ. Определенная региональная специфика наблюдается во фразеологизмах и паремиях с компонентами-топонимами, которые с их помощью сообщают о значимых для людей, живущих в этой местности, реалиях, обычаях.

Библиографический список

1. Мокиенко В.М. Фразеологизация как способ аппелятивизации имени собственного // Имињата и фразеологијата. Скопје: Изд-во университета «Св. Кирил и Методиј», 2018. С. 207–220.

2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа. 1989. 287 с.
3. Ставшина Н.А. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2-х томах. СПб.: Наука, 2008. Т. 1: А–М. 2008. 415 с. Т 2: Н–Я. 2008. 418 с.
4. Ковшова М.Л. Личное имя в русском паремиологическом дискурсе: опыт дискурсивного анализа // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 227–240.
5. Eismann W. Парные сочетания с библейскими именами // Имињата и фразеологијата. Скопје: Изд-во университета «Св. Кирил и Методиј», 2018. С. 47–57.
6. Альдингер. О. Ономастический компонент «Пословиц русского народа» В.И. Даля // Имињата и фразеологијата. Скопје: Изд-во университета «Св. Кирил и Методиј», 2018. С. 61–73.
7. Фёдоров А.И. Изучение русской сибирской диалектной фразеологии // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1998, № 4. URL: <http://philology.ru/linguistics2/fyodorov-98.htm> (дата обращения – 09.09.2019).
8. Виноградов В.В. Из истории русской лексики и фразеологии // Доклады и сообщения Ин-та языкознания. Изд-во АН СССР. Вып. VI, 14. 1954. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=prostofila&vol=1> (дата обращения – 21.10.2019).
9. Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. Москва: URSS, 2019. 350 с.

References

1. Mokienko V.M. Phraseologization as a way of appellation of a proper name // Names and phraseology. Skopje: Publishing House of the University “St. Cyril and Methodius”, 2018. P. 207–220.
2. Mokienko V.M. Slavonic phraseology. Moscow, 1989. 287 p.
3. Stavshina N.A. Phraseological dictionary of Russian dialects of Nizhnyaya Pechora: in 2 volumes. St.-Petersburg, 2008. Vol. 1: A – M. 2008 . 415 p. Vol. 2: Н – Я. 2008. 418 p.
4. Kovshova M.L. Personal name in Russian paremiological discourse: the experience of discursive analysis // Polyparadigmatic contexts of phraseology in the 21st century. Tula, 2018. P. 227–240.
5. Eismann W. Paired combinations with biblical names // Names and phraseology. Skopje: Publishing House of the University “St. Cyril and Methodius”, 2018. P. 47–57.
6. Aldinger A. Onomastic component of “Proverbs of the Russian people” by V.I. Dahl // Names and phraseology. Skopje: Publishing House of the University “St. Cyril and Methodius”, 2018. P. 61–73.
7. Fedorov A.I. Study of the Russian Siberian dialect phraseology // Humanities in Siberia. 1998, Vol. 4. URL: <http://philology.ru/linguistics2/fyodorov-98.htm> (date of application - 09.09.2019).
8. Vinogradov V.V. To the history of Russian vocabulary and phraseology // Reports and messages of the Institute of Linguistics. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Issue VI, 14. 1954. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=prostofila&vol=1> (date of application - 21.10. 2019).
9. Kovshova M.L. Dictionary of proper names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms. Moscow, 2019. 350 p.

УДК 81.112.2'373.23-055.1-055.2

*Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко
старший преподаватель кафедры
романо-германской филологии
Мифтахова О.В.
ЛНР, г. Луганск, тел. +3(8099)7950001
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The chair of Romanic and Germanic philology
Senior lecturer
Miftakhova O.V.
LPR, Lugansk, tel. +3(8099)7950001
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru*

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
Студентка 3 курса
филологического факультета
(специальность: немецкий, английский язык
и литература)
Хромова А.С.
ЛНР, г. Луганск, тел. +3(8099)2174670*

*Lugansk National University
named after Taras Shevchenko
The department of philology
The 3d- year student
(specialty: German, English languages
and Literature)
Khromova A.S.
LPR, Lugansk, tel. +3(8099)2174670*

О.В. Мифтахова, А.С. Хромова

ГЕНДЕРНО СИММЕТРИЧНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается процесс феминизации и нейтрализации современной немецкой лексики как отражение общественных изменений в отношении андроцентричности немецкого языка. Гендерная симметричность языка предполагает устранение сведения общечеловеческого мнения к единой мужской норме, позиционируемой как универсальной, а также преодоление уничижительного или несущественного образа женщин с помощью изменения существующих языковых норм. Целью такой коррекции языка является исключение возможности дискриминации по половому признаку при использовании определенной лексики как в случае личного обращения к лицам женского пола, так и в случаях обращения к группе людей. Это выражается в табуировании слов или словосочетаний, воспринимаемых определенной группой людей как оскорбительных, и в установлении других, политически корректных – тактичных, общественно приемлемых в отношении к различным общественным и политическим группам, исключаям любого рода дискриминацию. Цель данной статьи – рассмотреть процессы изменения языковых норм посредством анализа современных тенденций, направленных на устранение гендерной асимметрии в немецких лексике и словообразовании. Предметом исследования в статье являются популярные примеры нейтрализации и феминизации лексики, употребляемые как в официальных выступлениях и документах, так и в устной речи. Данная тема является актуальной в связи с важностью использования в современном европейском обществе политически корректных по отношению ко всем лицам формулировок и изменениями в языковой политике.

Ключевые слова: гендерная асимметрия, политкорректность, языковая политика, андроцентризм в языке, феминизация лексики, феминизм, немецкий язык, лексика, неологизм.

О.В. Miftakhova, А.С. Khromova

GENDER SYMMETRICAL LEXIS IN MODERN GERMAN LANGUAGE

This article discusses the process of feminization in modern German vocabulary as a reflection of social changes regarding the androcentricity of the German language. The gender symmetrical language conception involves the elimination of the reduction of universal opinion to a single male norm, positioned as cross-functional, as well as overcoming the derogatory image of women by changing existing language norms. The purpose of this language correction is to

exclude the possibility of discrimination on the basis of gender when using certain vocabulary both in the case of personal reference to female persons, and in cases of reference to a group of people. This is expressed in the taboo of words or phrases that are perceived by a certain group of people as offensive, and in the establishment of other, politically correct ones, which are supposed to be tactful, socially acceptable in relation to various social and political groups that exclude any kind of discrimination. The purpose of this article is to distinguish the processes of changing linguistic norms by analyzing current trends aimed at eliminating gender asymmetries in German vocabulary and lexical morphology.

Key words: gender asymmetry, political correctness, language policy, androcentrism in the language, feminization in language, feminism, German, vocabulary, neologism.

Современность уже успела ознаменоваться закреплением в общественности предыдущего опыта угнетаемых групп, и это, несомненно, ведет к определенным изменениям во всех сферах, также затрагивая язык. Безусловно, развитие языка и социума происходит синхронно, ведь то, каким образом общество изменяется, мгновенно фиксируется языком. Мы придерживаемся точки зрения о несомненной продуктивности использования лингвокультурологического подхода в изучении иностранных языков, поскольку это позволяет сосредоточить внимание на изменениях, происходящих в языке, через призму преобразований в социуме, и наоборот.

Таким образом, говоря о важности и актуальности темы гендерной симметричности языка, можно отметить, что развитие языковой политики не стоит на месте, с каждым годом включая в себя все больше и больше корректировок, основанных на исследованиях их влияния на восприятие. В перспективе предоставляется возможность изучить данную тему с применением сравнительного анализа изменений в немецком и русском языках, связанных с гендерной асимметрией андроцентричных языков. Анализ данных изменений и их исследований находит практическое применение изучающими немецкий язык при осуществлении международных контактов, при активном использовании интернет-коммуникаций, при изучении правил корректного заполнения различных документов на немецком языке.

Понятие «политкорректность» стало распространяться во второй половине прошлого столетия. В политологическом словаре-справочнике даётся следующая трактовка термина: «Политкорректность – тактичное, общественно приемлемое отношение к различным политическим и общественным группам, исключающее всякую возможность дискриминации, оскорбления национальных чувств, ущемления достоинства, прав и свобод отдельных лиц или социальных групп по политическим, расовым, религиозным и пр. признакам». Автором этого термина считается К. Декроу, которая в 1975 году выступила с заявлением о том, что Национальная организация женщин США придерживается «интеллектуально и политически корректного курса». Во всеобщее употребление в политических кругах термин вошел в 90-х годах [1; с. 184].

Влияние политкорректности на языки связано с тем, что многие языки являются андроцентричными. Р. Лакофф, представительница феминистской лингвистики, в книге «Язык и место женщины» утверждает, что язык андроцентричен, так как отражает мужскую картину мира, навязывая ее женщине, неравномерно отражая представителей разных полов. Языковая картина мира отражает мужскую точку зрения, в которой женщина предстает как нечто другое, чужое, ненормальное: «Я считаю, что дискриминация женщин в лингвистике проявляется двумя способами: в том, как их учат языку, и в том, какую коннотацию несет в себе лексика, употребляемая по отношению к ним. В обоих случаях женщина часто низводится к функции прислуги, дополнения <...>, некоторые лексические единицы меняют свое значение в зависимости от того, применяются они в отношении женщины или мужчины, и это явление нельзя объяснить ничем иным, кроме как влиянием гендерных ролей, заложенных в обществе» [2; с. 48-49].

Значительное влияние на феминизацию и формирование гендерно-симметричной лексики оказала и продолжает оказывать критика языка феминистской лингвистикой, перед которой стоит ряд задач: достижение отдельного выражения в языке лиц женского пола, равноправия при обозначении титулов, профессий, преодоление языкового сексизма (предписывание негативных качеств женщинам, которое выражается в характеризующей лексике, несущей в себе патриархальные стереотипы), изучение влияния языковой политики и особенностей языкового выражения в женской литературе. С 1970-х годов наиболее влиятельными представительницами в немецкоязычном мире были Луиза Ф. Пуш и Сента Трёмель-Плётц, которые вместе с Марлис Хеллингер и Ингрид Гюнтеродт опубликовали «Директивы по предотвращению сексистского употребления языка» в начале 1980-х годов.

В феминистском анализе языка обычно выделяются два основных направления. Представительницы первого направления изучают такие специфические черты, которые показывают, какими путями в языке отражается образ женщины, зачастую имеющий отрицательные характеристики. Данное направление базируется на утверждении, что во всех существующих языках имеется так называемая гендерная асимметрия, чей негативный полюс направлен на женщин. Прежде всего, исследования касаются лексики языка, в котором наиболее четко отражается негативное восприятие женского образа (например, согласование происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по референту пола; уподобление понятий «человек» и «мужчина»; образование женских форм слова от мужских, а не наоборот) [3; с. 516].

Второе направление часто понимают как «дискурсивное», поскольку чаще всего в его рамках ведутся исследования особенностей дискурса как системы взаимосвязанности и взаимозависимости между текстом и обществом. Вместе с тем ученых интересуют такие вопросы, как формирование патриархальной идеологии, проблемы доступности инструментов власти и контроля, дискриминация женщин в дискурсе, речевые стратегии и тактики женщин [3; с. 519].

Усложняет задачу также наличие грамматического рода и тот факт, что в течение долгого периода в истории женщины могли занимать ограниченный список должностей, а позже – только социально-одобренных как «женские», «женственные». Примером андроцентричности служит так называемое «обобщение» мужского грамматического рода, когда обозначения для мужчин также служат для обозначения людей в целом, групп с участниками разного пола, и лиц, чей пол не был определен или не имеет значения в определенном контексте.

В немецком языке существительные и местоимения мужского рода используются при обозначении мужчин, однако также многие из них используются как обобщение. К примеру: *derWähler* (избиратель), *derMensch* (человек), *derBewerber* (заявитель, претендент), *der Leser* (читатель), *derPolitiker* (политик), *die Studenten* (Pl., студенты, *derStudent* – студент, *dieStudentin* – студентка.) В немецком языке есть слова женского (*Person, Waise, Geisel, Führungskraft, Range, Garde, Mannschaft, Burschenschaft*) и среднего (чаще всего уменьшительно-ласкательные) рода, использующиеся для обобщения, но их существенно меньше, чем слов мужского рода. Обобщение слов, обозначающих группу или множество людей, или лиц неустановленного пола словами мужского грамматического рода подвергается критике лингвистики феминизма.

Для устранения гендерной предвзятости в профессиональной номенклатуре появились две основные стратегии: гендерная нейтрализация, в основе которой лежит стремление свети значение к одному варианту, не акцентирующему внимание на гендерной принадлежности предмета высказывания, и гендерная спецификация, направленная на максимальную видимость представителей обоих полов посредством создания одинаково релевантных вариаций или их объединений.

Распространение той или иной стратегии частично связано с лингвистической типологией. Гендерная спецификация как основная стратегия чаще встречается в случае граммати-

ческих гендерных языков (например, немецкий, французский, итальянский, испанский), которые все еще имеют производительные суффиксы пола (например, немецкий). Нейтрализация по признаку пола с большей вероятностью будет применяться к языкам с естественной гендерной системой (например, английский) или к языкам, в которых гендерные суффиксы являются менее или более неэффективными (например, датский, шведский и голландский).

Если обращаться к семантике, то можно предположить, что между грамматическим родом и фактическим полом прослеживается определенная связь: феминистская критика языка несет в себе утверждение, что грамматический род находится в тесной связи с полом, по крайней мере, в контексте личностного восприятия, отражает и подтверждает отношения между полами.

В ходе экспериментов, направленных на определение влияния обобщений на восприятие предмета обсуждения, было установлено, что при употреблении обобщений мужского пола участники экспериментов реже упоминали женщин.

Трем разным группам предлагали ответить на вопросы, связанные с определенными профессиями, и при формулировке вопроса использовались различные стратегии: обобщения мужского грамматического рода (например, *die Geophysiker* – геофизики, *der Geophysiker* – геофизик, м.р.), гендерно-нейтральные обобщения (*die wissenschaftlich Tätigen* – участвующие в исследовании) и словосочетания, состоящие из существительных двух родов (*Geophysikerinnen und Geophysiker* – женщины и мужчины геофизики). В результате благодаря нейтрализации и феминизации опрошенные отдали предпочтение профессиям женского рода [4; с. 4].

Это же подтверждается эмпирическими исследованиями лингвистики Габриэле Дивальд в области когнитивной психологии, психолингвистики, педагогики, медиологии и текстологии, проведенными с задействованием различных методов исследования в течение 30 лет. Сама Габриэле в своей работе «К обсуждению: гендерно-корректный язык как вопрос немецкой лингвистики» на примере спора о так называемом «родовом маскулинуме» говорит: «При использовании родового маскулинума женщины либо не представлены для визуализации, либо представлены неподобающим образом. Мужчины при такой ментальной репрезентации выступают как прототип примерного содержания понятия «человек» [5; с. 294].

Язык не только влияет на наше восприятие и мышление, но и принимает активное участие в создании реальности. Понятия, прочно ассоциирующиеся с женщинами или с мужчинами (в виду их грамматического рода), могут влиять на выбор людей. Так, такие наименования профессий, в основе которых лежат гендерно-окрашенные элементы (*der Kapitän, die Krankenschwester*), могут предопределять статистически неравное количество работников разного пола: при отсутствии двойных форм меньше людей изначально рассматривают профессию, грамматический род которой противоположен [6; с. 4].

Стремление к гендерной симметрии в лексике немецкого языка достигается путём разработанных немецкими феминистскими лингвистами рекомендаций, направленных на реализацию употребления политически и гендерно-корректных форм, многие из которых были признаны правомерными, а в дальнейшем были введены в употребление [7; с. 52].

Слегка видоизмененные со временем и адаптированные для удобного и корректного чтения, многие из представленных ниже рекомендаций встречаются в памятках и брошюрах немецких и австрийских университетов под заголовком «Geschlechtergerechte Sprache», содержащих в себе, как правило, свод корректных для употребления, нейтральных вариантов обращений.

1. Употребление обращений, несущих в себе информацию о поле и роде деятельности исполняющих лиц, то есть последовательное наименование полов, проясняющее, что имеются в виду и мужчины и женщины: *Schüler und Schülerinnen, Mitarbeiter und Mitarbeiterinnen, Professoren und Professorinnen, liebe Kollegen und Kolleginnen*.

2. Использование наименований профессий, образованных от мужских путём использования суффикса *-in*, отражающего женский грамматический род: *der Assistent – Assistentin, der Polizist – die Polizistin, der Kaufmann – die Kauffrau, der Wirtschaftsmann – die Wirtschaftsfrau*.

Употребление женских наименований профессий направлено на устранение стереотипов, связанных с родом деятельности женщин, и формирование корректного и равноправного общественного мнения о профессиональной деятельности обоих полов. Изначально женщины разных профессий именовались существительным мужского рода, со временем и распространением профессий среди женщин как результата эмансипации стало добавляться слово «*weiblich*» (рус. женского рода), например – *weiblicher Mechaniker* (рус. механик-женщина), и уже конечным этапом было введение в употребление (на уровне Классификатора профессий 2010 года) наименований с суффиксом *-in*.

В немецком языке также существует одно наименование лица мужского пола – *Herr*, и разные наименования для замужней и незамужней женщины (*Fraulein – Frau*). Наименования, содержащие *-mädchen, -jungfer, -mamsell, -fräulein, -tochter* не рекомендуются к употреблению, так как они несут в себе информацию о статусе, семейном положении, возрасте, что на сегодняшний день признается некорректным.

3. Симметричное сокращенное написание мужских и женских наименований, используемое в текстах документов, перечнях, формах для заполнения, объявлениях о найме на работу, при которых наименование пишется через слэш «/», через скобки либо через нижнее тире «_». Пример: *ein/e Beamter/in, die/der Zeugin/e, die Richter/innen, ein(e) Beamter oder Beamtin, die Richter(innen), Schüler_innen*.

Подобные наименования невозможно употреблять во время живой коммуникации, однако и в письменной речи они имеют ограниченное применение. В длинных текстах следует писать только полноценные парные наименования (*Dozentinnen und Dozenten*). Более корректным является написание через слэш «/» (*Wissenschaftler/innen*). Использование таких сокращений невозможно для наименований, которые при смене грамматического рода приобретают умлаут, к примеру, *der Arzt – die Ärztin*. При использовании аббревиатур также необходимо следить за равноправной репрезентацией людей разного пола, например, *Mag.a, Dr.in, Doz.in, Univ.-Prof.in*.

4. В письменной речи также популярно *das Binnen-I* – заглавная буква *I* в суффиксе *-in*, которое несет в себе обобщающее значение: *LehrerInnen* вместо *Lehrerinnen und Lehrer*. В устной речи это передается небольшой паузой перед произнесением заглавной *I*.

Несмотря на то, что *das BinnenI* не является элементом официального немецкого правописания, такую вариацию написания одинаково часто используют как обобщение: ее можно встретить в некоторых рекомендациях немецких ВУЗов по гендерно-корректным обращениям.

Таким образом, можно сделать вывод, что заглавная *I* на сегодняшний день – приемлемая замена громоздким последовательным наименованиям полов. Принцип заглавной буквы может таким же образом быть применим к артиклям, местоимениям и числительным. Например, *einE StudentIn, jedeR Fünfte* [8; с. 8].

5. Обращение к людям, чей пол не определен или не значителен в контексте, при помощи гендерно-нейтральных оборотов:

– *derGast, diePerson, dasMitglied, derMensch, dieBürokräft, dieLeute*, обозначающие нейтральное понятие, или подразумевающие незначительность фактического пола объекта обращения;

– слова, оканчивающиеся такими компонентами, как *-mitglied, -person, -kräft, -schaft* в единственном числе и *-leute, -personen, -kräfte, -personal, -hilfe* во множественном числе. Например, *das Ratsmitglied, die Versuchsperson, die Lehrkräft, die Lehrerschaft, die Staatsleute, die Lehrpersonen, die Putzhilfe (или Reinigungskräft)*;

– перенос значения от конкретных лиц до их принадлежности к группе: *das Pflegepersonal* (от конкретного медицинского работника до абстрактного «медперсонал»), *die Direktion* (от конкретного члена управления до абстрактного «дирекция»);

– пассивный залог как способ избежать конкретизации предмета высказывания: вместо «*Die Teilnehmer der Konferenz diskutierten dieses Thema intensiv*», к примеру, следует сказать «*Während der Konferenz wurde dieses Thema intensiv diskutiert*». Важно, однако, помнить, что пассивный залог не стоит употреблять слишком часто во избежание излишней деперсонализации.

6. Употребление субстантивированных прилагательных (например, *die Angestellte, die Studierende, die Angehörigen*), субстантивированных глаголов и причастий (*die Studierenden, die Anwesenden, die Teilnehmenden*) и отглагольных существительных, оканчивающихся на *-ung* (*die Geschäftsleitung, die Vertretung, die Bedienung*) вместо прямых обозначений лиц неопределенного пола или принадлежащих к определенной группе.

7. При использовании наименований, обозначающих юридические лица, рекомендуется согласовывать грамматический род. Пример не правильного употребления: «*Die Deutsche Nationalbibliothek tritt als Veranstalter auf*». Пример правильного употребления: «*Die Deutsche Nationalbibliothek tritt als Veranstalterin auf*».

8. Для замены гендерно-окрашенных существительных следует также употреблять такие местоимения как *jemand, niemand, alle*, но избегать *man* и *jedermann*, прочно ассоциирующиеся с лицами мужского пола. Например, «*Jeder, der studiert....*» следует заменить на «*Alle, die studieren....*»

Перечисленные примеры корректного использования обращений в современном немецком языке указывают на существование характерной гендерной симметрии. Социальный, общеэкономический, а также политический курс определяют гендерную стратегию. Подробное исследование языковой системы обращений указывает на существование большого числа вариантов совершенствования гендерной нейтральности как в письменной, так и в устной речи в немецком языке.

Данные выше рекомендации в первую очередь направлены на то, чтобы оба пола были равноправно обособленными – по отношению к женщинам должны использоваться отдельные формы слов, а не обобщающие слова мужского рода. Как уже было установлено, использование слов мужского рода при обобщении уменьшает шанс женщин быть упомянутыми или подразумеваемыми в разговоре, тем самым гарантируя только ограниченное понимание текста. Таким образом, мужской род постепенно перестает являться для всех обобщающим, появились и активно используются нейтральные формы.

Будь то отчет, закон или объявление – при написании текста должны соблюдаться соответствующие правила написания, гарантирующие оказание должного эффекта на получателя. Всем известно, что роль феминизма в европейском обществе существенна, независимо от того, положительно относятся к нему или критично, и что это движение определенным образом оказывает влияние на языковые нормы. Чувствительность языка к изменениям общественных норм является основной предпосылкой для возникновения текущих и последующих изменений в немецком языке, что, конечно же, является одним из важных аспектов при изучении.

Проанализированные языковые средства предоставляют возможность построения гендерно-корректных и гендерно-нейтральных выражений. Это обязательная информация, необходимая овладевающим немецким языком на любых уровнях: школьном, вузовском, а также при межкультурных контактах. Указанные рекомендации могут существенно облегчить коммуникацию иностранных граждан на территориях немецкоязычных стран.

Библиографический список

1. Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. Политологический словарь-справочник. Ростов-на-Дону: Наука-Спектр, 2008. 320 с.
2. Lakoff, R. Language and Women's Place // *Language in Society*. 1973. № 2. P. 45–79.
3. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании / Е. И. Горошко // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1. С. 508-542.
4. Pauwels, A. Feminist Language Planning: Has it been worthwhile? URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/1043/1707> (дата обращения – 02.11.2019).
5. Diewald, G.: Zur Diskussion: Geschlechtergerechte Sprache als Thema der germanistischen Linguistik – exemplarisch exerziert am Streit um das sogenannte generische Maskulinum. In: *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 46 (2018). S. 283-299. URL: <https://doi.org/10.1515/zgl-2018-0016> (дата обращения – 02.11.2019).
6. Hochschule Emden/Leer. Ansprache. Leitfaden für geschlechtergerechte Sprache. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: https://www.hs-emden-leer.de/fileadmin/user_upload/gs/Dokument/Leitfaden_geschlechtergerechte_Sprache.pdf (дата обращения – 09.11.2019).
7. Антропова Н.А. К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-genderno-korrektного-upotrebleniya-nemetskogo-yazyka> (дата обращения - 07.11.2019).
8. Universität Düsseldorf: Geschlechtergerechte Sprache. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: https://www.diversity.hhu.de/fileadmin/redaktion/Diversity_Portal/Dateien/Geschlechtergerechte-Sprache.pdf (дата обращения – 02.11.2019).

References

1. Pogorely D.E., Fesenko V.Y., Filippov K.V. Political science dictionary. Rostov-on-Don, 2008. 320 p.
2. Lakoff, R. Language and Women's Place // *Language in Society*. 1973. № 2. P. 45–79
3. Goroshko E.I. Gender in Linguistics // *Introduction to Gender Studies*. St.-Petersburg, 2001. Part 1. P. 508–542.
4. Pauwels, A. Feminist Language Planning: Has it been worthwhile? URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/1043/1707> (date of application - 02.11.2019).
5. Diewald, G.: Zur Diskussion: Geschlechtergerechte Sprache als Thema der germanistischen Linguistik – exemplarisch exerziert am Streit um das sogenannte generische Maskulinum. In: *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 46 (2018), S. 283-299. URL: <https://doi.org/10.1515/zgl-2018-0016> (date of application - 02.11.2019).
6. Hochschule Emden/Leer. Ansprache. Leitfaden für geschlechtergerechte Sprache. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: https://www.hs-emden-leer.de/fileadmin/user_upload/gs/Dokument/Leitfaden_geschlechtergerechte_Sprache.pdf (date of application - 09.11.2019).
7. Antropova N. A. On gender correct use of the German language // *Humanitarian Vector*. Series: Philology, Oriental studies. 2016. Vol. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-genderno-korrektного-upotrebleniya-nemetskogo-yazyka> (date of application - 07.11.2019).
8. Universität Düsseldorf: Geschlechtergerechte Sprache. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: https://www.diversity.hhu.de/fileadmin/redaktion/Diversity_Portal/Dateien/Geschlechtergerechte-Sprache.pdf (date of application - 07.11.2019).

УДК 82

*Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 80
учитель русского языка и литературы
Василевская А.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7 960-108-77-08
e-mail: solnybcko@mail.ru*

*Municipal budgetary general education
institution
secondary school № 80
Russian language and literature teacher
Vasilevskaya A.S.
Russia, Voronezh, tel. +7 960-108-77-08
e-mail: solnybcko@mail.ru*

А.С. Василевская

ТРЕХЦВЕТНАЯ МОДЕЛЬ КАРТИНЫ МИРА В ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ С. ЕСЕНИНА «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»

Изучение картины мира, воплощенной в лирических произведениях, может идти несколькими путями. Один из них – анализ сенсорного пространства, которое включает цветовую характеристику. Цвет – это способ продемонстрировать символическое наполнение текста. В цикле стихотворений С. Есенина были выделены основные предметные образы желтого, красного и синего цветов. Они объединяются в следующие семантические группы: космогонические, земные и связанные с человеком. В результате исследования выявлено, что желтый цвет понимается автором как символ счастья. Кроме того, обнаружена архетипичность желтого цвета. В его основе находится первообразное переживание создания мира как акта сотворения света. Синий цвет символизирует в первую очередь безграничную даль и бесконечную глубину. В цикле «Персидские мотивы» встречаем классические образы-носители синего цвета: цветы, море, край, воздух, лазурь, страна, родина. Все указанные образы традиционно связаны с темой России. У С. Есенина в цикле можно наблюдать наиболее распространенные и практически классические образы-носители красного цвета: вино, розы, кровь, гвоздики. Каждый из цветов отражает не только восприятие мира Сергеем Есениным и его интерпретацию в «Персидских мотивах», но и мироощущение поэта на момент написания цикла.

Ключевые слова: сенсорное пространство, картина мира, С. Есенин, семантические группы, символика цвета.

A.S. Vasilevskaya

THREE-COLORED PICTURE OF THE WORLD IN THE CYCLE OF VERSES BY S. ESENIN “PERSIAN MOTIVES”

The study of the picture of the world embodied in lyric works can go in several ways. One of them is the analysis of sensory space which includes a colour characteristic. The colour is a way to demonstrate the symbolic content of a text. In the cycle of poems by S.A. Esenin yellow, red and blue colours are highlighted as the main subject images. They are united in the following semantic groups: cosmogonic, earthly, and related to man. The study reveals that the yellow color is understood by the author as a symbol of happiness. In addition, the archetype of the yellow colour was discovered. It is based on the primitive experience of the world creating as an act of creation of light. The blue colour symbolizes, first of all, the unlimited distance and the infinite depth. In the series “Persian Motives” we find classic images of the blue: flowers, sea, land, air, sky, country, homeland. All these images are traditionally associated with the theme of Russia. In S. Yesenin’s cycle we can observe the most common and almost classical images of the red colour: wine, roses, blood, cloves. Each of these colors reflects not only the perception of the world by Sergey Yesenin and its interpretation in "Persian Motives", but also the poet's worldview at the time of creating the cycle.

Key words: sensory space, picture of the world, S.A. Yesenin, semantic groups, colour symbolism.

Изучение символического компонента хроматического пространства художественного произведения представляется исследователям одним из наиболее продуктивных направлений, поскольку позволяет декодировать идею автора, проникнуть в суть самого замысла. Многозначность цветового символа способствует смысловому насыщению текста, делает возможным создание нескольких семантических пластов внутри одного произведения.

Обращаясь к изучению цвета в цикле «Персидские мотивы», прежде необходимо пояснить, что понимается под цветом в существующей терминологии. Так, научно-технический энциклопедический словарь дает следующее определение: «цвет – ощущение, воспринимаемое мозгом, когда свет определенной яркости и конкретной длины волны попадает на сетчатку глаза» [1]. В толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова под цветом понимается «один из видов красочного радужного свечения от красного до фиолетового, а также их сочетаний или оттенков» [2; с. 792].

Философы не оставляли попыток дать свое определение цвета. По Платону, цвет — это «пламя, струящееся от каждого отдельного тела и состоящее из частиц, соразмерных способности нашего зрения ощущать» [3; с. 35]. У Шеллинга отмечается двойственная природа цвета: «Свет в соединении с не — светом (т.е. телом) есть замутненный свет, то есть цвет» [4; с. 41]. В большинстве случаев философы и исследователи склоняются к тому, что цвет наиболее тесно связан с областью человеческих ощущений, что объясняется его двойственной природой, где объективная часть — это свет, действующий на орган зрения, а субъективная — зрительное ощущение.

Существует несколько концепций, описывающих цветовую картину мира в разных культурах, однако нас интересует трехцветная модель. Это обусловлено тем, что все хроматические цвета, в том числе и черный, можно получить через смешение трех красок: синей, красной, желтой. Эти краски и называются основными. Именно поэтому в данном трехцветии уже заключается своего рода космический охват видимого человеческому глазу мира. Классическое трехцветие мы можем наблюдать в картинах Рафаэля, Тициана, Леонардо да Винчи, Ван Дейка, а также у художников-модернистов.

Мы исследовали цветовой компонент сенсорного пространства в цикле «Персидские мотивы» С.Есенина на предмет выявления преобладающей цветовой гаммы. Ниже в таблице представлен результат этого исследования, где отражены цвета, их предметное выражение, частотность употребления образа.

Рассмотрим каждую группу образов. Базовым цветом в цикле выступает желтая краска. Об этом свидетельствует как частотность употребления предметов-носителей этого цвета, так и их разнообразие. Тематически мы объединяем образы в следующие группы:

1. Космогонические: заря, луна, месяц, звезды, свет;
2. «Земного» происхождения: рожь, край, медь, золото, глыба;
3. Образы, связанные с человеком: волосы, чары.

Рис. 1. Леонардо да Винчи: Мадонна с Младенцем и святой Анной

Результат исследования

Цвет	Предметное выражение	Наиболее частотный образ
Красный	Чай, розы, гвоздики, кровь, вино, яхонты.	Роза
Синий	Цветы, море, огонь, край, воздух, лазурь, страна, родина.	Море, страна
Желтый	Заря, луна, рожь, край, свет, звезды, медь, месяц, золото, волосы, глыба, чары.	Золото, луна, медь.
Черный	Чадра	Единожды употреблен
Сиреневый	Ночи	Единожды употреблен

Данная иерархия позволяет проследить структурообразующую роль желтого цвета в стихотворениях «Персидских мотивов». Так, космогонические образы отражают низкую интенсивность желтого цвета. В первом стихотворении цикла «Улеглась былая рана» мы встречаем зарю в привычном для русской культуры употреблении: автор сравнивает лицо девушки с этим явлением:

*Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю*

В восточной культуре такого сравнения мы не находим в силу того, что ей присущ другой эпитет – луноликая. Климатические особенности жителей Востока сформировали стереотипное представление о ночи как о времени, наиболее благоприятном для человека. Луна, рассеивающая ночную тьму, дает человеку надежду.

В цикле отчетливо прослеживается двойственность образа луны. Существует «своя», русская луна, которая «там огромней в сто раз» («Шаганэ ты моя, Шаганэ!»). Она ласкова к лирическому герою, выступает его спутницей, вдохновительницей, поэтому, оказавшись в чужой стране – такой удивительной и заманчивой – герой сначала пытается отыскать в местной луне черты своей, северной:

*У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай*

Звуки родины еще слышны в душе поэта, однако со временем он убеждается в том, что здесь луна ему не союзник. Лирический герой не соглашается с местными устоями, которые ограничивают волю. Лунный свет наделяется холодным сиянием в стихотворении «Свет вечерний шафранного края...»:

*Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.*

Луна, несмотря на свою тесную сопряженность с образами света и золота, представляется холодным, отстраненным «светилом». Это отражено в названии стихотворения «Золото холодное луны» и зафиксировано далее:

*Жить – так жить, любить – так уж и влюбляться
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй*

Употребление луны в контексте кладбищенского пейзажа создает образ человека, уставшего от дня – суеты жизни, ищущего покоя в лунном свете. Однако такой покой обманчив, поскольку отражает внутреннюю опустошенность героя. Это подтверждается последними строками стихотворения:

*Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.*

Однако по мере роста тоски лирического героя по родине персидская луна словно невольно сочувствует ему. В стихотворении «Отчего луна так светит тускло...» именно она становится первым признаком того, что героя ожидает печаль. Грустный свет луны отражает смутное предчувствие поэта, так тонко ощущающего нарушение гармонии в окружающем мире. Предательство Шаганэ, в которой лирический герой пытался найти родственную северную душу, заставляет даже холодную луну сопереживать:

*Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.*

В этом фрагменте прослеживается символичность образа луны. Луна соотносится с женским началом, что, например, отражено в греческой мифологии, где произошла персонификация образа в божество – богиню охоты Артемиду. У С.Есенина же луна испытывает жалость к герою, что подчеркивает ее женскую суть.

Месяц как одна из фаз луны наделен характеристиками, свойственными этому образу в восточной культуре. Он является своеобразным вестником, добрым знаком для путника, а сравнение некоторых особенностей лица девушки с месяцем относят к традиционным фольклорным приметам. Так, у С.Есенина встречаем:

*Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть.*

Особый интерес представляет употребление образа золота для передачи желтого цвета. У Есенина встречаем следующие строки:

*Руки милой – пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
/ «Руки милой – пара лебедей...»/*

И в стихотворении «В Хороссане есть такие двери...»:

*У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.*

В данном случае поэтом демонстрируется понимание желтого цвета как символа счастья. Подтверждение тому встречаем в народных обычаях, где девушки обращались друг к другу с пожеланием «золотокудрого жениха». Во многих фольклорных произведениях герой с золотыми волосами – непременно счастливчик с обязательным везением и удачей. Он также счастлив в любви. Поэтому лирический герой С.Есенина обладает волосами нескольких оттенков желтого цвета – от меди до золота, тем самым демонстрируя окружающему миру: этот человек – баловень судьбы, а счастье его кроется именно в любви, в возможности ощущать себя значимым.

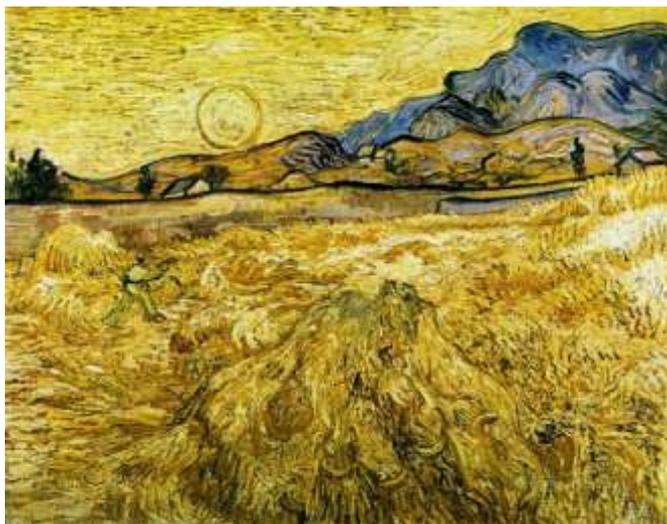

Рис. 2. Желтый цвет в картине Винсент Ван Гога «Пшеничное поле со жнецом и солнцем»

Подводя итог рассмотрению образов, стоит обратиться к архетипичности желтого цвета. В его основе находится первообразное переживание создания мира как акта сотворения света. Это отсылает нас, к примеру, к «Бытию» (Бытие, 1, 3-5), открывающему Библию:

«И сказал Бог: да будет свет.

И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет днем и тьму ночью.

И был вечер, и было утро: день один».

В связи с этим мы можем предположить главенствующую роль желтого цвета в картине мира «Персидских мотивов». Желтый является своеобразной тканью, полотном, на котором Есенин рисует собственный мир, наполненный образами других цветов. Космогоничность желтого цвета заключается в энергии света как животворящей силы, что для художников равнозначно творческой энергии. Стоит также отметить и психологический аспект преобладания желтого цвета в цикле. По мнению М. Люшера, желтый цвет «стремится вперед к новому, современному, к будущему, вплоть до надежды на «золотой век». Такие же черты свойственны тем, кто предпочитает желтый цвет в тесте М. Люшера всем остальным на стадии выбора [5; с. 97]. Это соответствует общему настроению С. Есенина в период написания цикла.

Среди ассоциаций, возникающих у человека при упоминании синего цвета, самой распространенной является небо. Поэтому синий цвет символизирует в первую очередь безграничную даль и бесконечную глубину. Кроме того, синий цвет в христианстве традиционно связан с божественной мудростью, например, с Царицей Небесной - Девой Марией.

В цикле «Персидские мотивы» встречаем классические образы-носители синего цвета: цветы, море, край, воздух, лазурь, страна, родина. Все указанные образы традиционно связаны с темой России.

В живой природе синий цвет может ассоциироваться с цветами, что мы и наблюдаем у С. Есенина в стихотворении, открывающем цикл («Улеглась моя былая рана...»):

*Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.*

Нахождение в чужой стране само по себе не способно успокоить душевные раны лирического героя, поэтому он ищет даже здесь то, что напомнило бы ему родину. Поэтому неназванные синие цветы, так похожие на родные васильки, берут на себя функцию душевных врачей. Далее в цикле тоска лирического героя по родине усиливается, что видим в стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...»:

*У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?*

Семантика синего цвета усиливается употреблением дополнительных сенсорных образов – звуков, характерных для родины поэта. Душа продолжает хранить память о месте, где лирический герой был счастлив, но при этом пытается обрести покой («Я давно ищу в судьбе покоя...»). Это состояние внутренней борьбы, дисгармонии, которую С.Есенин пытается «уравновесить» синим цветом.

Лирический герой всячески пытается наделить Персию чертами России, поэтому и номинации сопровождаются синим цветом: «Голубая да веселая страна», «Голубая родина Фирдуси...», «Хорошо бродить среди покоя/Голубой и ласковой страны». В этом случае можно говорить о круговой системе организации объектов синего цвета: синее небо сверху и синяя вода на земле, в которой отражается это небо. Переживание лирическим героем прозрачности и глубины, исходящее из абсолютного значения синего цвета, указывает нас переживание сверхъестественного, божественного начала. Синий цвет позволяет обнаружить связь между небесным и земным. Это некая универсалия, которую поэт пытается понять и постичь. При этом универсалия соотносится с Россией, в цветовой символике которой находим синий цвет.

В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...» встречаем образ, созданный на основе оксюморона: *море, полыхающее огнем*. Огонь имеет голубой цвет – цвет воды, но вместе с тем обладает способностью указывать путь своим светом, о чем будет подробнее сказано позже.

По мнению В. Кандинского, «синий – цвет погружения. В своих физических стремлениях синий цвет уходит прочь от человека и устремляется к своему внутреннему центру» [6; с. 88]. Степень глубины и насыщенности оттенков синего отражает пробуждение тоски по чему-то чистому. Синий цвет становится символом покоя. Мы предполагаем, что именно к этому стремится лирический герой Есенина.

Красный цвет, по мнению И.В. Гете, относится к положительному полюсу и характеризуется как «жизненный, подвижный, стремящийся» [7; с. 65]. Современные психологи считают, что преобладание в образе или картине красного цвета свидетельствует о экстравертированности художника [8; с. 102]. Этот цвет обладает самым широким спектром символического значения: от разрушения до жертвенности, от ненависти до любви. Причем каждое значение является абсолютным и имеет свою полярную противоположность.

У С. Есенина в цикле встречаем наиболее распространенные и практически классические образы-носители красного цвета: вино, розы, кровь, гвоздики. Употребляется сравнение глаз с яхонтами, о чем будет сказано отдельно, а также в первом стихотворении цикла красный цвет характеризует чай.

Как показало статистическое изучение цикла, частотным образом является роза:

Таблица 2

Значение образа розы

Стихотворение	Цитата	Значение
«Улеглась моя былая рана»	«Угощай, хозяин, да не очень. Много роз цветет в твоём саду.»	Женская красота
«Я спросил сегодня у менялы...»	«Красной розой поцелуй веют, Лепестками тая на губах».	Любовь
«Ты сказала, что Саади...»	«Ты пропела: «За Евфратом Розы лучше смертных дев». «Я б порезал розы эти, Ведь одна отрада мне...»	Красота
«Свет вечерний шафранного края...»	«Тихо розы бегут по полям...»	Закатное солнце
«Золото холодное луны...»	«Оглянись, как хорошо другом: Губы к розам так и тянет, тянет».	Душевное спокойствие
«В Хороссане есть такие двери...»	«Где обсыпан розами порог»	Женская красота
«Голубая родина Фирдуси...»	«Хороша ты, Персия, я знаю, Розы, как светильники, горят...»	Свет красоты
««Отчего луна так светит тускло...»	«И цветы сказали: «Ты почувствуй По печали розы шелестящей».	Любовь
«Голубая да веселая страна»	«Слышишь, розу кличет соловей?» «Много роз бывает на пути, Много роз склоняется и гнется» «Обнимает розу соловей»	Любовь

Рис. 3. Богоматерь Неувядаемый Цвет

Обращение к образу розы в цикле мотивировано дважды. С одной стороны, С.Есенин использует принятое на Востоке восприятие этого цветка. Так, древнеперсидском языке слово «роза» буквально означает «дух», что показывает ее непосредственную связь с духовным миром человека, поэтому в стихотворении «Золото холодное луны...» мы видим употребление образа в значении душевного спокойствия. Лирический герой тянется к розе как к источнику силы духа, некоей космической силы, что согласуется с концепцией восточной философии: любовь притягивает к себе все живое, причем «направленность» любви не имеет значения. Возникает еще одна аллюзия, связанная уже с христианским пониманием розы: ее красный цвет появился от удовольствия, когда ее поцеловала гулявшая в Эдемском саду Ева. Роза – цветок, наиболее чтимый христианством, что отражено в изображении художниками Богородицы с тремя венками из роз. Герой С. Есенина так же тянется к лепесткам розы, чтобы поцеловать их, как когда-то сделала праматерь. Многочисленное употребление розы в цикле наводит на мысль о поиске поэтом земли обетованной, похожей на райский сад.

Любовь, воплощенная в образе розы, у С. Есенина многогранна: от плотского влечения до одухотворенного чувства, способного превозмочь любые преграды. Именно это чувство наполняет смыслом жизнь лирического героя. Красота выступает как одна из сторон любви, поскольку является ее составным компонентом: любовь прекрасна сама по себе. Показательно в этом отношении последнее стихотворение цикла «Голубая да веселая страна», где представлена интерпретация легенда о розе и соловье. Согласно ей, соловей увидел белую розу и был пленен ее красотой, что в восторге прижал ее к своей груди. Острый шип, словно кинжал, вонзился ему в сердце, и алая кровь окрасила лепестки цветка.

У С. Есенина мы видим несколько детализированное понимание легенды: соловей *сам* искал свою розу среди множества («Много роз бывает на пути...»). Это поиск любви, а не только красоты. Соловей сродни поэту: без любви и песни жизнь у обоих лишена смысла. У С. Есенина появляется новое восприятие красного цвета – разрушительно-созидательное. Принося в жертву себя, соловей дает розе красный цвет.

В стихотворении «Я спросил сегодня у менялы...» читаем следующее:

*И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.*

Яхонт – драгоценный минерал, обладающий насыщенным цветом. Окраска яхонта напоминала кровь, поэтому в народе он ассоциировался с энергетикой человека. Яхонт символизирует ментальное и материальное благополучие. Однако у С.Есенина глаза горят, как яхонты, выдавая именно любовный пламень. Любопытно, что далее в цикле будет упоминание таких же «горящих» роз – «розы, как светильники, горят». Объединение образов розы и яхонтов происходит через семантическое поле огня, дарующего свет. Поэтому можно говорить о перенесении функций огня на любовь: теперь это чувство несет в мир свет.

Обращаясь к учению Люшера о цвете, отметим его замечание о красном цвете: «этот цвет выражает витальную силу и энергию вегетативного возбуждения, импульс к моторному действию, к борьбе». Ученый называет красный цвет цветом «ударной силы воли» [1; с. 151]. В цветовой картине мира «Персидских мотивов» красный цвет олицетворяет собой жизненную энергию созидательно-разрушительного характера.

Принимая во внимание преобладающее количество предметных образов, передающих краски желтого, синего и красного цвета, цветовая модель картины мира у Есенина будет выглядеть следующим образом:

Каждый из цветов отражает не только восприятие мира Сергеем Есениным и его интерпретацию в «Персидских мотивах», но и мироощущения поэта на момент написания цикла. Поиск покоя, истинного счастья, желание перемен, надежда на счастливое будущее для своей родины соседствуют с тяжелым интуитивным предчувствием невозможности обретения этого, что, в конечном итоге, и подведет поэта к окончательному решению внутреннего конфликта.

Библиографический список

1. Научно-технический энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic> (дата обращения – 30.09.2019)
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
3. Миронова Л.Н. Учение о цвете. Минск, 1993. 258 с.
4. Иттен И. Искусство цвета. М.: Д. Аронов, 2001. 311 с.
5. Люшер М. Цветовой тест Люшера. М.: АСТ, 2005. 329 с.
6. Кандинский В. О духовном в искусстве. Л., 1990. 410 с.
7. Гете И.-В. К учению о цвете. // Избранные сочинения по естествознанию. М.: АН СССР, 1957. С. 122-137.
8. Драгунский В.В. Цветовой личностный тест. Практическое пособие. М., 2001. 281 с.

References

1. Scientific and technical encyclopedic dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic> (date of application - 30.09.2019).
2. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed. Moscow, 2000. 940 p.
3. Mironova L.N. The doctrine of colour. Minsk, 1993. 258 p.
4. Itten I. The art of color. Moscow, 2001. 311 p.
5. Lusher M. Luscher's color test. Moscow, 2005. 332 p.
6. Kandinsky V. On the spiritual in art. Leningrad, 1990. 410 p.
7. Goethe I.-V. To the doctrine of color. // Selected works on natural sciences. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. P. 122-137.
8. Dragunsky V.V. Colour personality test. Practical Guide. Moscow, 2001. 281 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.112.2:81.371

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкого языка
Гудкова О.А.
Россия, г. Тула, тел. +7(4872)354215
e-mail: olga-gudkovva@yandex.ru

Tula State Pedagogical University
named after L.N. Tolstoy
The chair of German language
PhD, associate professor
Gudkova O.A.
Russia, Tula, tel. +7(4872)354215
e-mail: olga-gudkovva@yandex.ru

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкого языка
Никитина О.А.
Россия, г. Тула, тел. +7(4872)318475
e-mail: kortschigo@mail.ru

Tula State Pedagogical University
named after L.N. Tolstoy
The chair of German language
PhD, associate professor
Nikitina O.A.
Russia, Tula, tel. +7(4872)318475
e-mail: kortschigo@mail.ru

О.А. Гудкова, О.А. Никитина

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЗНАЧЕНИЯ НОВОЙ НЕМЕЦКОЙ ИДИОМЫ *ETWAS IST FÜR JMDN. EIN INNERES BLUMENPFLÜCKEN*

В статье описывается эмотивный компонент значения новой идиомы немецкого языка *etwas ist für jmdn. ein inneres Blumenpflücken* с позиции лингвокультурологического подхода; подтверждается, что вербализация эмоций в конкретной лингвокультуре подчиняется национальным и культурным нормам и правилам, а культурная коннотация формируется как результат интерпретации образного основания фразеологизма в пространстве установок и идеалов культуры. Эмоционально-оценочная семантика, заложенная в образной составляющей внутренней формы фразеологической единицы и отвечающая за экспрессивный эффект, играет ключевую роль для эмотивного значения фразеологизма. Основной компонент описываемого фразеологизма – *Blumenpflücken* – интерпретируется как позитивно окрашенный, со значением радости, восторга как проявление эмотивности. Новая идиома содержит в себе национальный компонент. Фразеологическое значение описываемой идиомы построено на замене устаревшего базового образа, являющегося частью исторической памяти немецкой нации, новым, нейтральным, понятным всем вариантом, выражающим эмоциональное состояние через признаки внешнего мира. Также в статье приводятся примеры употребления рассматриваемого эмотивного фразеологизма в современной немецкой художественной литературе и варианты эквивалентов (русскоязычных соответствий) данной единицы с учетом своеобразия метафорического переосмысления и специфического характера образного представления новой идиомы.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивный макрокомпонент семантики фразеологизмов, репрезентация эмоций, культурная коннотация.

О.А. Gudkova, O.A. Nikitina

**TO THE QUESTION ABOUT THE EMOTIVE COMPONENT
OF THE MEANING OF NEW GERMAN IDIOM *ETWAS IST FÜR JMDN.
EIN INNERES BLUMENPFLÜCKEN***

The article describes the emotive component of the meaning of a new idiom in the German language *etwas ist für jmdn. ein inneres Blumenpflücken* from the perspective of a linguistic and cultural approach. It is confirmed that the verbalization of emotions in a particular linguistic culture is carried out in accordance with specific national and cultural norms and rules, and the cultural connotation is formed as a result of interpreting the figurative basis of a phraseological unit in the sphere of attitudes and ideals of culture. The imagery of the internal form of the idiom is obligatory for the emotive meaning of the idiom, to be exact the emotional-evaluative semantics, producing an expressive effect. The main component of the described idiom - *Blumenpflücken* - is interpreted as positively colored and with the meaning of joy, delight as the manifestation of emotiveness. This new idiom contains a national component. The phraseological meaning of the described idiom is built on the replacement of the outdated basic image, which is part of the historical memory of the German nation, with a new, neutral, understandable for everyone variant, and expressing the emotional state through the signs of the external world. The article also contains some examples concerning the use of the considered phraseologism in modern German fiction, then it provides variations of equivalents (Russian-language semantic matches) of this German phraseologism, taking into account the peculiarity of metaphorical rethinking and the specific nature of the imaginative representation of this new idiom.

Key words: emotiveness, emotive macrocomponent semantics of phraseological units, representation of emotions, cultural connotation.

В последнее время фразеологические единицы все чаще изучаются с позиции лингвистики эмоций, предметом которой является эмоциональная компетенция *homo sentiens*, эмоциональные коммуникативные локусы, игра эмоциональных смыслов, лексических и фразеологических средств языка как во внутрикультурном, так и в межкультурном общении, а также семантико-когнитивный аспект эмотивности. Особенно актуальной в этом контексте представляется проблема вербализации эмоций средствами разных языков, которая связана с изучением национально-культурной специфики выражения эмоций.

Основные положения теории эмотивности (лингвистической теории эмоций) были разработаны В.И. Шаховским, который трактует эмотивность как «имманентно присущее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики; отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [1; с. 24]. С.В. Кабакова понимает под эмотивностью «содержание субъективной модальности, выражающей чувство-отношение говорящего к обозначаемому, стимулированное образной гештальт-структурой» [2; с. 7]. Е.М. Вольф считает, что эмотивность – «это языковая категория, подразумевающая лишь те эмоциональные явления, которые связаны с выражением эмоционально-оценочного отношения, направленного на создание у слушателя эмоционального резонанса» [3; с. 114]. Лингвистического подхода к изучению эмоций придерживается и В.А. Маслова, которая определяет эмотивность как «совокупность языковых средств, способных произвести эмоциональный эффект, т.е. вызвать у реципиента соответствующие эмоции» [4; с. 185].

Однако спорным все еще остается вопрос о том, какие лексические средства языка следует относить к эмотивной лексике. Слова, называющие или передающие человеческие эмоции и эмоциональные проявления, принято определять либо как единицы, выражающие эмоции, и слова, сообщающие о них (например, В.Г. Гак), либо как эмотивную лексику и лексику эмоций (например, В.И. Шаховский). Определяющим критерием в данной классификации является то, содержится ли эмотивный элемент в их смысловом значении.

Вслед за В.И. Шаховским мы будем понимать под фондом эмотивных лексических средств языка «языковые единицы, в семантической структуре которых имеется эмоциональная доля в виде семы, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального состояния» [1; с. 24].

Среди всех лексических средств наиболее эмотивными считаются фразеологические единицы, что объясняется их семантической гибкостью: фразеологизмы могут обозначать как общие понятия, характерные для данного класса объектов, так и напрямую соотносимые с ними единичные понятия [5; с. 160]. По мнению Т.З. Черданцевой, для косвенного выражения реакции, своего отношения к происходящему существуют не только идиомы, но именно идиомы являются квинтэссенцией выражения эмоционального отношения говорящего к тому, что происходит в мире [6; с. 73].

В макрокомпонентной модели значения фразеологизмов (состоящей из набора семантических признаков-макрокомпонентов: денотативного, рационально-оценочного, мотивационного, эмоционально-оценочного, или эмотивного) эмотивный компонент является самым основополагающим компонентом их семантики. При этом он связан с мотивационным компонентом, информирующем о способе мотивации значения фразеологизма, о соотношении значения фразеологической единицы с образным основанием, заложенным в основе номинации фразеологизмом определенного явления действительности. Фактором, мотивирующим значение фразеологизма и его эмотивность, является внутренняя форма. Эмотивность фразеологических единиц строится на ассоциации образа, лежащего в основе смысловой целостности фразеологизма, и вызывающей образно-ассоциативную связь с ним сигнификативного значения фразеологической единицы. Ассоциативно-образное основание фразеологизма является необходимым стимулом для появления эмоциональной реакции. Эмотивный компонент значения идиом – это реакция носителей языка на буквальное восприятие образа, а эмотивный компонент – следствие интерпретации образного основания идиомы при соотношении его с категориями и установками культуры [7, с. 232; 2, с. 5, 8]. Таким образом, для создания эмотивности фразеологизму необходимо иметь образную мотивацию. При этом важным моментом является то, что «у эмотивно окрашенных значений есть свой отличительный признак – все они прошли через вторичную номинацию, обретя в этом процессе эмотогенный компонент: мотивацию» [8; с. 23].

Фразеология является своего рода зеркалом национального своеобразия языка. Национально обусловленным является и процесс выражения эмоциональных состояний, что проявляется как на экстралингвистическом, так и непосредственно на лингвистическом уровне. От эмоциональной компетенции партнеров по коммуникации зависит эффективность процесса общения. Эмоциональная компетенция включает в себя (в том числе) знания средств выражения и описания эмоциональных переживаний в контекстах конкретной культуры. При этом крайне важным является вопрос и о нормах реализации эмотивов. Известно, что язык – это постоянно развивающийся феномен, нормы которого прикреплены к определенному периоду времени. Наиболее подвижны нормы именно в эмотивной сфере языка [9; с. 150].

В этом контексте интересным представляется интерпретация образного основания нового эмотивного фразеологизма *etwas ist für jmdn. ein inneres Blumenpflücken* с целью лингвокультурологической трактовки ассоциативно-образного основания немецкого фразеологизма на предмет описания конкретной ситуации эмоционального оценивания и анализа эмотивного значения идиомы, а также составляющей национально-культурного компонента, заключенного в ней.

Фразеологизм *etwas ist für jmdn. ein inneres Blumenpflücken* (букв. «что-л. является для кого-л. внутренним собиранием цветов») – ‘о чём-л. очень приятном, доставляющем большое наслаждение’ употребляется в немецком языке с начала второго десятилетия XXI в. преимущественно в устной разговорной речи.

Новая идиома восходит к фразеологическому обороту *EswarmireininnererReichsparteitag* (букв. «Это был для меня внутренний Имперский партийный съезд»), который вошел в оборот примерно с 1933 г. во времена национал-социализма и использовался для выражения чувства глубокого удовлетворения.

Речь идёт о партийных конгрессах НСДАП, проходивших в период с 1923 г. по 1938 г., цель которых состояла в демонстрации величия германской нации и нацистской пропаганде. В последние дни съездов проходили помпезные парады Гитлерюгенда, СС, СА и Вермахта, проводились факельные шествия и эффектные световые шоу. Торжественные мероприятия съездов транслировались по телевидению.

Таким образом, идиома *esismireininnererReichsparteitag* возникла как метафорическое описание чувства наслаждения и восхищения, испытываемого участниками во время подобных невероятно помпезных праздников.

В разговорном языке послевоенного периода образное выражение сохранило за собой положительную коннотацию, но стало также использоваться в контекстах с иронической оценкой или (часто в молодёжном жаргоне) с отрицательной коннотацией (как пародия на данные мероприятия). Также и в современный период фразеологизм *EswarmireininnererReichsparteitag* часто использовался в публикациях немецкой прессы для описания состояния счастья, наслаждения, глубокого удовлетворения. Вплоть до 2002 г. фразеологический оборот фиксировался в словаре устойчивых выражений и пословиц Duden, однако с пометой *veraltet* (устаревшее).

В настоящее время в связи с изменением исторических реалий ключевой компонент фразеологизма – *Reichsparteitag* – заменяется простым, понятным всем образным основанием – *Blumenpflücken*, осмысляемым в контексте как состояние радости, лёгкости, красоты и счастья, которое испытывает каждый, кто собирает цветы.

В разговорной речи модель описываемой идиомы активно используется с заменой основного компонента оригинальным, называющим конкретное действие, которое доставляет говорящему большое удовольствие, например: *EswarmireininneresKuchenessen* (*Kuchenessen* – букв. «поедание пирога»); *Es war mir ein inneres Volksfest* (*Volksfest* – букв. «народный праздник»); *Es war mir ein inneres Pokalfinale* (*Pokalfinale* – букв. «финал кубка»).

Таким образом, мотивация значения описываемого фразеологизма вызывает ассоциативно-образное представление (образ прочитывается буквально и воспринимается как зрительная картинка), эмотивность порождается внутренней формой, т.е. ситуативным образом, ассоциирующимся с чувством радости и счастья, испытываемым человеком во время сбора цветов. Образ-ассоциация – это визуальное представление того чувства (ощущения), которое описывает данная идиома. Этот образ не является непосредственно чувственным представлением, но он воображаем, умозрачен. Основным компонентом идиомы *Blumenpflücken* интерпретируется как позитивно окрашенный и со значением радости, восторга как проявление эмотивности. Так, эмотивное значение фразеологизма строится на основе эмоционально-оценочной семантики образной составляющей внутренней формы фразеологической единицы, что является неотъемлемым компонентом для создания экспрессивного эффекта. Новая идиома содержит в себе национальный компонент. Фразеологическое значение описываемой идиомы построено на замене устаревшего базового образа, являющегося частью исторической памяти немецкой нации, новым, нейтральным, понятным всем вариантом, выражающим эмоциональное состояние через признаки внешнего мира.

Сходство или различие образного основания фразеологических единиц в разных языках свидетельствует об определенной общности или уникальности ассоциативно-образного мышления носителей разных языков. Наличие во фразеологическом фонде современного немецкого языка описываемой эмотивной идиомы, представляющей собой специфическое национальное образование, объясняется индивидуальностью исторического опыта немцев, самобытностью их культуры, особым восприятием действительности представителями немецкой лингвокультуры, что отражается в своеобразии ее образного осмысления и отражения средствами немецкого языка.

Диапазон действия эмотивности ограничивается предельными параметрами «одобрение – неодобрение». В зависимости от конкретных условий общения эмотивные характеристики

фразеологизмов проявляются в текстах разного типа по целому ряду аспектов. Согласно Н.А. Хомяковой, «в конкретных условиях общения эмотивные характеристики фразеологических единиц поистине неисчерпаемы, очень широки и даже неопределенны» [10; с. 301].

Анализ примеров употребления рассматриваемого фразеологизма в современной художественной литературе показывает, что поиск соответствий для новой идиомы, образованной, прежде всего, для выполнения экспрессивно-оценочной функции, представляет значительную трудность. Единица отличается своеобразием метафорического переосмысления и специфическим характером образного представления. Здесь при подборе эквивалентов необходимо учитывать не только совпадение в семантическом и прагматическом поведении, сходство внутренней формы, но также функциональную эквивалентность немецкого фразеологизма и русскоязычных соответствий. Выбор функциональных переводческих эквивалентов для эмотивных фразеологических единиц осложняется тем, что «...разным культурам свойственно разное отношение к эмоциям, что выражается, в частности, в наличии культурно вариативных правил проявления эмоций» [11; с. 27]. Таким образом, главным фактором коммуникативной стратегии перевода эмоциональных и психических состояний, кроме знания языковых особенностей, должно быть знание культуры, психологических и этических особенностей говорящего. Такие функциональные переводческие эквиваленты должны гарантировать передачу эмоциональной реакции со стороны слушающего внутри своей социокультурной ниши. Приведем некоторые примеры возможных вариантов перевода описываемой идиомы:

(1) *Nach zwei energiegeladenen Stunden fällt der Vorhang im großen Casper-Theater, zurück bleiben euphorisierte Menschen, vor und auf der Bühne. „Es war uns ein inneres Blumenpflücken“, kräht der 31-jährige Charmebolzen zum Abschied.* (После двух часов невероятной энергетики шоу Каспера подходит к концу, перед сценой и на сцене остаётся стоять наполненная эйфорией публика. «**Это было феерично, просто праздник души**», – кричит на прощание преданный 31-летний поклонник) (Nürnberger Zeitung, 19.03.2014).

(2) *Nach einer Stunde saßen alle im Bus, die drin sitzen sollten und alle Namen auf der Liste der Reiseleiterin waren durchgestrichen. Die Dame war noch dieselbe wie vor Weihnachten 2012, als wir das letzte Mal hier gewesen waren. Wir begrüßten sie mit ihren Abschiedsworten von damals, an die Situation angepasst. Es ist uns ein inneres Blumenpflücken, Dich zu sehen und wieder bei euch zu sein. Sie freute sich sehr.* (Через час все сидели в автобусе, и все фамилии в списке гида были вычеркнуты. Экскурсоводом была та же самая дама, что и на Рождество в 2012 г., когда мы были здесь в последний раз. Мы поприветствовали её словами, которыми попрощались в прошлый раз, немного перефразировав их под ситуацию. **Это как бальзам на душу для нас**, видеть тебя и снова быть с вами. Она очень обрадовалась). (Dr. Max. S. Justice. Die Sonne auf der Nasenspitze: Cluburlaub Insidergeschichten, 2018).

(3) *Vom Start bis zum Ziel rannten wir gut gelaunt nebeneinander, unsere Füße trommelten gleichmäßig und kraftvoll zugleich auf den Asphalt der Kölner Innenstadt, dass es für mich wie ein inneres Blumenpflücken war – es fühlte sich nach all dem intensiven Training einfach großartig an* (От старта до финиша мы бежали рядом друг с другом в приподнятом настроении, наши ноги равномерно и энергично барабанили по асфальту центра Кёльна, **в моей душе все пело и ликovalo**, и это чувство переполняло меня после каждой интенсивной тренировки). (Sven Lorig. Lässig laufen: Warum Fitness keine Folter braucht, 2016).

(4) *Carlo hält gerade einen Vortrag über die Langusten, die als Einlage für die Suppe dienen. Er faselt irgendwas von Fangtiefe und Population. Das sind zumindest die Wortfetzen, die ich raushöre. Es ist mir ein inneres Blumenpflücken, ihm bei seiner Klugscheißerei ins Wort zu fallen.* (Карло читает лекцию о лобстерах, которые служат основой для супа. Он болтает что-то о глубине вылова и популяциях. По крайней мере, это фрагменты его речи, которые долетают

до меня. **Мне доставляло невероятное наслаждение** перебивать его во время его умных речей). (Matthias Vormbrock. *Es hört nie auf*, 2013).

(5) „Hi!“, begrüßte Günni uns und reichte jederm die Hand. „**Ist mir ein totales inneres Blumenpflücken und so, euch heute Nacht auf meinem Schrottplatz zu beherbergen.**“ («Привет!» - Гюнни поприветствовал нас и пожал каждому руку. **«Я с превеликим удовольствием** готов приютить вас сегодня ночью на своей свалке»). (Britte Sabbag. *Stolperherz*, 2014).

(6) *Wir haben ja Hip-Hop in Deutschland mit aus der Wiege holen dürfen, aber der Schritt, deutsch zu rappen, fühlte sich schon abenteuerlustig an, weil das noch nicht sehr verbreitet war. Insofern glauben wir, dass wir schon einen gewissen Teil zu deutschem Rap beisteuern konnten, der fehlen würde, wenn wir es nicht gemacht hätten. Und es ist natürlich ein inneres Blumenpflücken, wenn man heute erfolgreichen jüngeren Künstlern dabei zuhört, wie sie hier und da mal auch ein bisschen nach uns klingen.* (Мы смогли развить хип-хоп в Германии, но начать заниматься немецким рэпом было совсем чем-то авантюрным, поскольку это направление было не настолько популярно. В этом отношении мы считаем, что мы смогли внести определенную роль в распространение рэп-культуры в Германии, которой просто не существовало бы, если бы мы за это не взялись. И, конечно, **нам очень льстит**, что успешные молодые исполнители сегодня в той или иной степени подражают нам). (*Die Zeit*, 08.09.2015 (online)).

Подводя итоги, можно заключить, что изучение специфики репрезентации эмоций в языке, в частности дескрипций эмоций на фразеологическом уровне, способствует формированию эмоциональной компетенции партнеров, которая включает в себя (в том числе) знание средств выражения и описания эмоциональных переживаний в контекстах конкретной культуры. Эмоциональное отношение отражается в языке и культуре, соответственно, изучение эмоций, особенностей их проявления вербальными средствами способствует более глубокому пониманию картины мира того или иного социума, так как эмоциональный опыт языковой личности локализуется в самой смысловой структуре слова.

Вербализация эмоций в различных лингвокультурах не всегда совпадает по форме и качеству эмотивных смыслов. Эмоциональность языка тесно связана с ментальностью этноса. Национальная образность, преломляясь через призму ментальности, проявляется во фразеологизмах, которые являются результатом народного творчества и мировосприятия. В случае уникальности образности внутренней формы фразеологизма в конкретном языке становится затруднительным находить точные переводные варианты данной единицы, которые могут быть менее эмотивны, чем оригинал. Субъективные переводческие решения по выбору средств репрезентации эмоции не всегда бывают исключительно точными. Таким образом, изучение эмотивной составляющей фразеологических единиц разных языков способствует адекватной вербализации эмоций в соответствующих ситуациях межкультурного общения.

Библиографический список

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. 190 с.
2. Кабакова С.В. Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты. *Specimina philologiae Slavicae* (Том 133). München: Verlag Otto Sagner, 2002. 124 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 179-205.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс +, 2005. 488 с.
6. Черданцева Т.З. Мотивационный макрокомпонент идиомы и параметр денотации // Фразеология в машинном переводе русского языка. М., 1990. С. 73-80.

7. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

8. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности: [монография] / В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. 214 с.

9. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

10. Хомякова Н.А. Эмотивность идиом // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. №. 16(40). СПб., 2007. С. 300-305.

11. Апресян В. Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 26-56.

References

1. Shakhovsky V.I. Categorization of emotions in lexical and semantic system of language. Voronezh State University, 1987. 190 p.

2. Kabakova S.V. The figurative basis of idioms: psychological and linguoculturological aspects. Specimina philologiae Slavicae (Volume 133). Munich: Verlag Otto Sagner, 2002. 124 p.

3. Wolf E.M. The functional semantics of evaluation. Moscow, 1985. 228 p.

4. Maslova V.A. Parameters of the text expressivity. // The human factor in the language. Language mechanisms of expressivity. Moscow, 1991. P. 179-205.

5. Kunin A.V. Phraseology of contemporary English. Dubna, 2005. 488 p.

6. Cherdantseva T.Z. Motivation macrocomponent of idioms and parameter of denotation // Phraseology in machine translation of the Russian language. Moscow, 1990. P. 73-80.

7. Teliya V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatical and linguoculturological aspects. Moscow, 1996. 288 p.

8. Teliya V.N. Expressivity as a manifestation of the subjective factor in the language and its pragmatic orientation // The human factor in the language: Language mechanisms of expressivity: [a monograph] / V.N. Teliya, T.A. Grafova, A.M. Shakhnarovich [etc.]; ed. By V.N. Teliya. Moscow, 1991. 214 p.

9. Shakhovsky V.I. Linguistic theory of emotions. Moscow, 2008. 416 p.

10. Khomyakova N.A. Emotivity of idioms // News of Herzen State Pedagogical University. Postgraduate notebooks. St.-Petersburg, 2007. Vol. 16 (40). P. 300-305.

11. Apresyan V.Y. Speech strategies for expressing of emotions in the Russian language // Russian language in scientific lighting. 2010. Vol. 2 (20). P. 26-56.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат биологических наук,
магистрант кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
Васильева Н.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +79202101050
e-mail: nechay.n@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, master student
Vasilieva N.A.
Russia, Voronezh, tel. +79202101050
e-mail: nechay.n@mail.ru*

Н.А. Васильева

ФУНКЦИИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В МЕДИАТЕКСТАХ

Статья посвящена исследованию функционирования медицинских терминов в современных медиатекстах. Терминологический состав медицинской науки рассматривается как «живая» динамичная система, функционирующая как в научном, так и в публицистическом стиле. Исследование базируется на классификации медицинских терминов по сложности восприятия их аудиторией с выделением широкоупотребительных, специальных и узкоспециальных терминов. У читателя, не являющегося специалистом в области медицины, возникают сложности с пониманием значения узкоспециальных терминов, если автор не вводит в текст дополнительную дефинитивную структуру. В данном случае можно говорить об использовании термина как средства речевого воздействия на читателя. Помимо этой функции, медицинские термины, встречающиеся в медиатекстах в прямом значении, служат для передачи знаний, информации и популяризации научных знаний. Правильное использование медицинских терминов позволяет наиболее полно реализовать информативную функцию текста, сделав его доступным для широкого круга читателей, привлекает интерес к новостям в области медицины, информирует о необходимости совершения тех или иных действий, связанных с медициной и здоровьем. Использование коннотативных значений медицинских терминов вызывает эмоциональный отклик у читателя, повышая или снижая его лояльность к тексту.

Ключевые слова: термин, функции терминов, медиатекст, медицинские термины, речевое воздействие.

N.A. Vasilieva

FUNCTIONS OF MEDICAL TERMS IN MEDIA TEXTS

The article is devoted to the study of the functioning of medical terms in modern media texts. The terminological composition of medical science is considered as a “living” dynamic system, functioning both in scientific and journalistic style. The study is based on the classification of medical terms by the complexity of their perception by the audience with the allocation of widely used, special and highly specialized terms. A non-specialist reader (in the field of medicine) has difficulty in understanding the meaning of highly specialized terms if the author does not introduce an additional definitive structure into the text. In this case, we can talk about using the term as a means of verbal influence on the reader. In addition to this function, medical terms that are used in literal meaning in media texts are aimed to transfer knowledge, information and popularize science. The correct use of medical terms makes the text informative for a wide range of readers, attracts interest to the news in the field of medicine, informs about the importance of performing certain actions related to medicine and health. The use of connotative meanings of medical terms causes an emotional response of the readers, increasing or decreasing their loyalty to the text.

Key words: term, term functions, media text, medical terms, speech effect.

Медицинская терминологическая лексика активно используется в текстах современных средств массовой информации. Научное знание представляет собой «живой» процесс, при котором терминологический состав разных отраслей знаний постоянно пополняется, что находит отражение в том числе и в медиатекстах.

Термин определяется как «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [1, с. 556]. По сложности восприятия аудиторией термины делятся на узкоспециальные, специальные и широкоупотребительные. Узкоспециальные термины употребляются авторами для написания научных работ. В медиатекстах они тоже встречаются, но доступны для понимания только специалистам, поэтому требуют пояснения. Толкование данных терминов представлено только в специальных словарях. В толковых словарях русского языка специальные термины маркированы «спец.». Широкоупотребительные термины хорошо знакомы широкой аудитории читателей, и в толковых словарях представлены без пометок [2, с. 12], [3, с. 84].

Количество новых медицинских терминов в языке стремительно растёт, и их понимание на этапе появления доступно узкому кругу читателей-специалистов в области медицины. Благодаря средствам массовой информации термины проникают в общеупотребительный язык. Информация о новом знании регулярно появляется в медиатекстах, и терминология становится доступной большому кругу читателей; наблюдается расширение сферы употребления и круга применения терминологической лексики [4; с. 30].

Медицинские термины в медиатекстах можно встретить как в прямом, так и в переносном значении («Горячие **сердца** Кубани» [5] и «Жителям Краснодарского края проверят работу **сердца** бесплатно» [6]). Это обусловлено типом целевой аудитории, особенностями публицистического стиля, тематикой, разнообразием жанров, смысловыми особенностями сообщения. Наибольшее влияние на выявление функций терминов оказывает жанровое разнообразие медиатекстов.

Если термин, употребленный в тексте, выполняет свое основное лексическое значение и обозначает предмет, явление, действие или признак без дополнительных смыслов, то это его прямое значение. Нами выделено четыре функции терминов, употребленных в прямом значении.

1. Функция передачи знаний. Специальные медицинские термины, обозначающие специальные явления и процессы, переходят в разряд широкоупотребительных с целью передачи читателю доступного для его восприятия научного знания [4; с. 84]. Например: «Если **клещ** впился в **тело** – его рекомендуют осторожно удалить и оперативно обратиться к **врачу**. Извлеченного **клеща** нужно поместить в **пробирку** с мокрой **ватой** и затем сдать на **анализ** в **лабораторию** (например, Центр гигиены и эпидемиологии), которые есть в каждом регионе» [7].

Прочитав данный текст, читатель, не имеющий отношения к медицине, получает знания о том, что делать, если его укусил клещ. Все использованные термины: **клещ, тело, пробирка, вата, анализ, лаборатория, гигиена эпидемиология** – являются широкоупотребительными, их можно найти в толковом словаре без пометы «спец.». Можно заключить, что данный текст в доступной форме доносит до читателя научное знание.

2. Функция передачи информации. Термины, употребленные в своем номинативном значении, в данном случае гарантируют достоверность и объективность информации, содержащейся в публицистическом тексте [4; с. 79]. Например: «Хотелось бы подчеркнуть, что термин **«ревматизм»** в настоящее время в медицинской практике не используется, хотя вы правы: в обыденной жизни им обозначают все, что связано с **мышечно-суставной болью**. У людей с этой **патологией**, когда они выходят на холод, усиливаются боли в **суставах** кис-

тей, белеют пальцы, а в тепле этого не происходит. А у кого-то идет обострение других болезней суставов, и это связано как с ухудшением микроциркуляции крови, так и с другими причинами, например с учащением вирусных и бактериальных инфекций» [8].

В данном тексте врач дает интервью журналисту и рассказывает о термине «**ревматизм**» доступными словами. Используются термины: *мышечно-суставная боль, патология, суставы, кисти, пальцы, болезни суставов, микроциркуляция крови, вирусные и бактериальные инфекции*. Для пояснения термина «**ревматизм**» в текст вводится дефиниция – часть текста, раскрывающая для читателя-неспециалиста значение использованного термина [9; с. 82-85].

Если обратиться к медицинскому словарю, то там можно найти следующее определение данного заболевания: «**Ревматизм (rheumatismus; греч. rheumatismos течение, истечение жидкости, патологические выделения; син. Сокольского-Буйо болезнь) — инфекционно-аллергическая болезнь, этиологически связанная со стрептококком группы А, характеризующаяся системным воспалением соединительной ткани с преимущественной локализацией процесса в сердечно-сосудистой системе и рецидивирующим течением**» [10].

В словарном определении понятия «**ревматизм**» использованы узкоспециальные термины, латинские и греческие слова. Такое определение понятно только специалисту, имеющему медицинское образование. Использование подобных определений в медиатексте может привести к частичному или абсолютному непониманию читателями содержания – так называемым семантическим потерям, а следовательно, к снижению интереса к написанному. Таким образом, термины, употребляемые в текстах, рассчитанных на массовую аудиторию в области медицины и фармацевтики, должны соответствовать требованию коммуникативности [4, с. 89].

Еще один пример передачи информации с использованием терминов: «*Для нормальной работы желудочно-кишечного тракта после 60 лет нельзя забывать и про витамины группы В. Большие всего их в зелени, в шпинате, а также в кислых ягодах, какао, семенах льна, подсолнуха и фисташках. В довесок витамины этой группы подстёгивают процесс обмена веществ, защищают от анемии и ослабления иммунитета*» [11].

В данном тексте в упрощенной форме говорится о пользе витаминов группы В без упоминания узкоспециальных терминов, формул, сложных для восприятия читателем латинских названий, описания процессов. Следующие медицинские термины: *желудочно-кишечный тракт, обмен веществ, анемия, иммунитет* – присутствуют в толковом словаре Ожегова и помечены как специальные [12]; термин *витамины* не имеет такой пометы, следовательно, его можно считать общеупотребительным. Важно отметить, что особенностью данного текста является его чрезмерная доступность, передача информации на примитивном уровне, несмотря на использование медицинских терминов. Об этом свидетельствует употребление слова *подстёгивать*, словосочетания *больше всего*, предлога *про* (витамины).

3. Функция популяризации научного знания. Научные знания излагаются в увлекательной форме, понятной читателю-неспециалисту. Целью таких текстов является повышение уровня знаний аудитории в актуальных вопросах здоровья, профилактики и лечения заболеваний [13; с. 365]: «**Бешенство – вирусное заболевание с поражением центральной нервной системы, всегда заканчивается смертью. Главная мера борьбы с этой болезнью – профилактика.**

Заражение происходит через слюну больных животных, при укусах, а также через ссадины, царапины, ослюнения кожных покровов, слизистую оболочку глаз, полости рта, носа и даже при соприкосновении с каким-либо предметом или одеждой, загрязненным слюной бешеного животного. Можно заразиться и при снятии шкур животного» [14].

Этот текст популяризирует знание о таком заболевании, как бешенство, дает исчерпывающую информацию о том, как происходит заражение, и о важности профилактики как

единственном способе борьбы с бешенством. Термины, использованные в тексте, доступны широкому кругу читателей.

4. Функция речевого воздействия на читателя. В публицистических текстах иногда встречается неоправданное использование узкоспециальных терминов, неизвестных читателю, например: «*Существующие сегодня технологии позволяют получать интерферон двумя способами. Первый – экстрагирование из лейкоцитов донорской крови человека – это так называемый лейкоцитарный интерферон, который используют только по жизненным показаниям из-за потенциальной возможности попадания в организм таких опасных инфекций, как вирусы гепатитов В, С, D и др. Более продвинутый, современный способ — с помощью методов генной инженерии — позволяет получать **рекомбинантный интерферон** без использования крови человека. Такой интерферон используют для лечения как вирусных, так и онкологических заболеваний*» [15].

Узкоспециальные медицинские термины, представленные в данном тексте (**экстрагирование** и **рекомбинантный интерферон**), не поясняются автором ни в тексте статьи, ни в виде сносок. Сайт «Российской газеты» рассчитан на широкий круг читателей, не являющихся специалистами в области медицины, поэтому эти термины не будут распознаны аудиторией. Употребление непонятных читателю терминов, с одной стороны, приводит к ухудшению понимания текста. С другой стороны, введение сложной терминологии – один из способов словесной манипуляции.

Использование терминов в медиатекстах позволяет усилить авторитетность заявления. Коннотативное значение термина повышает лояльность аудитории или, наоборот, отталкивает читателя. Часто в публицистических текстах можно встретить метафоры с использованием медицинской терминологии, например: «*В четверг на Восточном экономическом форуме участники бизнес-диалога «Россия – Япония» пришли к выводу, что Транссибирская магистраль становится важной транспортной **артерией** для азиатских грузоотправителей*» [16]; «*Глава нацкомиссии рассказал о «**раковой опухоли**» экономики Украины*» [17]; «*Амнезия за деньги. Как Европа забывает о войне в Украине*» [18].

Существует такое явление, как «иллюзия понятности». Оно возникает, когда читатель встречает в тексте термин, определения которого он не знает, но понимает общее его значение [19]. Термин, употребленный в медиатексте, имеет коммуникативный результат только в том случае, когда читатель понимает его значение, когда содержание термина для читателя раскрыто [20].

Таким образом, медицинские термины, встречающиеся в медиатекстах в прямом значении, выполняют важные функции: осуществляется передача научных знаний широкому кругу читателей; информирование читателей о важности тех или иных действий, связанных с медициной и здоровьем; благодаря терминам происходит популяризация медицинской науки; с помощью терминов автор медиатекста воздействует на читателя, повышая или снижая его лояльность, используя коннотативное значение медицинских терминов. Медиатекст становится менее информативным, если читатель не понимает значение употребленных терминов.

Библиографический список

1. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997.
2. Аксёнова Г.Н., Кожухова Н.Е., Шарапа А.А. Особенности лингвистического и логико-понятийного аспектов изучения медицинских терминов. URL: <http://www.bsmu.by/bmm/04.2004/42htm/> (дата обращения – 15.11.19).

3. Жидкова Ю.Б. Функционирование медицинских терминов в рассказах А.П. Чехова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2007. № 2 (ч. 2). С. 84-88.
4. Ци Ванчжи. Термины в современной русской газете. М.: МАКСПресс, 2006. 132с.
5. Горячие сердца Кубани. URL: <https://www.kubantv.ru/details/goryachie-serdtsa-kubani/>(дата обращения – 15.11.19).
6. Чеснокова О. Жителям Краснодарского края проверят работу сердца бесплатно. URL: https://360tv.ru/news/zdorove/zhiteljam-krasnodarskogo-kraja-proverjat-rabotu-serdtsa-besplatno/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews(дата обращения – 15.11.19).
7. Осипов А. Клещи-кровососы в регионах РФ уже вышли на охоту URL:http://www.ng.ru/health/2019-04-11/100_190411acari.html(дата обращения –04.12.2019).
8. Витаминный ликбез для тех, кому «за...» URL:<https://vr-gazeta.ru/gazeta/nomer-28-ot-8-iyulya-2019/vitaminnyu-likbez-dlya-tekh-komu-za-/>(дата обращения - 02.12.2019).
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2004.
10. Как в экстремальное время года не допустить болезней суставов. URL:<https://www.mk.ru/social/health/2019/11/29/kak-v-ekstremalnoe-vremya-goda-ne-dopustit-bolezney-sustavov.html> (дата обращения – 03.12.2019).
11. Волкова Л.Б., Гордейчук Л.В., Моисеева В.Л. Основы научной речи: учеб.пособие / Под. ред. В.В. Химики, Л.Б. Волковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр Академия, 2003. 272с.
12. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х т. М., 1982-1984.
13. Гришечкина Г.Ю. Прагматические особенности научно-популярного дискурса // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф. 25-26 апр. 2008 г. Т. 1. Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. С.363-369.
14. Второй за осень случай бешенства выявлен на территории Дубны URL:http://indubnacity.ru/novosti/goryachaya_tema/vtoroy-za-osen-sluchay-beshenstva-vyyavlen-na-territorii-dubny1 (дата обращения – 03.12.2019).
15. Тульнова И. Вирусы начинают и проигрывают URL:<https://rg.ru/2019/03/04/rossijskaia-medicina-razrabotala-nadezhnuiu-zashchitu-ot-grippa-i-orvi.html> (дата обращения – 02.12.2019).
16. Артерия для японских потоков. URL:<https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1476234&archive=2019.09.06> (дата обращения – 02.12.2019).
17. Глава нацкомиссии рассказал о «раковой опухоли» экономики Украины URL:<https://iz.ru/940049/2019-11-06/glava-natckomissii-rasskazal-o-rakovoi-opukholi-ekonomiki-ukrainy> (дата обращения – 02.12.2019).
18. Глава нацкомиссии рассказал о «раковой опухоли» экономики Украины // URL:<https://inosmi.ru/politic/20170725/239901007.html> (дата обращения – 02.12.2019).
19. Введенская Л.А. Проблема общедоступности языка газеты // Методы исследования журналистики. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 1981. С. 25.
20. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология // Сборник за филолопцу и лингвистику, кн. XXIV/2, Нови Сад, 1981. С. 177-180.

References

1. Russian language: Encyclopedia. Moscow, 1997.

2. Aksenova G.N., Kozhukhova N.E., Sharapa A.A. The specificity of linguistic, logical and conceptual aspects of the study of medical terms. URL: [http://www.bsmu. by/bmm/04.2004/42htm/](http://www.bsmu.by/bmm/04.2004/42htm/) (date of application – 15.11.19).
3. Zhidkova Y.B. The functioning of medical terms in the stories by A.P. Chekhov // The Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and cross-cultural communication. Voronezh, 2007. Vol. 2 (part 2). P. 84-88.
4. Qi Wanji. Terms in modern Russian newspapers. Moscow, 2006. 132 p.
5. Warm hearts of the Kuban. URL: <https://www.kubantv.ru/details/goryachie-serdtsa-kubani/> (date of application – 15.11.19).
6. Chesnokova O. Residents of Krasnodar region can check the work of their hearts at no charge. URL: https://360tv.ru/news/zdorove/zhiteljam-krasnodarskogo-kraja-proverjat-rabotu-serdtsa-besplatno/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%ewF2% (date of application – 15.11.19).
7. Osipov A. Ticks the bloodsuckers in the regions of the Russian Federation have already started hunting. URL: http://www.ng.ru/health/2019-04-11/100_190411acari.html (date of application – 12.04.2019).
8. Vitamin educational program for those who are "over ...". URL: <https://vr-gazeta.ru/gazeta/nomer-28-ot-8-iyulya-2019/vitaminnyy-likbez-dlya-tekh-komu-za/> (date of application – 02.12.2019).
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of Russian language. Moscow, 2004.
10. How to prevent joint diseases at extreme times of the year. URL: <https://www.mk.ru/social/health/2019/11/29/kak-v-ekstremalnoe-vremya-goda-ne-dopustit-bolezney-sustavov.html> (date of application – 03.12.2019).
11. Volkova L.B., Gordeychuk L.V., Moiseeva V.L. Fundamentals of scientific speech. St. Petersburg - Moscow, 2003. 272p.
12. Encyclopedic dictionary of medical terms. In 3 volumes Moscow, 1982-1984.
13. Grischechkina G.Y. Pragmatic features of popular science discourse // Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and culturological aspects: Vol. 1. Chelyabinsk, 2008. P.363-369.
14. The second case of rabies in autumn was detected in Dubna. URL: http://indubnacity.ru/novosti/goryachaya_tema/vtoroy-za-osen-sluchay-beshenstva-vyyavlen-na-territorii-dubny1 (date of application – 03.12.2019).
15. Tulnova I. Viruses start and lose. URL: <https://rg.ru/2019/03/04/rossijskaia-medicina-razrabotala-nadezhnuiu-zashchitu-ot-grippa-i-orvi.html> (date of application – 03.12.2019).
16. Artery for Japanese flows. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1476234&archive=2019.09.06> (date of application – 12.02.2019).
17. The head of the National Commission spoke about the "cancer tumor" of the Ukrainian economy. URL: <https://iz.ru/940049/2019-11-06/glava-natckomissii-rasskazal-o-rakovoi-opukholi-ekonomiki-ukrainy> (date of application – 12.02.2019).
18. The head of the national commission spoke about the "cancer tumor" of the economy of Ukraine. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170725/239901007.html> (date of application – 12.02.2019).
19. Vvedenskaya L.A. The problem of general accessibility of the newspaper language. Journalism Research Methods. Vol. 3. Rostov-on-Don, 1981. P. 25.
20. Kogotkova T.S. Russian dialect lexicology // A compilation for the philologist and linguistics, vol. XXIV / 2, NoviSad, 1981. P. 177-180.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 80

*Университет им. Св. Кирилла и Мефодия
в Скопье*

*кандидат филологических наук,
преподаватель русского языка
как иностранного в Русском центре
Обухова Е.С.*

*Республика С. Македония, г. Охрид,
тел. +38975255737
e-mail: _oes_@mail.ru*

Voronezh State University

*PhD, lecturer of Russian as foreign language
In Russian Centre in Ss. Cyril and Methodius
University in Skopje
Obukhova E.S.*

*Republic of N.Macedonia, Ohrid,
tel. +38975255737
e-mail: _oes_@mail.ru*

Е.С. Обухова

КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ» – НАУЧНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И С. МАКЕДОНИИ

Е.С. Obukhova

CONFERENCE «RUSSIAN LANGUAGE, LITERATURE AND CULTURE: PAST, PRESENT AND FUTURE» - SCIENTIFIC RELATIONS OF RUSSIA AND N. MACEDONIA

С 30 сентября по 2 октября 2019 года в Русском центре в Республике С. Македонии прошла II Международная конференция «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее и будущее», организованная Русским центром при УКИМ при поддержке фонда «Русский мир». Цель конференции – поддержка русистов в Македонии и македонистов в России, развитие научного сотрудничества между Македонией и Россией, а также организация взаимодействия между исследователями и преподавателями из разных стран, занимающимися проблематикой русского и македонского языков. Рабочими языками конференции являются все славянские языки и английский язык.

На пленарном заседании выступили посол Российской Федерации в Республике С. Македонии Е.П. (Его Превосходительство) Сергей Александрович Баздникин, директор Русского центра при Университете им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье проф. д-р Велимир Стойковский и проф Владимир Петрушевский, д.х.н.

В рамках конференции была проведена работа четырех секций: лингвистической, секции по литературе и культуре, переводческой секции и секции методики преподавания русского языка.

Лингвистическая секция была представлена следующими темами: русский язык в современном мире; российская наука о языке и ее вклад в мировую лингвистику; русский язык и его сравнение с другими языками (компаративные исследования).

Доклады переводческой секции затрагивали следующие проблемы: особенности и сложности при переводе современной русской литературы; переводы произведений А.С.Пушкина.

В работу секции методики преподавания русского языка были включены доклады, посвященные следующим вопросам: методика преподавания русского языка: новости и тенденции; влияние российской методической школы на общую методику преподавания родного/инострannого языка.

Секция по литературе и культуре включала доклады на тему литературного и культурного наследия А.С. Пушкина и Н.В.Гоголя.

Пленарное заседание открыли доклады проф. д-ра Эмила Ниами «Влияние А.С.Пушкина на современный русский язык», проф. Лореты Георгиевской «Актуальность Гоголя сегодня» и Е.С.Обуховой «Национальные особенности в художественном переводе на примере перевода романа Ольги Славниковой «Легкая голова» на македонский язык.

Участниками лингвистической секции стали Лильяна Макарийоска («Русская этнолингвистика как основа южнославянских этнолингвистических исследований»), Элка Ячева-Улчар, Мария Чичева-Алексич «Имена греческого происхождения в русском антропонимостиконе», Геннадий Ковалев «О прародине славян», Красимира Илиевска «О некоторых приставочных русско-македонских глаголах в аспекте межъязыковой омонимии», Мария Панчева «Герой художественного произведения как языковая личность в контексте современной лингвистики», Лидия Тантуровска «Причастие в русском языке», Зорица Трайкова, Людмила Архимавичиене с докладом о скифах, Христина Андоновска «О некоторых лингвистических особенностях дипломатического дискурса в русском и македонском языках», Елена Верижникова «Языковые и дидактические проблемы перевода с македонского на русский (переводим Блаже Конеского)», Вячеслав Теркулов «Региолект как единица актуального территориального членения русского языка».

Участники секции «Язык, перевод, методика»: Костадин Голаков «Ненормативная лексика в сборнике рассказов «Вышли покурить на 17 лет» Михаила Елизарова и ее эквиваленты в македонском языке, Мария Пандева «Различия в переводах Чехова на македонский язык», Резникова Татьяна, Иоанна Мампе «Имитационная фирма как интерактивная технология в обучении русскому языку как иностранному студентов технического вуза», Юлия Новикова, Галина Атанова «Формирование коммуникативной компетенции студентов на занятиях по русскому языку и культуре речи при обучении слушанию», Мария Смирнова ««Хочу куплю», или особенности воспитания ребенка-билингва в Македонии», Наталья Кикило «Опыт проведения открытых уроков по РКИ в македонской школе», Сяндун Ли «Развитие самоидентификации китайских студентов-русистов в процессе изучения русского языка», Дарко Несторов «Изучение русского языка через Интернет-платформы», Бобан Карапейовски, Димитар Пандев «Показатели категории определенности в македонском и русском языке (на примерах опуса А.С.Пушкина)».

Остановимся подробнее на работе литературной секции, так как именно в ее работе принимали участие преподаватели из Воронежа. Неслучайно ключевой темой стало творчество А.С. Пушкина, причем не только в связи с 220-летним юбилеем великого писателя и поэта, но и потому, что данная тема является живой и актуальной во многих странах мира, где хорошо знают и любят произведения этого выдающегося автора. Модераторами конференции выступили проф. д-р Луси Караниколова-Чочоровска и проф. д-р Димитар Пандев.

Воронежскую научную школу на конференции представили к.ф.н. Елена Обухова, лауреат Пушкинского конкурса 2019 года с докладом на тему «А.С.Пушкин – новатор и современник (о творчестве А.С.Пушкина через призму последних интернет-реалий)», проф. д-р Геннадий Ковалев, заведующий кафедрой славянской филологии Воронежского государст-

венного университета с докладом «О прародине славян», Светлана Скуридина с докладом «Пушкин в восприятии героев Ф.М.Достоевского».

Е.С. Обухова рассмотрела особенности современного восприятия учащимися творчества А.С. Пушкина и то, как можно привлечь их к изучению произведений А.С.Пушкина.

Г.Ф. Ковалев в своем докладе о прародине славян рассказал на примере ономастических единиц, где находилась прародина славян и то, как это подтверждают этнонимы и другие лексические единицы славянских народов.

С.Скуридина отметила, что А.С.Пушкин для Ф.М.Достоевского – олицетворение настоящего русского человека. Персонажи Ф.М.Достоевского проверяются именем Пушкина: если мы видим презрительное отношение героя к великому поэту, значит, он не входит в число тех персонажей, которые выражают авторскую точку зрения, значит, к этому действующему лицу нужно повнимательнее присмотреться, чтобы выяснить, состоялся ли он как настоящий человек.

Также на секции с докладами выступили Мишел Павловски («Восприятие Гоголя в Македонии»), Луси Караниколова-Чочоровска («О поэтике Пушкина (в поэзии и прозе)»), Бильяна Туджаровска-Кюпева (Министерство культуры РСМ) («Восприятие Пушкина в Македонии»), Димитар Пандев («На фоне «Золотой рыбки») и Кристина Димовска («Трагизм» Игоря Святославича).

В ходе конференции были рассмотрены важные для Македонии вопросы восприятия пушкинских текстов в молодежных кругах, в сети Интернет, особенности цитирования произведений А.С.Пушкина, а также вопрос издания аудиокниг. Следует отметить, что количество издаваемых аудиокниг по сравнению с Россией очень мало, но при этом А.С.Пушкин занимает в их списке первое место. Были рассмотрены вопросы влияния произведений А.С.Пушкина на современных македонских авторов, а также вопросы визуализации пушкинских образов, что также является актуальным на настоящий момент.

Данная конференция является хорошим стимулом для развития научных и культурных связей между высшими учебными заведениями Республики С.Македонии и России, а также для более глубокой и плодотворной работы преподавателей и ученых, занимающихся вопросами теории, методики и преподавания русского и македонского языков в иностранной аудитории.

Пленарное заседание: выступает проф. д-р В.Петрушевский, в президиуме ректор университета Н.Янкуловский, посол Российской Федерации в Республике С.Македонии Е.П. С.А.Баздникин, директор Русского центра проф. д-р Велимир Стойковский

Пленарное заседание: выступление проф. д-р Эмила Ниами

Выступление к.ф.н. Е.Обуховой

Обсуждение докладов пленарного заседания

Выступления онлайн-участников (проф. Московского государственного университета им. Ломоносова Е.В.Верижникова)

Выступление проф. д-р Д. Пандева

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТу Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус-5

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального уни-
верситета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after M.V.
Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....
.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес-полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели *«первый снег как объект, обладающий определенными признаками»*. Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа *«некий объект как первый снег»*.

.....

.....

.....

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умираю-

щих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним* [Больные умирающие дети. – Н.М.] *идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 4(35) 2019

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Дата выхода в свет: 30.12.2019. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 500 экз. Заказ № 195.
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84